

В повести автор рассказывает о тревожных событиях, которые происходили в Минске накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, когда в город по решению партии прибыл Михаил Васильевич Фрунзе.

В течение короткого времени М.В. Фрунзе смог создать из большевиков и наиболее сознательных рабочих боеспособную милицию и организовать борьбу с уголовной преступностью. Выпуск книги посвящен 100-летию белорусской милиции.

ISBN 978-985-18-3925-0

9 789851 839250

Чергинец Н.И.
ПРИКАЗ №1

Чергинец Н.И.

ПРИКАЗ №1

Чергинец Н.И.

ПРИКАЗ №1

100 ЛЕТ
БЕЛОРУССКОЙ МИЛИЦИИ

Чергинец Н.И.

ПРИКАЗ №1

Повесть

МИНСК
«Харвест»

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=Рус)-445.7
Ч-457

Серия основана в 2016 году

Ч 457 Чергинец, Н. И.
Приказ №1 [повесть] / Николай Иванович Чергинец. —
Минск, Харвест, 2016. — 336 с.

ISBN 978-985-18-3925-0.

В повести автор рассказывает о тревожных событиях, которые происходили в Минске накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, когда в город по решению партии прибыл Михаил Васильевич Фрунзе, работающий тогда под фамилией Михайлов.

В течение короткого времени М.В. Фрунзе, ведя большую революционную деятельность, смог организовать борьбу с уголовной преступностью и создать из большевиков и наиболее сознательных рабочих боеспособную милицию, которую сам и возглавил.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бел=Рус)-445.7

© Чергинец Н. И., 2016
© Подготовка, оформление,
«Харвест», 2016

ISBN 978-985-18-3925-0

СНОВА В МИНСК

День угасал, когда к перрону Виленского вокзала, выбрасывая в морозный воздух клубы белого пара, пошел поезд. Лязгнув буферами и остановился. С подножки четвертого вагона легко прыгнул подтянутый мужчина в шинели без погон. Привычным движением поправил офицерскую фуражку, подхватил небольшой чемодан и энергично зашагал к выходу с перрона. На Привокзальной площади остановился, поставил чемодан на снег. Справа выстроились в ожидании седоков легкие пролетки. Сновали люди, пронеслись конные упряжки. Приезжий перевел взгляд на другую сторону площади, где была остановка конки. Мимо него неторопливо прошел рослый, крепко сложенный парень в овчинном полушубке. Тихо бросил на ходу:

— С прибытием, Михаил Александрович. Поедем на конке до Нижнего рынка. — И зашагал наискосок через площадь.

Приезжий постоял еще несколько секунд, зорко оглядываясь. Не заметив ничего подозрительного, двинулся вслед за парнем.

Парня звали Роман Алимов; это был надежный товарищ и помощник. Правда, даже Алимов не знал настоящей фамилии прибывшего — он встречал Михаила Александровича Михайлова.

Шагая через большую площадь к углу улицы Петербургской (она почему-то сохранила старое название), Михайлов вспомнил свой первый приезд в Минск почти восемь месяцев назад — в апреле. Он приехал тогда, как говорится, вслепую. Не знал, где приткнуться, на кого опереться. Туго бы ему пришлось, если бы не случайная встреча со старым другом по подпольной работе Исидором Любимовым.

На углу Петербургской Михайлов остановился еще раз. Две высокие красивые башни четко выделялись

на безоблачном морозном небе. Даже отсюда, на значительном расстоянии, он увидел на фронте здания надпись:

«Виленский вокзал». Окинул глазами площадь — слежки, кажется, не было — и повернулся к подошедшей конке. Недалеко стоял Алимов и всем своим видом выражал нетерпение. Понять его было нетрудно: конка в Минске работала нерегулярно, и Алимов не хотел упускать возможности уехать — поди угадай, когда появится следующая.

Среди толпившихся на остановке людей Михайлов протиснулся к вагону с впряженными в него тремя лошадьми. Бросил взгляд на надпись «Акционерное общество конно-железных дорог» и сказал:

— Ну что, Роман, поехали?

— Да, лучше всего этой конкой уехать, потому что следующая пойдет в сторону Брестского вокзала.

— Ну что ж, давай жми вперед.

Они с трудом влезли в набитый пассажирами вагон. Послышался звонок, затем щелчок кнута и простуженный голос невидимого с задней площадки кондуктора:

— А ну, трогайте, нестроевые!

Алимов тем временем пробрался к окну и потянул за рукав Михайлова:

— Подвигайтесь сюда, здесь будет удобнее.

Поставив у ног чемодан, Михайлов взглянул в окно. Конка со скоростью пешехода приближалась к Коломенской улице. Прикинул: ехать еще долго. Скоротать бы время за разговором с Алимовым, да нельзя — кругом чужие уши.

За окном проплывали необычно оживленные улицы Минска. Сейчас название этого прифронтового города мелькало во всех газетах мира. Здесь обосновался штаб Западного фронта, руководивший боевыми действиями почти двух миллионов солдат русской армии. Десятки военных и гражданских учреждений и организаций, чья деятельность была связана с нуждами фронта, тоже размещались в Минске.

Вагон, то ли от мороза, то ли оттого что в него набилось гораздо больше пассажиров, чем дозволено, противно и громко скрипел. Конка уже повернула на Захарьевскую, когда раздался пронзительный крик:

— Люди! Кошелек вырезали! Кто украл кошелек?!

Все задвигались, загалдели, и тут же послышалось торжествующее:

— Ага, попался! Вот он! Держу его, злодея! Смотрите, у него кошелек в руке.

Недалеко от Михайлова мужчина в темном пальто со смушковым воротником обхватил со спины мальчугана лет двенадцати, на котором была старая солдатская шинель без пуговиц. Огромная лапища мужчины зажала худенькую ручонку с кошельком. Краснокожий тип, видимо пострадавший, потянулся через головы и кулаком ткнул мальчугана в лицо:

— У, стервец. Голову тебе оторвать мало! — Он снова замахнулся, но Михайлов успел перехватить его руку:

— Э-э, господин хороший, побереги-то свою силенку на немца. Не то до смерти мальчонку зашибешь.

Краснокожий в толчее смог только повернуть голову:

— А ты что воров защищаешь? Они вон всю Россею разворовали, а ты их защищаешь! Ты, поди-ка, заодно с ним? Господа, этот пацан не один, с ним вот этот, что погоны офицерские сорвал, факт — дезертир! В полицию их обоих надо! Прикажите, пусть кондукторazole участка остановит.

Михайлов сжал руку кричавшего железной хваткой:

— Ну ты, хлюст, прекрати орать! На ребенка руку подымаешь! Не такие Россию разворовали...

— В участок их! В участок! — Не получавший поддержки крик звучал уже менее уверенно.

Конечно, встреча с полицией в планы Михайлова и Алимова не входила. Алимов громко сказал:

— Заберите у мальчишки кошелек — и делу конец. Что с пацана-то возьмешь? Их таких сейчас тысячи. Голод кругом, а им есть тоже надо.

Кошелек тут же вернули владельцу, а мальчуган в слезах выскочил из вагона.

Михайлов снова повернулся к окну и с горечью подумал: «Россия, Россия! Вот твое лицо. Разруха, голод, слезы сирот и вдов. И когда же всему этому конец?»

Ему, профессиональному революционеру, было ясно, что конец самодержавия близок. Но все ли задачи разрешит революционный переворот? Вот хотя бы этот мальчонка... Как сложится его дальнейшая судьба? Неужели станет вором и будет мыкаться по этапам, по тюрьмам? Ведь новое общество должно защищать себя от преступников...

Вспомнилась последняя ссылка в небольшом поселке Манзурка Иркутской губернии. Длинные вечера он частенько коротал в беседах с Иосифом Гарбузом. Как-то зашел разговор о том, нужна ли будет новому социалистическому государству полиция. Гарбуз горячо доказывал: «Нет-нет, одно слово «полиция» будет дискредитировать саму идею защиты законности и правопорядка в государстве рабочих и крестьян. За этим словом – целая система органов надзора, принуждения, если хотите, подавления воли народных масс».

«Он, конечно, был прав, Гарбуз», – подумал Михайлов и с сожалением вспомнил, что Иосиф, может быть, и сейчас еще томится в ссылке. Это ему, Михайлову, повезло. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Его, ссыльного, арестовали за участие в кассе взаимопомощи. Как знать, решился ли бы он на побег, если б не этот арест. А так удалось бежать, когда их под конвоем гнали через тайгу и заперли на ночлег в каком-то бараке...

Из задумчивости Михайлова вывел негромкий голос Алимova:

– Нам пора. Соборная площадь.

Они вышли из вагона. Словно прощаясь с уходившим коротким зимним днем, из-за горизонта выглянуло солнце. Его лучи осветили башню и кресты костела, монастыря, стены здания ратуши. По площади сновали упряжки, торопились куда-то люди.

Алимов предложил:

– Михаил Александрович, давайте ваш чемодан, спустимся по Монастырской, а там Нижний рынок.

– Ты что, Роман, думаешь, я тебе позволю показать свое физическое превосходство? – улыбаясь, Михайлов подхватил чемодан, который, чувствовалось, был нелегким, и сказал: – Пошли!

Узкая, зажатая угрюмыми каменными домами Монастырская улица круто уходила вниз к реке. Навстречу Михайлову и Алимову медленно подымалась в гору конка. Вместо обычных двух-трех лошадей в нее были впряжены пять. Вагон был пуст. Пассажиры, растянувшись длинной цепочкой по узкому тротуару, шли следом. Алимов пробубнил:

– Не понимаю, какой смысл гонять конку по этой улице. Из-за одной какой-то версты лошадей мучают, да и людей все равно пешком заставляют идти. Тоже мне транспорт!

– Не ворчи, Роман, – улыбнулся в усы Михайлов. – Скоро в Минске трамваи пойдут. Слышал о таких?

– Да в Витебске вроде бы уже есть. А видеть не видел. И что ж это такое?

– Тоже вагоны, только без лошадей. Электрический ток их двигает...

Беседуя, они спустились к реке и перешли старый деревянный мост. По правую руку вдоль засыпанного снегом берега тянулись двухэтажные домики. Михайлов спросил:

– Далеко еще?

– Только перейти Александровскую и – в арку. Видите, напротив, чуть правее?

– Вижу.

– Идите вперед. За аркой первая дверь направо. Вас ждут. А я еще раз проверю, нет ли «хвоста».

Михайлов миновал арку и, не задерживаясь, вошел в первую же дверь по правой стороне. Очутился в тесном коридорчике. Потянул на себя следующую дверь и – попал в объятия Мясникова.

— Ну, здравствуй, Михаил! С прибытием тебя! Проходи.

В небольшой горенке было накурено. Среди обратившихся к нему лиц Михайлов узнал несколько знакомых. Гостю дали возможность раздеться и сразу же забросали вопросами:

— Что нового в Москве?

— Как Петроград?

— С кем из руководителей встречался?

Но тут вмешался Мясников:

— Тише, тише, товарищи! Дайте Михаилу Александровичу отдышаться. И стул бы подали.

Но Михайлов не стал садиться. Выждал, пока наступит тишина, заговорил:

— Друзья, у нас будет время, и я, конечно, расскажу обо всем, что вас интересует, а сейчас хочу сказать главное: и в Петрограде, и в Москве назревают большие события. Я привез вам горячий привет от ЦК партии. Нам предложено еще более активизировать работу по укреплению партии и приумножению ее рядов. Агитация против самодержавия должна стать более открытой и активной. Надо разъяснять солдатам, что война, которую ведет Россия, не служит интересам Отечества и народа, она нужна царю и его приближенным, а народу приносит лишь одни страдания. Надо всемерно расширять географию нашей деятельности, создавать организации большевиков в других уездах и не только в крупных, но и в мелких воинских подразделениях — в ротах, взводах. Вот коротко, что я вам хотел сказать. — Он опустил на стул, привычно забросил ногу на ногу и попросил: — А теперь рассказывайте, как здесь идут дела, что нового случилось, пока я ездил.

В этот момент в комнату вошел Алимов:

— Товарищи, не нравится мне возня, которую затеяли недалеко от дома четверо каких-то господ. Как бы не шпики...

Мясников не стал раздумывать:

— Рисковать нам сейчас ни к чему. Давайте, друзья, разойдемся, продолжим разговор на очередном засе-

дании. Выходите парами через двор. Роман укажет дорогу.

Вскоре в комнате остались только Мясников и Михайлов. Михайлов спросил:

— Тревожно в городе, Саша?

— Да, особенно в последнее время. Город кишит шпиками и провокаторами. Мы, конечно, стараемся усилить конспирацию, исключить провалы, но всегда надо быть начеку.

— Что нового в Земсоюзе?

— Все по-прежнему. И мы считаем, что тебе есть смысл снова пойти туда работать. Представляешь, какие возможности? В ведении Минского комитета Земсоюза больницы, амбулатории, через которые только в этом году прошло около ста шестидесяти тысяч больных и раненых людей. Не менее двадцати тысяч человек, чтобы не умереть с голоду, ежедневно обращаются в питательные пункты Земсоюза. А если к этому добавить, что в Минской губернии имеется почти семьдесят различных учреждений — и на фронте, и в тылу, — повторяю, нетрудно себе представить, какие возможности ты, Михаил, будешь иметь для работы среди солдатских масс.

Мясников был одним из немногих, кто знал настоящую фамилию собеседника, но с глазу на глаз называл его просто по имени, которое было настоящим.

— Решено, — сказал Михайлов. — Иду в Земсоюз. А где я буду жить?

— У Крылова, на Сторожевке. Тебе приготовлена отдельная комната с выходом в сад. Проводит тебя Алимов, он ждет во дворе. Встретимся завтра, я приду к тебе...

Михайлов с Алимовым быстро шли по скупому освещенным улицам. Бурливший днем город с наступлением темноты затаился. Замерла, спряталась за деревянные ставни жизнь.

Часто ныряли в проходные дворы — Алимов знал город как свои пять пальцев. Михайлов вспомнил: летом он вот так же, как теперь, вместе с Романом направ-

лялся на конспиративную квартиру и за ними увязались шпики. Заметил их Алимов: «Михаил Александрович, а за нами слежка». Михайлов оглянулся, и в поле зрения сразу же попали какие-то два типа. «Проверим», — шепнул Алимов и свернул в проходной двор. Те двое — следом. Сомнений не оставалось — шпики. Алимов тогда их ловко провел. Он вошел в очередной двор и сразу же потянул Михайлова за небольшой сарайчик. Шпики прошмыгнули мимо, а Михайлов и Алимов быстро вернулись на улицу, свернули за угол, затем опять же проходными дворами ушли.

Алимов, словно угадав мысли Михайлова, спросил:

— Михаил Александрович, а помните, как нам пришлось от слежки уходить?

— Ты знаешь, Роман, я об этом только что подумал. Мы тогда так и не успели разобраться, кто мог пустить по нашему следу шпигов. Ведь о том, что мы пойдем с тобой на встречу с Любимовым, приехавшим из Лунина, знали только четверо — Мясников, Кривошеин, Ландер и Чарон.

— Да, мне тогда это тоже показалось странным. Но вы уехали, и я как-то забыл о том случае...

На узенькой окраинной улочке они остановились у высоких ворот. Алимов, просунув руку в специально прорезанное отверстие, открыл калитку, пропустил вперед гостя. В дальнем углу двора злобно заворчала собака. Тут же послышался негромкий окрик:

— Пошла в будку!

От сеней отделилась темная фигура и двинулась к ним. Судя по голосу, это был пожилой мужчина. Он тихо сказал:

— Здравствуйте! Давно жду вас. Проходите в хату.

Хозяин повернулся и пошел впереди, указывая дорогу. Они поднялись на крыльцо, миновали сени, затем — полутемную кухню и оказались в освещенной керосиновой лампой чистой и теплой комнате. С небольшого топчана им навстречу поднялась женщина лет пятидесяти. Алимов сказал:

— Ну, вот вы, Михаил Александрович, и дома. Знакомьтесь — ваши хозяйка Елена Петровна и Антон Михайлович Крыловы. Антон Михайлович работает в железнодорожных мастерских. Большевик.

Хозяин подошел к жене:

— Лена, пока я покажу Михаилу Александровичу, где он будет жить, ты собрала бы нам чего-нибудь поесть. А?

И, не дожидаясь ответа, зашаркал валенками по полу, направляясь к выходу. Алимов и Михайлов пошли следом. Они снова пересекли кухню, и Антон Михайлович открыл дверь в небольшую комнатку. Хозяйка, видно, готовились к приходу гостя: пол был чисто вымыт, небольшой стол накрыт льняной скатертью, в углу стояла аккуратно застеленная кровать. На тумбочке у кровати горела лампа-трехлинейка.

— Это ваша комната.

Михайлову жилью понравилось. Он сразу же заметил задернутую шторой еще одну дверь.

— Это выход в сад?

— Да. Ключ в двери, — ответил хозяин и добавил: — Думаю, вам не придется этим ходом пользоваться — жандармы и полиция в нашем районе бывают редко. Ну ладно, раздевайтесь и приходите ужинать.

Алимов тут же ответил:

— Я есть не буду, надо спешить, как бы на патруль не нарваться.

Он пожал руки Михайлову и хозяину и сразу же ушел. Крылов последовал за ним, чтобы запереть калитку и дверь. Михаил Александрович снял шинель, фуражку, повесил их на гвоздь, вбитый в стену около печки, и, положив на стул чемодан, открыл его. Достал банку консервов, буханку хлеба и направился в комнату хозяев. На столе уже дымились в глиняной миске картошка в «мундирах», искрилась кристалликами льда квашеная капуста, аппетитно выглядела и тарелка с солеными огурцами. Михайлов положил на стол хлеб и консервы:

— Прошу принять в пай.

Хозяин, показавшийся с первого взгляда несколько хмурым и неразговорчивым, неожиданно улыбнулся:

– Ну что вы, Михась Александрович! Мы со старухой пока не голодаем. Так что оставьте-ка это себе, пригодится.

Говорил он на смешанном русско-белорусском языке. Слово «Михась» прозвучало как-то мягко и тепло. Михайлов вспомнил, что дом он назвал хатой, а собачью конуру – будкой, и тоже улыбнулся:

– Скажете, и хлеба у вас вволю?

– С хлебом, вы угадали, туговато, – согласился хозяин: – Садитесь к столу. – Он взглянул на жену. – Петровна, может, ты по случаю встречи, знакомства налила бы нам по стопочке. Есть там у тебя вишневая.

Хозяйка с улыбкой покачала головой:

– Сегодня уж так и быть.

Она подошла к потемневшему, домашней работы буфету, достала небольшой графинчик и две маленькие стопки.

Мужчины выпили и принялись закусывать.

Михайлов даже не предполагал, что он так голоден. Не испытывая стеснения, сразу же стал есть. Хозяева, видно, в длительном ожидании гостя, тоже проголодались. За столом наступила тишина. Михайлов сидел напротив хозяина и теперь мог рассмотреть его вблизи. Лицо продолговатое, с впалыми щеками; небольшие, традиционные для рабочего человека его возраста усы. Глубоко сидящие голубые глаза смотрели спокойно и доброжелательно. На вид ему было под шестьдесят. Жена выглядела намного моложе. Она не суетилась, ненавязчиво подкладывала на тарелку гостю то картошку, то огурец и делала это так, что было неловко отказаться.

Чтобы нарушить затянувшееся молчание, Михайлов спросил:

– Так что, Антон Михайлович, слыхать у вас в мастерских?

– Работы прибавилось, а знающие дело рабочие – убывают. Работаем по двенадцать часов.

– Фронту паровозы ремонтируете?

– Не только: и вагоны, и орудия. Вчера даже бронепоезд из-под Могилева пригнали. Мужики говорят, будто он самого царя охраняет. Бока здорово помяты в каждом вагоне, есть и дыры от прямых попаданий. Паровозу тоже досталось. Не думаю, чтобы царя из пушек обстреливали.

– А как рабочие к войне относятся?

– Большинство за то, чтобы скорее она кончилась. Есть у нас солдаты, которые фронт прошли, а сейчас их, как бывших кадровых рабочих, к нам прислали. Вот они и есть самые лучшие агитаторы супротив войны.

– Много их?

– Солдат-то? Человек сорок. Офицеры злющие, как псы цепные, за каждую провинность, за каждое неосторожное слово – нередко обратно на фронт, под пули.

– А как сами рабочие настроены?

– Рабочие хотят мира и хлеба. В мастерских молодых мужиков раз, два и обчелся, пожилые в основном, а у всех семьи, всем есть надо. Нам вот со старухой еще терпимо – свой дом, огород, сад... А у других – ничего. Хлеба нет, люди голодают... Болезнь косит косой, никого не жалеет – ни старого, ни малого...

– Что в отношении царя говорят?

– Да что говорят... – Антон Михайлович усмехнулся в усы. – Скромный, говорят, человек: полковничьи погоны, умишком вообще на фельдфебеля тянет... А как людей на смерть посылать да голодом морить – тут у него размах.

Михайлов отметил про себя: «Хлестко придумано. Честное слово, лучше и не скажешь». Спросил:

– Большевицкая организация у вас в мастерских есть?

– Да, девять человек пока. Сами знаете – конспирация. Но сочувствующих, скажу вам, немало. Уверен, бросим клич – почти все за нами пойдут.

Старик замолчал, и Михайлов, чтобы не показаться навязчивым, решил сменить тему разговора.

– Мне Мясников и Роман говорили, что у вас сын есть. Где он?

Хозяин в этот момент закашлялся, ответила Елена Петровна:

– На фронте, с немцами воюет.

– Пишет?

– Уже больше месяца, как весточки не получали.

Голос ее дрогнул, и Михайлов понял, что затронул больное место. Он не хотел говорить фальшивых слов утешения. Значит, пора благодарить хозяев и идти отдыхать. Так и сделал – отказался от чая, поднялся и пошел к себе.

Подкрутил фитиль – в комнате стало светлее. Растелил кровать, разделся и лег. Прежде чем погасить лампу, еще раз окинул взглядом комнату. Она все больше ему нравилась. Заметил в углу черную от времени икону, лампадку с оплившей свечой. Почему-то подумалось, что сам Крылов скорее всего неверующий, а жена его здесь тайком молится, чтобы господь уберег от пули их единственного сына.

Задул лампу и, положив руки под голову, закрыл глаза.

Сон не шел. Случайно промелькнувшая мысль тянула за собою цепочку воспоминаний. «Плохо, когда в семье один сын. То ли дело у нас...» И перед ним возник уездный городок Пишпек в Туркестане, где он родился. Отец-молдаванин работал помощником городского врача. Он не только занимался врачеванием – всегда готов был откликнуться на любую просьбу киргизских бедняков. Мать – из русских переселенцев, уроженка Воронежской губернии. Энергичная и волевая женщина, она всю себя отдавала воспитанию пятерых детей. И, кажется, не напрасно: дети учились хорошо.

Учились-то хорошо, а вот у него, у Миши, уже тогда вышел конфликт с богом. Не лампадка ли над головой вызвала в памяти тот давнишний случай? Он в числе лучших учеников школы участвовал в архиерейской службе. Огромный, похожий на обомшелый валун протодьякон протянул ему подсвечник с зажженной свечой:

– Понесешь. Только не урони, не то...

Надо же было сказать под руку! Когда Миша напылил на себя блестящее облачение, он сделал неловкое движение и уронил свечу. В тот же момент почувствовал сильный удар по затылку.

– Шельмец! Растяпа! – И – новый удар. Хихикнули ребята, а Миша поднял свечу, дал протодьякону снова ее зажечь и пошел вместе со всеми. Но обида душила, распирала грудь, рвалась наружу! Ему хотелось куда-то бежать, что-то сделать такое, чтобы все ужаснулись!

Назавтра, во время такого же шествия, Миша на глазах ошарашенной толпы неожиданно сунул подсвечник шедшему сзади протодьякону, стащил с себя через голову блестящую церковную одежду и убежал.

Это было еще в Пишпек. Потом – Верный, большой город у подножия Заилийского Алатау. Миша учился в гимназии и одновременно, чтобы хоть немного заработать и таким образом помочь выбивающейся из сил матери (отец умер в девяносто седьмом году), занимался с неуспевающими детьми богачей. Уже там, в гимназии, ему удалось прочесть «Коммунистический манифест», брошюру Ленина «Что делать?». А с каким упоением читал он «Искру», изредка доходящую до Верного. После окончания гимназии мать настаивала, чтобы Михаил, – получивший, кстати, золотую медаль, – пошел по стопам отца и поступил на медицинский факультет. Но у девятнадцатилетнего парня уже четко и бесповоротно сложилась мечта, которая стала впоследствии главной целью его жизни: он должен посвятить себя борьбе за новую жизнь. Жизнь, в которой не будет бедности и лишений. Нет, он не ошибся, поступив в 1904 году на экономический факультет Политехнического института. Петербург, Петербург! Сколько связано с ним воспоминаний. Но, стоп! Хватит! Этак не уснуть до утра. А завтра нелегкий день.

Михаил Александрович повернулся на бок и, словно повинувшись собственному приказу, почти сразу же провалился в сон.

ШПИК

Иосиф Карлович Страмбург считал себя человеком удачливым. И не только потому, что в свои сорок один сумел сохранить независимость, остаться холостяком, но еще и потому, что его служба царю и отечеству была взаимовыгодной. Да, он был из числа высокооплачиваемых агентов. Но ведь никто другой, а именно он в свое время ловко проник в революционный центр большевиков в Орехово-Зуеве. Сколько врагов трона удалось тайной полиции схватить тогда по его данным!..

Страмбург сидел у окна в небольшой комнатке, снятой на деньги охраны в одном из домов по Романовской улице, и предавался воспоминаниям. «А как я помог начальнику Московского охранного отделения Заварзину? Что бы он стоил без моей тонкой работы! Ведь это я сдал им руководителей партийной организации Лефортовского района, сообщил о появлении в Москве Пятницкого и Смирнова, раскрыл их конспиративные клички, связи».

От избытка чувств Страмбург встал, прошелся по комнате и остановился у небольшого зеркала. На него смотрел высокий, стройный мужчина с открытым приятным лицом. Небольшие усики, голубые, словно светящиеся изнутри глаза – чем не располагающая внешность?

Притронувшись мизинцем к усам, Страмбург вернулся к окну. Не случайно его мысли сегодня приняли такой приятный оборот. В Минск снова приехал Михайлов, а за него Страмбургу обещана прибавка к жалованью, которое, чего бога гневить, и без того составляет ни много ни мало – тысячу рублей. Это, почитай, жалованье десяти его коллег. Правда, задача, с которой приехал в Минск Страмбург, не исчерпывается тем, чтобы взять Михайлова. Это даже не главное. Главное: разыскать бежавшего из Сибири Фрунзе, который некоторое время скрывался в Чите под фамилией Василенко. Уже выслеженному, ему удалось перед

самым арестом бежать. Московское охранное отделение получило сведения, что Фрунзе выехал в западные районы страны, возможно – в Минск. Еще и поэтому был командирован в Минск Страмбург.

С работой удалось неплохо – устроился помощником заведующего сапожными мастерскими Земсоюза. Удача сопутствовала ему и в сближении с руководящей группой большевиков: эту группу возглавлял не кто иной, как Михайлов! Правда, Иосифу Карловичу пока не удавалось увидеть Михайлова собственными глазами. Тот умело конспирировался.

Страмбург улыбнулся, вспомнив, как одно время он даже начал было думать, не являются ли Михайлов и Фрунзе одним и тем же лицом. По его просьбе эту догадку проверили, и ее пришлось отбросить. Фрунзе родился в далеком Туркестане, а Михайлов – в Петербурге, где и сейчас жили его родители. Сотрудники охраны встретились с ними, и те подтвердили, что их сын, Михайлов Михаил Александрович, действительно проживает и работает в Минске.

Догадка лопнула, однако Страмбург отнюдь не был огорчен. Он понимал: если Фрунзе находится здесь, то он, несомненно, встретится с Михайловым, а это значит – попадет в его, Страмбурга, поле зрения. Постепенно мысли его начали работать в другом направлении. Надо было решать, что делать дальше. Страмбург видел, что местное начальство ловит каждое слово Михайлова, – он стал для них авторитетом. А кому лучше, чем Страмбургу, было видно, что созданная Михайловым подпольная большевистская организация с каждым днем крепнет, набирается сил. Михайлов, другие большевистские руководители – Мясников, Любимов, Ландер, Могилевский, Фомин – свободно разъезжают по прифронтовой территории, проводят нелегальные совещания, выступают в частях, гарнизонах, среди рабочих, пропагандируют большевистские идеи, привлекают на свою сторону все больше и больше людей. Помимо Минска созданы большевистские организации в Несвиже, Ивенце, Лунинце... Нет, сейчас кон-

чать с одним Михайловым – уже мало. Надо выявить как можно больше членов их организации, а затем... – Страмбург резко, словно шашкой, рубанул воздух ладонью.

Опять вскочил на ноги и начал быстро рассказывать по комнате. Его мучил сейчас один-единственный вопрос: каким образом добыть фамилии всех или большинства членов подпольной большевистской организации? Руководящий центр ее насчитывал не больше пятнадцати человек, но спланировал вокруг себя еще около семидесяти активистов, через которых и осуществлялась связь с фронтом и другими городами Северо-Западного края.

«Черт бы побрал этого Михайлова! Это он придумал такую дьявольскую систему конспирации. Откуда такой опыт? Я уже сколько месяцев якшаюсь с ними и то знаю только семерых руководителей, а мне надо знать всех! И я буду их знать!»

Он достал из кармана часы – пора!

Страмбург всегда тщательно следил за своим внешним обликом. Ему надо было выглядеть то рабочим, то мелким чиновником. И то и другое Страмбургу удавалось. Через минуту он взглянул на себя в зеркало и удовлетворенно хмыкнул. Далеко не новое, но опрятное пальто с меховым воротником, поношенная каракулевая шапка-пирожок как нельзя лучше подходили к избранной им сегодня для себя роли.

Еще раз окинул взглядом свое жилище – не оставлено ли чего? – и вышел. Он направлялся на собрание группы активистов. Идти было недалеко – собрание, как он полагал, должно было состояться где-то на Раковской. Точного адреса Страмбург не знал. По условиям конспирации старшие групп встречали своих товарищей в условленных местах и только там называли адрес. Местом встречи была Петропавловская церковь, где Страмбурга и других членов их группы должен был встречать Ландер.

Через десять минут Страмбург был на месте. Сделал вид, будто разглядывает церковь, которую назы-

вали по-разному – то Петропавловской, то Екатерининской, то Желтой, – а сам внимательно посматривал по сторонам, чтобы не пропустить появления Ландера. Если бы кто-нибудь из прохожих и обратил внимание на одинокого человека, фланирующего вокруг церкви, он бы не удивился: один из многих тысяч приезжих знакомится с достопримечательностями Минска. Церковь была построена в начале семнадцатого века и действительно вызывала у знатоков немалый интерес. Это была трехнефная шестистолпная базилика, вход в которую украшали две башни. Над главным фасадом – лепные карнизы и портал.

Страмбург действительно увлекся созерцанием замечательного творения рук человеческих и не заметил, как приблизился Ландер. Проходя мимо, тот сказал:

– Идите за мной.

По узкой, мощенной булыжником улице они стали подниматься в гору, затем нырнули в арку, миновали небольшой двор, еще один и уже через другую арку вышли на незнакомую для Страмбурга улицу. Он в душе чертыхнулся: «Провалиться бы им ко всем чертям: почти каждый раз устраивают сборища свои в новом месте. Попробуй изучи хотя бы и этот паршивый городишко за четыре месяца! Идешь как с завязанными глазами».

В этот момент они снова свернули в какой-то двор, опять шли незнакомой улицей и, наконец, оказались у небольшого, похожего на барак, дома. Ландер огляделся, что, как заметил Страмбург, он делал очень часто, и с облегчением сказал:

– Пришли! В крайнюю дверь.

В довольно большой комнате собралось не менее пятидесяти человек. Свободных мест было мало, и Страмбург присел на табуретку, стоявшую в середине рядов. Огляделся, кивком поздоровался со знакомыми и снял шапку. Один за другим в комнату входили люди и рассаживались. Вскоре мест не стало вовсе, и те, кто пришел позже, стояли позади рядов, вдоль стен.

Но вот сошла еще группа людей, и сразу же стало тихо. Среди вошедших Страмбург увидел Ландера, Мясникова, Кривошеина и троих незнакомых. Они прошли вперед, где стояли стол и около десятка стульев, и сели. Оказавшийся в центре мужчина в офицерской шинели без погон встал и, чуть улыбаясь, смотрел на собравшихся. Сосед справа от Страмбурга прошептал: «Михайлов!»

«Так вот он каков, этот Михайлов, – весь напрягшись, подумал Страмбург. – Вот и встретились!» Он во все глаза смотрел на Михайлова, стараясь хорошенько запомнить его. «Рост – средний, глаза – серые, небольшие усы и борода. Похоже, что бывший военный, шинель сидит ладно».

В это время Михайлов заговорил:

– Товарищи! Уходящий 1916 год мы запомним как год революционного подъема народных масс всей России. В Белоруссии, которая является прифронтовой и даже фронтовой территорией, ширится недовольство рабочих, солдат и крестьян царем и его ставленниками. Несмотря на жестокий террор, забастовки рабочих, волнения крестьян, можно смело сказать, переросли в открытую революционную борьбу. Солдаты, доведенные до отчаяния несправедливой войной, открыто выступают не только против командования, но и против полиции и жандармерии. Четырнадцатого июня на железнодорожной станции Осиповичи солдаты выступили против командиров. Шестнадцатого июня произошло вооруженное столкновение солдат с полицией на станции Салтановка Могилевской губернии, двадцать третьего июня шел настоящий бой между солдатами и полицией на станции Руденск. А в конце октября грянуло революционное выступление солдат гомельского гарнизона. Солдаты разогнали офицеров, обезоружили часовых и освободили из-под ареста более восьмисот своих товарищей. И пусть считают царь и его генералы, будто им удалось подавить это восстание. Мы твердо убеждены, что солдаты гомельского гарнизона готовятся к новым дей-

ствиям против угнетателей народа. Ноябрь и декабрь этого года принесли дальнейшее нарастание революционного процесса. Наша задача, товарищи, еще больше активизировать свою деятельность среди рабочих, солдатских и крестьянских масс. Необходимо еще острее разоблачать и показывать людям предательскую, антинародную сущность меньшевиков и эсеров, бундовцев. Нам надо сделать все, чтобы империалистическая война, чуждая всем трудящимся, принесла поражение царскому правительству и скорее переросла в войну гражданскую.

Михайлов сделал паузу, отпил несколько глотков воды из стоящего на столе стакана и продолжил:

– Конечно, это далеко не значит, товарищи, что мы с вами можем вот сейчас выйти из этого помещения с красными знаменами и революционными песнями. Царизм еще силен, он коварен. Нам надо помнить и об этом. Поэтому каждый из нас должен соблюдать все правила конспирации и подпольной борьбы. Помните, враг не дремлет. Он засылает в наши ряды своих шпииков и провокаторов. Враг хочет знать о нас все, чтобы, улучив момент, используя свое преимущество в оружии, одним ударом покончить с нами. Поэтому, повторяю, требование к каждому: максимальная активность при максимальной конспирации. – Михайлов неожиданно улыбнулся. – Обязательно нужно дожить до того уже недалекого времени, когда каждый из нас сможет гордо пройти по улицам нашего свободного города.

Михайлов, видно, заканчивал речь:

– Ближе к делу, товарищи. Сегодня мы собрали вас, активистов нашей большевистской организации, чтобы поставить перед каждым конкретную задачу, вытекающую из решений ЦК и указаний товарища Ленина. Одни поедут на фронт, к солдатам, другие – в деревню, третьи – пойдут на заводы, фабрики, в мастерские к рабочим. Старшие групп дадут каждому из вас задание.

Михайлов снова отпил из стакана и сел.

Страмбурга между тем охватил страх. А вдруг Михайлов, говоря о шпиках и провокаторах, имел в виду именно его? Вдруг узнал, кто такой Чарон, кто скрывается под этой фамилией? Тогда конец!

«Спокойней, спокойней! – приказал он себе. – У тебя просто пошаливают нервы. Откуда этому Михайлову знать, кто ты есть на самом деле?»

Страмбург огромным усилием воли заставил себя успокоиться и в реальном свете воспринимать окружающее.

Мясников громко спросил:

– У кого есть вопросы?

Страмбург поднял руку:

– У меня.

Он сам не сознавал, что делает. Очевидно, долгие и бесплодные размышления о том, как добыть списки большевистского актива, толкнули его на крайность. Он встал и начал пробираться к столу. По пути взглянул на президиум и на миг встретился взглядом с Михайловым. Тот смотрел на него чуть улыбаясь, ободряюще. Страмбург, опершись рукой на стол, заговорил:

– Вот мы сейчас разойдемся выполнять задания. А я сидел и думал: сколько нас здесь! Таким большим отрядом мы собрались, пожалуй, впервые. О чем это говорит, товарищи? – Он немного выждал для эффекта и, повысив голос, ответил на свой же вопрос: – Да о том, что мы действительно создали настоящую боеспособную организацию. Это наша победа. Но даже мы здесь не все знаем друг друга. Да, именно потому, что нас много. Но с другой стороны... Вот я приду, к примеру, на завод или приеду на фронт к солдатам, а там – своя партийная ячейка или, скажем, организация. Встречусь с ними, представлюсь... Но ведь сейчас времечко такое, что словам не верь. И мне кажется, что настал момент иметь какие-то мандаты... с подписью и соответствующей печатью.

Из зала донеслось:

– Ишь, чернильная душа, мандат ему подавай, чтоб все, как в канцелярии.

Шутнику возразили:

– Правильно говорит товарищ! А то доказывай на пальцах, кто ты такой.

– Вот и я о том же, – продолжил Страмбург. – Изготовить нужные бланки, печати и прочее сейчас не проблема. Я бы сам взялся за это. А если какой-нибудь документ, скажем, попадет в руки врага, то, кроме нашей силы, он ничего не докажет. Не знаю, как вы, товарищи, но я лично такое вот мнение имею.

И Страмбург направился к своему месту. Каждой клеточкой своего тела он чувствовал: люди обдумывают его предложение. Вот-вот кто-то встанет и поддержит его. Но тут поднялся Михайлов. Он спокойно сказал:

– Мы подумаем над этим предложением, а сейчас попросим старших групп приступить к работе...

Все стали выходить во двор. Там старшие собрали группы и уводили их с собой.

Михайлов спросил у Мясникова:

– Это и есть Чарон?

– Да. В Минске он появился месяца четыре назад. В партии состоит давно.

– Проверяли его?

– Понимаешь, Миша, жизнь сама устроила ему проверку. Он вместе с другими товарищами, приговоренными к повешению, сидел в камере смертников. Сумел подговорить всех совершить побег.

– И что, удалось?

– Представь себе. Правда, охрана многих перестреляла, но Чарону и еще одному – Щербину – удалось бежать.

– А кто такой Щербин?

– Старый большевик. Я его знаю давно, верный товарищ.

– Он подтвердил рассказ Чарона?

– Даже в мелочах. Миша, а что тебя волнует?

– Понимаешь, не нравится мне его предложение. Ведь изготовление мандатов предполагает, что у одного или у нескольких человек будут списки всех акти-

вистов и даже членов партии. А ты сам знаешь, что получить их – мечта охранки. И еще, помнишь, я тебе перед отъездом в Москву рассказывал, что мы с Романом Алимовым засекли за собой слежку, когда шли на встречу с Любимовым?

– Помню, конечно.

– А ведь о том, что мы должны пойти на конспиративную квартиру, знали только четыре человека, в том числе и Чарон. Это я выяснил чуть позже и уже тогда подумал, что не мешало бы нам его проверить. Но не успел, пришлось срочно уехать. Так что, если не возражаешь, давай поручим кому-либо из наших товарищей проверить Чарона. Чем черт не шутит.

– Ну что ж, не возражаю. Думаю, Алимов сделает это быстро и хорошо.

– Вот и прекрасно, – согласился Михайлов и предложил: – Пошли ко мне ночевать, заодно и поговорим толком.

– А поесть у тебя найдется?

– Обязательно. Мои хозяйка даже бульбой похвастуют.

– Ишь ты, – засмеялся Мясников, – скоро уже и белорусский язык будешь знать.

– Что белорусский, он ведь сродни русскому. Вот напомним, когда придем – расскажу, как я английский выучил.

У выхода их дождался Алимов.

Мясников сказал:

– Роман, ты сегодня свободен. Завтра встретимся у меня, я дам тебе одно поручение. – Он повернулся к Михайлову. – Как будем добираться?

– Пойдем пешком. Здесь недалеко, подышим свежим воздухом.

УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

В доме было тепло и уютно. От печи тянуло чем-то вкусным, словно хозяйка знала, что будут гости, и специально готовились к их приходу. Но когда Михайлов

и Мясников разделись и сели за стол, на котором уже стояли наваристый борщ, чугунок с парившей картошкой, тарелки с солеными огурцами и помидорами, мочеными яблоками, графинчик с наливкой, Антон Михайлович пояснил:

– Сегодня у нашего Алексея день рождения. Вот мы и решили со старухой отметить. Дожидались вас, Михаил Александрович, а тут и еще гость такой дорогой.

Хозяйка хорошо знала Мясникова и не скрывала доброго расположения к нему. После того как выпили по стопке и закусили, Мясников спросил:

– Алексей пишет?

– Да, вчера два письма получили. Одно он писал полтора месяца назад – почта сейчас плохо работает, а другое отправил недавно, – пояснила Елена Петровна и кончиком платка утерла набегавшую слезу. – Ой, тяжело там ему, бедному, холодно да голодно...

– Перестань! – одернул жену хозяин. – Война, кругом народ мается. Скажи спасибо, что жив.

– Где он сейчас? – спросил Мясников.

– Под Ивенцом, – угрюмо ответил Антон Михайлович и потянулся за графинчиком. – Давайте еще разок за него выпьем, может, икнется хлопцу, а думы о доме всегда душу согревают...

Засиделись в тот вечер допоздна. Говорили о войне, о связанных с нею тяготах, а когда Михайлов сказал, что Мясников останется на ночь, хозяйка предложила: постелят ему на диване в комнате, где они ужинали. Но Александр Федорович отказался:

– Нет-нет, спасибо! Мы устроимся с Мишей у него, заодно и поговорим. Не часто доводится побыть вдвоем.

Хозяйка приготовили в боковушке вторую постель – на полу. После короткого спора Михайлов все-таки заставил друга лечь на кровати. Лампу погасили и какое-то время лежали молча. Но вскоре Мясников нарушил молчание:

– Миша, сколько тебе лет?

– Скоро стукнет тридцать два, – и засмеялся. – А что?

– Да ничего, просто подумалось, что тебе довелось испытать за это время. Мне кое-что рассказывал Исидор Любимов. О тебе ведь в Иваново-Вознесенске целые легенды ходят.

– Иваново-Вознесенск сделал из меня революционера, – задумчиво проговорил Михайлов и вдруг предложил: – Хочешь, расскажу?

– Конечно.

– В пятом году мне пришлось переехать из Петербурга в Москву. Стал работать в Московском комитете партии. Но в начале мая был командирован в Иваново-Вознесенск. Там были сконцентрированы крупные силы рабочего класса. Условия жизни и работы – очень тяжелые: изуверская система штрафов, разных поборов, издевательств. Люди темные: по народному образованию Иваново-Вознесенск занимал во всей России одно из последних мест. Основательно сам засел за литературу, особенно – за работы Ленина. Удалось изучить историю революционной борьбы не только в России, но и в других странах, много времени уделял военной науке. Одним словом, и многое понял, и многому научился. Познакомился с Афанасьевым, Ноздриным, Варенцовой. Милые и добрые люди, настоящие революционеры. Мы создали регулярно действующие кружки, один из них даже был прозван Академией – так много давал он в деле обучения рабочих. Обзавелись типографией, которая печатала партийные издания, листовки, бюллетени. Мы их широко распространяли. Мне самому приходилось в то время очень много писать. Дальше – больше. Начали создавать отряды рабочих, которые именовались милицией. Обучили их владеть оружием, тактике уличных боев. Даже организовали производство оружия своими силами. Когда в декабре в Москве вспыхнуло вооруженное восстание, я с группой иваново-вознесенских и шуйских рабочих немедленно выехал туда. Сражались на баррикадах Красной Пресни, на Триумфальной площади...

– За это тебя и арестовали?

– Да. В ночь на 24 мая 1907 года. Схватили и посадили в шуйскую тюрьму. – Михайлов снова улыбнулся. – Знаешь, как меня в то время поддерживали рабочие! Повсюду прекратили работу, требовали моего освобождения. Царские холоуи, чтобы раз и навсегда расправиться со мной, сфабриковали дело: якобы я покушался на жизнь урядника Перлова. В январе 1909-го состоялся суд. Конечно, приговорили к смертной казни через повешение. И висеть бы мне, Саша, если бы не протесты. Со всех сторон, вся общественность! Высшим судебным инстанциям пришлось отменить приговор. Охранке удалось добиться, чтобы меня судили по делу Иваново-Вознесенской партийной организации, – четыре года каторжных работ. Но, знаешь, слишком уж я насолил охранке, чтобы она довольствовалась четырьмя годами. Снова вытащили на свет божий дело о покушении на Перлова, и в сентябре десятого года я в третий раз предстал перед судом. Итог его был ясен с самого начала: смертная казнь. И опять многие люди поднялись на мою защиту. Но, сказать по правде, в то время я думал, что это конец. – Михайлов сделал небольшую паузу, а затем продолжал: – В камере смертников вместе с другими такими же, как я, дожидался своего часа целых семьдесят суток. Сидишь и ждешь, что вот-вот откроется дверь и пропитый голос назовет фамилию и прикажет: «Выходи с вещами!» Не спал каждую ночь до четырех утра: если к тому времени не вызывали – значит, у тебя еще сутки жизни. И вот знаешь, Саша, – Михайлов опять улыбнулся, – там, в камере смертников, я загадал: если выучу английский – долго жить буду. И так взялся за работу, будто действительно от этого зависело, жить мне на белом свете или не жить. И выучил английский! Заодно хорошо поработал и над литературой по политической экономии, праву и нравственности. Переворочил массу материалов на военную тему. Вот так, дорогой Саша, а ты удивляешься, что я по-белорусски пробую говорить.

– А как ты литературу доставал?

— Требовал, жаловался, ругался. И знаешь — давали. Очевидно, принимали за чудака.

— И как ты избежал казни?

— Я считаю, что меня спасал весь народ.

— Да-да, помню, писали в то время газеты...

— Протест и требования отменить приговор были настолько массовыми, что в конце концов я отделался шестью годами каторги. В совокупности с предыдущим приговором по делу Иваново-Вознесенской организации — десять лет. И очутился я в далеком таежном сибирском поселке Манзурка. Встретился с Иосифом Гарбузом. Вечера проводили в спорах с эсерами, меньшевиками, анархистами, которые там отбывали ссылку. Здорово нам помогал Ленин — достали несколько его работ. Какое счастье, что у нас, большевиков, есть Ленин! — Михайлов сделал небольшую паузу и говорил дальше: — Потом — новый арест. Группу в четырнадцать человек погнали тайгой в Иркутск. По дороге я бежал. Приехал в Читу, местные товарищи помогли с документами, и я под видом дворянина Владимира Василенко стал работать в губернском переселенческом управлении статистом. Занимался вопросами частных предприятий в Забайкалье. Там и познакомился с Соней... Софьей Алексеевной...

— С Соней? Погоди-погоди, дружище. Кто она?

— Соня — дочь революционера. Ее отец был сослан в Верхнеудинск, там она родилась и училась. Замечательная девушка, решительная... красивая.

— Так-так, — тихо засмеялся Мясников, — раз красивая, значит, влюбился. Признавайся!

— А что скрывать? Люблю я ее, Саша, да и она, по моему, любит меня. Ну ладно, давай спать.

— Давай. Спокойной ночи. А Соню вызывай сюда, не томишь.

Мясников уснул скоро, а к Михайлову сон не шел. Воспоминания о Соне взволновали его, и теперь, лежа с закрытыми глазами, вспоминал радостные и тревожные дни, прожитые в Чите. Ему приходилось много работать: выступать с лекциями в Верхнеудинске,

на станции Мысовой, у углекопов Тарбагайских копей, у рабочих Петровского завода.

Свободные вечера они обычно проводили с Соней. Бродили по Дамской улице и вели разговор обо всем: о революции, о переменах, которые она принесет, о литературе. Но ни разу ни слова не было сказано о любви. Однажды, когда заговорили о Пушкине и он начал читать по памяти «Евгения Онегина», Соня вдруг остановилась и, глядя прямо ему в глаза, сказала: «Если у меня когда-нибудь родится дочь, я назову ее Татьяной». И тут лицо ее густо покраснело, она смутилась и пошла вперед. Михайлов догнал ее и впервые взял под руку. Соня не отстранилась, и они молча прошли весь оставшийся до ее дома путь.

Михайлов закинул руки за голову: «А что, если действительно написать ей: пускай бы приехала в Минск. Но имею ли я право? Вообще, имеет ли революционер право на личную жизнь? Соня, милая, далекая Соня! Если бы ты знала, как я тоскую здесь без тебя!»

Но тут ему почудился другой голос, который возражал: «Ну, во-первых. Соня сама революционерка. А во-вторых, неужели ты не видишь, что дни царизма сочтены?»

И вдруг Михайлов совершенно четко понял, что вопрос решен и что завтра он обязательно напишет Соне: «Приезжай!»

НОВЫЙ ХОД ЧАРОНА

Сообщение Страмбурга из Московского охранного отделения, незамедлительно переданное в Петроград, вызвало там настоящий переполох. Еще бы: в прифронтовом Минске, в других городах Белоруссии создана, организационно закреплена и активно действует мощная партийная организация. Что всего хуже — она имеет свои отделения в войсках. Через эти отделения подпольный комитет поставляет на пере-

довую различную марксистскую литературу, листовки, которые подрывают боевой дух, деморализуют армию.

Из Петрограда в Минск прибыл высокопоставленный сотрудник охраны. Встреча состоялась на квартире у Страмбурга.

Низенький, круглолицый господин внимательно выслушал подробный доклад Страмбурга, задал несколько вопросов и, наконец, заговорил сам. Голос его был тихим, вкрадчивым, круглые маленькие глазки излучали доброжелательность и полное доверие к собеседнику:

— Уважаемый Иосиф Карлович, я рад довести до вашего сведения, что ваше примерное усердие оценено начальством. Мне велено передать: ваше жалование отныне будет составлять тысячу двести рублей. Теперь о деле. Ваша информация о деятельности местного подполья вызвала огромный интерес на самом верху. — Он ткнул указательным пальцем в потолок. — Минская губерния и прилегающие к ней территории находятся под особым, усиленным вниманием, и мы не можем допустить, чтобы эта мразь, как ржавчина, разъедала наш порядок, проникала в армию, ведущую священную борьбу за царя и отечество. Очень, очень похвально, что вы сумели войти к ним в доверие. Теперь стоит задача: выявить всех их руководителей как в центре, так и на периферии, особенно в войсках, и одним ударом покончить с ними. Думаю, тут хорошую службу сослужит наш московский опыт. Не зря же в течение девяти лет нам с вами удавалось по два, а иногда даже по три раза в год громить Московский комитет социал-демократов. Если помните, мы брали почти всех руководителей, оставляя под негласным надзором несколько активистов на приманку. Когда же вокруг них группировались уцелевшие революционеры — мы повторяли операцию.

— Как не помнить то замечательное время, — вздохнул Страмбург. — Но сейчас все иначе. Сейчас они везде: и

среди рабочих, и среди крестьян, интеллигенции, и среди солдат и офицеров. Поверьте мне, большевики сильны как никогда. Вы бы послушали выступление этого Михайлова. Он настолько уверен в себе! И самое печальное то, что в него, в других их руководителей верит большинство. Нам надо незамедлительно действовать...

— Да-да, конечно, и мы будем действовать. Слушайте меня внимательно...

Он говорил долго, а когда закончил, сразу же ушел.

На следующее утро Страмбург приступил к выполнению задания. Первым делом он разыскал Ландера.

— Карл Иванович, я вас очень прошу, организуйте мне, пожалуйста, встречу с товарищем Михайловым.

— Зачем это вам?

— Карл Иванович, я прекрасно понимаю, что такое партийная дисциплина, требования конспирации, субординация в конце концов. Но я вас очень прошу, скажите ему, попросите уделить мне несколько минут.

— Хорошо, Евсей Маркович, я постараюсь переговорить с товарищем Михайловым.

— А как я узнаю результат?

— Я найду вас на работе.

Евсей Маркович Чарон, он же Иосиф Карлович Страмбург, ушел, а Ландер долго смотрел ему вслед, затем конкой доехал до Троицкого рынка, пешком направился к дому, где жил Михайлов. Конечно, Карл Иванович время от времени проверял, нет ли сзади «хвоста», но, взволнованный необычной настойчивостью Чарона и мучимый смутным предчувствием, он торопился к Михайлову и не видел, что за ним, поочередно сменяя друг друга, двигались двое мужчин. Когда Ландер, оглянувшись в последний раз и ничего подозрительного не заметив, нырнул в калитку, сопровождавшие его мужчины, обменявшись несколькими короткими фразами, спрятались по одному в разных дворах.

Михайлов был дома. Ландер, не снимая пальто, рассказал о встрече с Чароном и о его необычной просьбе. Михайлов помрачнел:

— Ты понимаешь, Карл Иванович, меня этот Чарон тоже беспокоит. — Подумав немного, он предложил: — Давай сделаем так: скажи ему, что на днях мы с тобой придем к нему на работу. Мне же дай, пожалуйста, его адрес. Я навещу его дома.

— Михаил, а вдруг Чарон не наш человек и ты к нему, как говорится, прямо в пасть?..

— Не волнуйся, Карл. Я подумаю, как сделать, чтобы не попасть впросак.

Ландер ушел. Он не видел, что один из мужчин пошел за ним, а второй остался наблюдать за домом, где жил Михайлов.

НА ФРОНТ

Михайлов вышел из дому под вечер. Шел быстро, часто и неожиданно сворачивал в проходные дворы, арки, оглядывался. И хотя позади никого, кажется, не было, тем не менее каким-то особым чутьем он угадывал опасность.

Пересек очередной проходной двор, быстро повернул обратно, и тут на него чуть не налетел мужчина в короткой меховой куртке и кожаной шапке. Увидев Михайлова, он растерялся. Но это длилось всего секунду. Затем мужчина сделал вид, будто его интересует именно этот двор, направился к первому же крыльцу и скрылся в подъезде. Михайлов спокойным шагом вышел на улицу. «Значит, слежка? Скорее всего «на хвосте» у Ландера пришли. Надо Крылова предупредить. Ну, а сейчас оторваться».

Михайлов понимал, что шпик, которого он только что встретил, на какое-то время, чтобы не выдать себя, задержится в доме. За эти несколько минут надо проверить, нет ли второй полицейской ищейки, и по возможности уйти. Выждав немного и убедившись, что шпик, скорее всего, был один, он уже подумывал, в какую бы сторону направить стопы, и тут удача: по улице, отчаянно тарахтя мотором, катило авто. «Овер-

ланд!» — Михайлов и раньше видел на улице города эти автомобили. Их было в Минске всего несколько. Еще четыре года назад инженер Свентицкий получил в городской управе разрешение на перевозку по городу пассажиров. Об этом как-то рассказывал Мясников. Проезд стоил дорого, но ничего не оставалось делать. Это был редкий случай — на автомобиле уйти от шпиков, и Михайлов решил: «Рискну!» Поднял руку. Автомобиль стал.

— До Кальварии довезете?

— Охотно. Тем более что платить — вам.

— Поехали.

Мотор затарахтел сильнее, автомобиль тронулся и начал набирать ход. Михайлов посмотрел назад и чуть не расхохотался. Около арки, из которой он только что вышел, метался взад-вперед его преследователь, а к нему через улицу, по-птичьи размахивая руками, бежал второй. Не трудно было догадаться, какие чувства они испытывали. Улыбаясь, Михайлов сел поудобнее, как и подобает господину с тугим кошельком: кто иной рискнет прокатиться на этом чуде техники?

«А, хоть разок! — озорно, по-мальчишечьи подумал Михайлов, но тут же загрустил. — Впрочем, радоваться нечему, это мне дорого обойдется. В буквальном смысле».

Конспиративная квартира, на которой Михайлов должен был встретиться с Мясниковым и другими товарищами, находилась в окраинной слободе, сплошь застроенной небольшими деревянными домиками. Здесь ютилась городская беднота да те, кто в поисках лучшей доли перебрался из деревни в город. По единственной в слободе Кальварийской улице, пожалуй, впервые катил автомобиль. Но вскоре он затормозил. Водитель (а может, это был и сам владелец машины) сказал пассажиру:

— Знаете, господин, я боюсь дальше ехать. Посмотрите, улица все уже и уже, да и снег глубокий. Мне, пожалуй, не развернуться.

Михайлов не возражал. Главное сделано — он оторвался от шпиков. Испытывая перед пассажиром чув-

ство неловкости, водитель взял с него сравнительно недорого. «Как извозчик», — с улыбкой прикинул в уме Михайлов.

На конспиративной квартире кроме Мясникова его ждали Алимов и еще двое молодых парней.

Михайлов коротко рассказал о сложившейся ситуации и сразу же направил одного из парней, Петра Солдунова, в железнодорожные мастерские предупредить Антона Михайловича. Правда, Михайлов у себя в комнате ничего такого, что могло заинтересовать полицию, не держал, да и с хозяевами было условлено, что говорить в таком случае. Но лучше все-таки Антона Михайловича поставить в известность.

Когда Солдунов ушел, Михайлов продолжил:

— Я думаю, что задерживать они меня пока не собираются. Их цель — выявить всех руководителей нашей организации, связи, конспиративные квартиры и так далее. Что ж, поведем шпииков за нос.

— А что делать с Чароном? — спросил Алимов.

— Пока ничего. — Михайлов улыбнулся. — Просто возьми его с собой на фронт, а ты, Роман Петрович, поторопись с выездом в Москву. Вот тебе адрес моего старого верного товарища Катурина. Он и поможет разобраться по Чарону. И еще... — Михайлов смущенно протянул Алимову конверт. — Это письмо отправишь из Москвы.

Мясников лукаво покачал головой, но спросил о другом:

— Ты хочешь ехать без Романа?

— Да.

— А зачем Чарона берешь с собой?

— О, в этом вся суть, — снова улыбнулся Михайлов. — Там он будет при деле и, по крайней мере, вам вредить не сможет. А короче: мы его временно, до выяснения, как говорится, обстоятельств, изолируем.

— Но ведь тебе с ним еще более опасно.

Михайлов сел на старый скрипучий стул, достал из кармана и развернул какую-то бумажку:

— Не волнуйся, Саша. Я все продумал. На фронт со мной кроме Чарона поедут Дмитриев и Солдунов. У

нас будут вот такие удостоверения, послушай: «Михаил Александрович Михайлов командирует в район 10-й армии для объезда учреждений Всероссийского земского союза. Должностные лица и учреждения приглашаются оказывать господину Михайлову содействие при исполнении возложенных на него обязанностей». — Михайлов кончил читать и, весело глядя на Мясникова, добавил: — А у Чарона такой «грамоты» не будет. И если мы заметим в его поведении что-либо опасное... Сам понимаешь, время-то военное — вдруг в полосе ведения военных действий появляется гражданское лицо! Пока будут разбираться, проверять и тому подобное, возвратится в Минск Алимов, и все встанет на свои места.

Мясников, задумчиво теребя подбородок, прошелся по комнате, затем сел на стул и спросил:

— Когда едешь?

— Сегодня. Чего тянуть?

— Куда?

— В Могилев, а затем в Ивенец и Молодечно. Кстати, я взял адрес Алексея Крылова — вдруг увижу.

— А как ты думаешь встретиться с Чароном?

— Очень просто. — Михайлов взглянул на высокого светловолосого парня. — Вот Николай сейчас пойдет к его дому и понаблюдает, а когда возвратится Солдунов, мы с ним двинем прямо туда. Если Чарон дома один, зайдем поинтересуемся, что ему от меня нужно.

— А если он не захочет ехать?

— Все равно потащу за собой. Если он враг, то, по крайней мере, оборвем его связи.

Мясникова, конечно, беспокоило то, что руководитель партийной организации сам идет на встречу с человеком, в искренности которого у подпольщиков возникли сомнения. Но доводы Михайлова, его уверенность сделали свое дело, и Александр Федорович, поколебавшись, сказал:

— Хорошо, Миша, но только дай слово, что примешь все меры предосторожности.

— Хорошо, даю.

Они договорились о встрече, и Мясников ушел. Михайлов обратился к Дмитриеву:

— Коля, у тебя и у Солдунова все готово к поездке?

— Да, Михаил Александрович. Литературу и листовки представителям партийных организаций 10-й и 3-й армий сегодня утром вручили. Любимов с ними договорился, что распространять их будут в полках, батальонах и ротах только после нашего отъезда.

— Хорошо. Тогда отправляйся к дому Чарона, посмотри, как там и что, а я дождусь Петра, и мы вместе придем к тебе.

Проводив Николая, Михайлов прошел в боковую комнатку, где имелся небольшой гардероб. Ему нужно изменить свой облик. Нашел подходящий полушубок, валенки, старую, но еще сносную ушанку. По одежде он должен был оставаться «господином» и в то же время выглядеть неброско. Переодевшись, возвратился в гостиную и в задумчивости остановился у покрытого морозными узорами окна. Подумалось о Соне. Он впервые полюбил и снова задавал себе вопрос: имеет ли он, профессиональный революционер, право на любовь. Каждому ясно, на что обрекается жена такого человека. Грустно улыбнувшись, подумал: «Милая Соня, ты даже не знаешь моего настоящего имени! Для тебя я по-прежнему Арсений. Могу ли я, человек, не имеющий права назвать свое настоящее имя, рассчитывать на твою любовь?»

И опять, в который уже раз после приезда в Минск, в памяти всплыла далекая Чита, где судьба свела его с Сонею. Да, его отъезд из Читы был для Сони неожиданным, а прощание — скоротечным. Он долго не мог прийти в себя, смириться с мыслью, что нет рядом этой чудесной девушки, что он не слышит ее смеха, голоса, не ощущает прикосновения ее нежных, ласковых рук...

«Стоп, Михаил, — неожиданно прервал он себя, — ты начинаешь раскисать. Думай только о предстоящем. Тебе партия поручила ответственное дело, и ты обязан справиться с ним. Да, в стране явно назревает ре-

волюционная ситуация, и нам нельзя не воспользоваться этим. Надо всемерно усиливать работу среди солдат. Кроме того, в Белоруссии находятся тысячи рабочих Петрограда, Москвы, Харькова, Урала, присланные работать для нужд фронта. Их положение тяжелое: продовольствия нет, жилье никуда не годное, люди оторваны от семей, озлоблены на хозяев и начальников. Среди них есть и члены партии, в силу обстоятельств прервавшие связи со своими организациями. А мы плохо работаем среди них. Из рук вон плохо. Так и скажу Ландеру, Мясникову и Любимову».

Он подошел к столу и начал что-то писать на чистом листе...

Спустя два часа в дверь квартиры, где жил Чарон, кто-то негромко постучал.

Чарон почему-то сразу решил, что пришел кто-то из охранного отделения, и прямо в пижаме направился к двери. Открыл и... чуть не обомлел. Перед ним стоял Михайлов, а из-за его спины выглядывали двое незнакомых парней. Чарона внезапно охватил страх. А вдруг Михайлов все-таки узнал, кто он есть на самом деле, и специально привел с собою этих двух. Тогда конец! А здесь еще, как назло, эта чертова пижама, ведь любому неглупому человеку ясно, что скромный служащий, помощник управляющего сапожными мастерскими, вряд ли станет носить пижаму. Чарон засуетился, приглашая Михайлова и его спутников войти.

Михайлов вошел один. Это немного успокоило и приободрило Чарона. Он, лгливо улыбаясь, проговорил:

— Товарищ Михайлов, кто бы мог подумать. Какая для меня, простого человека, честь.

— Бросьте, Евсей Маркович, что это вы вдруг? Вы же сами хотели меня увидеть. Слушаю вас.

— Да-да, конечно. Но я даже и мысли не допускал, чтобы вы вот так пришли к рядовому члену партии домой...

– Все мы рядовые, – сухо улыбнулся Михайлов и, видя растерянность хозяина, не стал дожидаться приглашения, сел на стоявший у круглого стола стул.

Чарон действительно был растерян. Не понимая, зачем он это делает, надел поверх пижамы пальто и сел напротив гостя.

– Михаил Александрович, вам, конечно, покажется странной моя просьба. Дело в том, что не могу больше ограничиваться выполнением мелких поручений. Когда я послушал вас на последнем собрании, то твердо решил проситься на более трудную и опасную работу. Хочу, чтобы вы использовали меня для агитационной работы в армии. Не сомневайтесь, не подведу.

– А каким образом вы уладите дело на службе?

– Я выпросил у управляющего отпуск за свой счет.

– Уже выпросили?

– Да. Дело в том, что я хотел за это время подыскать себе новую службу.

Михайлов помолчал некоторое время, потом, как бы решившись, сказал: – Ладно, быть по сему! Я сегодня же еду в войска и возьму вас с собой. Собирайтесь, но, если не возражаете, я оставлю у вас двух товарищей, которые пришли со мной, а сам отлучусь часа на полтора, чтобы оформить документы. Надеюсь, к вам полиция не заявляется?

– Нет, у меня здесь как у бога за пазухой, можете быть спокойны.

– Ну что ж, тогда собирайтесь.

Михайлов, довольный таким поворотом дела, вышел.

В МОГИЛЕВЕ

Чарон был поражен, когда узнал, что поезд везет их не на фронт, а в Могилев, где размещалась Ставка Верховного главнокомандующего. Спрашивать ни о чем не стал, но всю дорогу мучительно думал, что Михайлову там нужно.

Собран и молчалив был и Михайлов. Цель его поездки заключалась не только в том, чтобы дать новый толчок агитационно-разъяснительной работе среди солдат. Центральный комитет требовал по возможности выяснить обстановку в Ставке Николая Второго. Михайлов знал, что союзники, обеспокоенные тем, что неудачи на фронте могут толкнуть Россию, эту огромную, обладающую колоссальными людскими ресурсами страну, на выход из войны, направили в Ставку Верховного главнокомандующего своих военных атташе, которые должны были поднять боевой дух у царя и его генералов. Но что конкретно они предпринимают?

Выполнение этих задач вынуждало, конечно, идти на риск. Могилев да и вся фронтовая полоса были буквально наводнены различными секретными полицейскими и жандармскими службами, ударные батальоны делали все возможное, чтобы не допустить разложения солдат.

На могилевском вокзале было многолюдно, в толпе преобладали люди в военной форме, и Михайлов мысленно похвалил себя за то, что не поленился прихватить шинель: в случае необходимости будет легче раствориться в солдатской массе.

Вышли на Привокзальную площадь. Михайлов, шедший впереди, обернулся к своим спутникам:

– Вот что, братцы, вы тут обождите с часок, а я пошел на разведку. – Он протянул вещмешок Дмитрию. – Держи, Николай, мои пожитки.

В Могилеве Михайлов был не в первый раз и ориентировался неплохо. Вскоре он уже был на конспиративной квартире. В небольшом домике его ждали молодой щеголеватый подпоручик и двое гражданских. Подпоручик Жихарев, член социал-демократической партии с девятьсот девятого года, служил в самой Ставке Верховного. Благодаря умелой конспирации ему удавалось избегать неприятностей. Высокий, худощавый, с небольшими усиками, он был по-мужски привлекателен, и это, возможно, тоже играло свою роль.

Второй – низенький, припадающий на левую ногу мужчина лет тридцати – работал на небольшом заводе. Михайлов знал, что Григорий Иосифович Навроцкий служил в армии, воевал. После тяжелого ранения он был списан вчистую. Навроцкий и третий из присутствующих – Фурсов, пожилой, среднего роста человек крестьянского вида, в тяжелом полушубке, представляли партийную организацию Могилевской губернии. День был на исходе, и Михайлов не мешкая рассказал о Чароне. Тут же придумали план действий, рассчитанный на то, чтобы Чарон ни о чем не догадывался и в то же время чувствовал себя при деле. Фурсов предложил:

– Давайте поселим его у моего дальнего родственника. Мужик не болтливый, смысленный, в случае чего, сможет отбрехаться от полиции, а Чарону этому скажем, что поселяем его к человеку, который далек от революции – просто бедно живет и не отказывается от квартирантов. В подтверждение этому хозяин напомнит о том, как у него целых три месяца жил на квартире ушедший от жены полицейский. В то же время мой родственник сможет присмотреть за ним. Ну а опекать его должен будет Гриша. – Он посмотрел на Навроцкого: – Ты его и отведи туда.

– А нас где устроите? – спросил Михайлов.

Ответил Жихарев:

– Недалеко от вокзала освободился дом, в котором жили двое наших офицеров. Они сейчас получили комнаты рядом со Ставкой. Зная о предстоящем вашем приезде, я попридержал этот домик свободным, хозяину же продолжаю платить из царской казны.

– Хорошо, – согласился Михайлов и предложил: – Давайте сделаем так: ты, Григорий, иди к вокзалу, там вместе с Дмитриевым и Солдуновым, ты их знаешь, дожидается и Чарон. Бери его и устраивай. Скажешь: всем нам придется жить на разных квартирах. Пообещай, что завтра мы зайдем за ним. А тебя, Мironыч, – Михайлов повернулся к Фурсову, – я прошу: устрой моих парней и приходи сюда. За это время

Иван Валерьянович познакомит меня с обстановкой в армии, а когда вернешься – поговорим с тобой. Как, не возражаете?

Навроцкий с Фурсовым ушли. Михаил Александрович неторопливо разделся и присел к столу.

– Ну, что нового, Иван Валерьянович?

Жихарев сел напротив и начал рассказывать. Говорил он четко, по-военному, словно докладывал.

– Обстановка такая: царь, его генералы делают все, чтобы бойня продолжалась. Солдаты, которым до смерти надоело воевать, – как порох: в любой момент могут взорваться и поднять восстание. В армии, даже в царском окружении немало офицеров, которые твердо убеждены в необходимости свержения самодержавия. Мы стараемся поддерживать эти настроения, хотя нам здорово мешают предательские действия меньшевиков, эсеров, этих крикунов-националистов, которые играют на патриотических чувствах солдат и призывают вести войну до «победного конца». Но, знаете, Михаил Александрович, ей-богу, наступили другие времена. Солдаты верят нам, большевикам. Спасибо и вам за помощь литературой, особенно листовками. Однако листовки листовками, а личного общения они не заменят. Вас хотят видеть и слышать во всех частях, расположенных в губернии. Так что работы вам хватит.

– Ну что ж, мы ведь ждали этого часа, дорогой Иван Валерьянович. Значит, и работать будем столько, сколько потребуется. Кстати, где находится штаб-квартира царя?

– В губернаторском доме. Впрочем, если хотите его лицезреть, то это сделать несложно. Он каждый день совершает прогулки.

– А что? – Михайлов задумчиво провел ладонью по округлой бороде. – Вот пойду и посмотрю на него – последнего царя России.

После этого Михайлов долго расспрашивал подпоручика о расположении частей, их командирах, о деятельности солдатских партийных организаций.

Жихарев, не удержавшись, восхищенно спросил:

– Михаил Александрович, а где вы учились военному делу?

Михайлов улыбнулся.

– Э, дорогой! Жизнь всему научит. И скажу тебе честно: нравится мне военная наука. С удовольствием прочел все, что смог достать, и много об этом думаю. Не сомневаюсь, после победы революции нам понадобятся своя рабоче-крестьянская армия, которой позарез необходимы будут знающие специалисты. И тебе, Иван Валерьянович, и мне партия может поручить с оружием в руках защищать революцию. – Лицо Михайлова стало задумчивым, он мечтательно проговорил: – Обязательно создадим нашу народную армию, командирами в которой будут бывшие солдаты, рабочие, крестьяне, которые придут туда из наших большевистских военных академий.

Потом говорили о деятельности атташе союзных армий: Жихарев имел на этот счет очень ценные сведения.

Один за другим вернулись Фурсов и Навроцкий. Михайлов, попрощавшись с Жихаревым, которому надо было идти в часть, вместе с Навроцким и Фурсовым направился к своим попутчикам.

Ужинали впятером. Навроцкий рассказал, как он устроил Чарона. Стали прикидывать план на завтра. Михайлов, чувствовалось, уже все обдумал, потому что сразу же предложил:

– Каждый из нас троих, – он поочередно посмотрел на Дмитриева и Солдунова, – выступит завтра в двух воинских частях; я – в тех, которые расположены в городе, вы, ребята, – в загородных. Представители частей придут сюда завтра в девять утра. К вам же, – Михайлов обратился к Навроцкому и Фурсову, – будет просьба: занять Чарона. Утром мы с вами сходим к нему, и я дам ему поручение с вашей помощью собрать сведения о местных партийных организациях: численность, структура, данные о руководителях. Разумеется, вам надо всю эту информацию придумать и по-

давать ее таким образом, чтобы, во-первых, ни в коей мере не выдать ему действительного положения дел и, во-вторых, чтобы все это выглядело достоверно.

Фурсов весь вечер осторожно поглядывал на Михайлова, как бы выбирая удобный момент, и когда план был оговорен, он все-таки решился:

– Вот ты мне, Александрович, скажи, ты сам когда-нибудь видел Ленина? – И, словно смутившись своего вопроса, пояснил: – Понимаешь, о нем, о Ленине, часто спрашивают, а некоторые даже сомневаются: есть ли он на самом деле?

– Что вам сказать? Что касается разного рода чепухи о Владимире Ильиче, которую распространяют охранка, эсеры, меньшевики и даже немцы, то скажу одно: умышленная клевета, не стоит обращать внимания. Ленина я видел, и наша беседа останется у меня в памяти на всю жизнь. Вам же советую: пока не улыбнется судьба и не пошлет вам личной встречи, побольше читайте его. По-моему, в его статьях и брошюрах вы найдете ответы на все ваши вопросы.

– А где вы встречались с ним? – спросил Навроцкий.

– Это было в девятьсот шестом году в Стокгольме. Иваново-вознесенские и шуйские большевики избрали меня своим делегатом на четвертый съезд РСДРП. Кажется, на съезде я был одним из самых молодых, мне тогда исполнился двадцать один год. Вот там я впервые и увидел Ленина. Он выступал с докладом. Как сейчас слышу его голос. Ох, братцы, какой бой дал тогда Ленин меньшевикам! И вдруг мне говорят: «Владимир Ильич хочет с вами встретиться». Накануне встречи всю ночь не мог заснуть, а когда увидел его, услышал голос, – поверьте, все волнение как рукой сняло. Недолго мы беседовали. Ильич поинтересовался, откуда я родом, кто мои родители, потом расспросил о положении дел в Иваново-Вознесенске и Шуге. И вдруг слышу: «Вы читали «Анти-Дюринга»?» – «Да», – отвечаю. «Там, у Энгельса, есть прямое указание, что революционерам необходимо овладевать военной наукой.

Настоятельно рекомендую вам и дальше расширять свои военные познания. Это вам очень пригодится». Потом пожелал мне успехов, попросил передать привет товарищам и ушел. Знаете, память об этой встрече я пронес через все: через тюрьмы и ссылки, через годы подпольной борьбы...

Михайлов замолчал, молчали и остальные. Трудно было понять, о чем они думают, но вопрос, который задал Навроцкий, отражал общее настроение.

— Михаил Александрович, скажите, неужели еще долго будем терпеть Николашку? Представляете, солдаты от голодухи пухнут, у них по два патрона на три ружья, тысячами гибнут, а он напаялит на себя полковничьи погоны и часами в соборе слушает молебны «во славу русского оружия».

— Сколько именно царь продержится, трудно сказать, но в одном я уверен: недолго. Да вы, братцы, и сами видите, как народ настроен. Людям надоело жить в страхе, холоде и голоде. Солдаты не хотят умирать за чужие интересы. Экономика России разваливается. Думаю, что и властям приходит конец.

Знал бы он в тот момент, что до того дня, когда царь будет свергнут, остается чуть больше месяца!

Михайлов поднялся из-за стола:

— Ну что, будем отдыхать?

— Да, ложитесь, отдыхайте, — поддержал его Фурсов.

— Завтра работы хватит...

Утром Михайлов проснулся отдохнувшим и свежим. Вместо запланированных двух выступлений ему пришлось побывать и выступить в трех полках. Солдаты слушали внимательно. Немалую роль в этом, видно, сыграло и то, что он переоделся в военную форму и многие принимали его за бывшего офицера. Он сам расслышал долетевшее из толпы: «Хоть и офицер, да большевик, свой, значит».

Последнее выступление было в артиллерийском полку. Кончив говорить, Михайлов сразу же скрылся в толпе верных людей, и те вывели его за проходную. На набережной его догнал Жихарев.

— Спасибо, Михаил Александрович, я видел: солдаты даже шапки стаскивали с голов, чтобы ни одного слова вашего не пропустить.

— А нам с тобой, Иван Валерьянович, плохо, а тем более по бумажке, говорить нельзя, не поймут нас люди. Они верят человеку, когда он от души говорит, а не по писаному шпарит. — И тут же попросил: — А теперь, дорогой подпоручик, будущий командир армии рабочих, веди меня к царю.

— Как к царю?

— А вот так! Веди к его штаб-квартире, хочу на него вблизи посмотреть. Кстати, говорят, у него такая же, как у меня, борода, вроде мы с ним у одного и того же цирюльника бываем.

Жихарев видел, что Михайлов в хорошем расположении духа, и принял шутку.

— Хорошо, хорошо, Михаил Александрович, я с превеликим удовольствием сопровожу вас к его величеству. Только попрошу вас сначала переодеться. Дело в том, что там, где совершает моцион царь, очень холодно и вы в вашей шинельке замерзнете, а в картузике военном — уши застудите. Если же этого и не случится, то все равно вы будете чувствовать себя в сием одеянии плохо, так как охрана его величества наверняка заинтересуется офицером без погон.

Михайлов засмеялся:

— Намек понял, идем преображаться в штатского.

Они подошли к дому, где остановился Михайлов со своими спутниками. Михаил Александрович достал из-под крыльца ключ и отомкнул дверь. Не прошло и десяти минут, как он в овчинном полушубке и валенках быстро шагнул рядом с подпоручиком. Не доходя до губернаторского дома, они расстались: Жихареву не с руки было показываться в центре города в обществе гражданского лица — на всех углах сновали патрули, в толпе зевак, ожидавших выхода царя на прогулку, рыскали десятки шпионов разных мастей.

Михайлов не спеша начал пробираться сквозь толпу поближе к губернаторскому дому. Окинул взглядом

площадь перед ним, где выстроились солдаты Георгиевского батальона, другие дома, на крышах которых были размещены пулеметы, и ему сразу же вспомнился Петербург конца девятисот четвертого года: бурлящие улицы и площади, демонстрации. Он тогда шел в первой шеренге студенческой колонны, крепко сжимая в руках древко транспаранта. Тогда же впервые был арестован полицией. «Первые аресты, первые ссылки... Собственно, всегда у человека что-нибудь случается впервые, — подумал он и вдруг вспомнил Соню. — Господи, кажется, я скоро женюсь, и тоже впервые».

И тут он увидел царя. Николай Второй вышел из подъезда первым и медленно двинулся вдоль ровных рядов стройных георгиевских кавалеров. За ним — пышная свита: великие князья, генералы, адмиралы, военные атташе союзных стран. Надменные, заносчивые, со скучающими лицами, они медленно, словно какие-то неземные существа, шествовали мимо толпящихся на тротуарах людей.

И вдруг один из генералов взглянул на толпу. Две пары глаз встретились: пустые, скучающие глаза генерал-адъютанта Иванова (его имя-отчество было Николай Иудович) и чуть прищуренные, светящиеся улыбкой глаза Михайлова. Неизвестно, о чем в тот миг подумал генерал, но глаза его стали вдруг осмысленными, в них мелькнуло беспокойство. Иванов отвел взгляд, через секунду снова быстро скользнул глазами по мужику в полушубке и пошел дальше.

«Черт возьми, — подумал Михайлов, — до чего же вы все жестоки! Какое холодное надо иметь сердце и какое сытое брюхо, чтобы даже бровью не повести, видя вокруг себя голод, лишения и разруху!»

...На конспиративной квартире Михайлова уже ждали Солдунов и Дмитриев, Фурсов и Навроцкий. Не успел он раздеться, как пришел и Жихарев. Михайлов поинтересовался, чем занимался Чарон.

— Как и договорились, — ответил, улыбаясь, Навроцкий, — составлял списки членов партии, переписывал адреса.

— Ну и как он, доволен?

— Что вы! Аж руки дрожат.

— Ну что ж, продолжайте. Главное, чтобы он не скукался и не ходил куда не следует.

Навроцкий спросил:

— Сколько дней планируете еще у нас быть?

— Послезавтра вечером уедем. — Михайлов повернулся к Жихареву. — Иван Валерьянович, побеспокойтесь, пожалуйста, о билетах.

— До какой станции брать?

— До фронта, — улыбнулся Михайлов и уже серьезно добавил: — В район Ивенца — Молодечно. Смотрите сами, куда дадут, нам лишь бы в те края попасть.

После этого приступили к подробному обсуждению положения дел в Могилевской губернии. В конце Михайлов попросил Фурсова и Жихарева собрать в день отъезда партийный актив и предложил:

— Ну что, друзья, будем обедать?

В МОСКВЕ

Январь тысяча девятьсот семнадцатого года в Москве выдался морозным. Но не это, пожалуй, определяло жизнь второй столицы: в воздухе висело предчувствие близких и решающих перемен. Забастовки рабочих все чаще перерастали в вооруженные схватки с полицией и жандармерией.

В воинских частях шло брожение.

Алимов был не из робкого десятка, но, очутившись в огромном городе, на первых порах растерялся. Перед глазами мельтешили тысячи людей, с грохотом и пронзительными звонками проносились трамваи, обдавали прохожих дымом автомобили, громко кричали и стреляли кнутах извозчики.

«И как только здесь люди живут? — с ужасом думал Роман. — Не попадешь под автомобиль, так лошадь затопчет».

Трамвай – та же конка, только без лошадей – не вызывал в нем опасений: у него своя дорога, с рельсов не свернет. Да еще и поможет добраться по адресу, который дал Михайлов.

Поправив на голове шапку, Алимов начал действовать. Казалось, мытарствам не будет конца. Где на трамвае, а где пешком он исколесил пол-Москвы. В конце концов, не выдержав, нанял стоявшую на углу пролетку. Извозчик – мужик в огромном тулупе – скумекал, что пассажир – новичок в Москве, и решил попетлять, чтобы побольше содрать с него. Но Алимов, который в уме уже давно прикидывал, с какой суммой он может позволить себе расстаться, заметил, что слишком уж часто их пролетка сворачивает в переулки.

– Ты, браток, лошадь бы пожалел, а то у нее, бедной, башка закружится от этих петляний.

Извозчик оказался человеком сметливым – перестал нагонять деньгу. Проехали по Тверской, и через полчаса Алимов был у цели. Расплатившись, он для верности еще раз взглянул на номер дома и через арку вошел в небольшой, нечищенный от снега двор. Нашел нужный подъезд, потянул на себя дверь и оказался в полутемном коридоре. Где тут третья квартира? Ага, вот она! Алимов постучал – тихо. Постучал еще раз – и опять тишина. Тронул за ручку – дверь открылась. В конце еще одного длинного коридора, освещенного электрической лампочкой, виднелась дверь. Алимов, смущенно оглядываясь на следы, которые оставались от его мокрых валенок, подошел к ней и постучал. Открыл сравнительно молодой мужчина. Глубоко посаженные глаза смотрели настороженно.

– Вам кого? – не здороваясь, спросил он, а сам быстрым взглядом окинул коридор – один ли пришел неизвестный.

– Здравствуйте, мне бы господина Катурина.

– А зачем он вам?

Алимов понял, что перед ним тот самый человек, который ему нужен. Приметы совпадали, да и голос

сухой, недоброжелательный. Вспомнились слова Михайлова: «Не удивляйся, если что покажется не так. Парень он добрейший, но не любит выставлять это на показ».

– Я привез ему письмо.

– Письмо? Давайте, я и есть Катурин.

– Может, я войду сначала? – улыбнулся Алимов.

– Ах да, прошу.

Катурин посторонился, пропуская гостя вперед. Алимов ступил за порог, выждал, пока хозяин закроет дверь, и сказал:

– Извините, но вы сначала должны решить одну задачку. Сколько будет дважды три?

– Семь, – впервые улыбнулся Катурин. – А сколько по-вашему?

– Девять.

– Смотри-ка, мы оба сильны в арифметике! Значит, от Миши Михайлова письмо?

– Да, вот оно.

Катурин помог Роману раздеться, усадил его и сразу же вскрыл письмо. Читал долго. Михайлов давно не писал другу и, очевидно, получив возможность передать письмо верным человеком, дал себе волю.

Пока суть да дело, Роман стал рассматривать комнату. Она была невелика, но выглядела внушительно. В простенках стояли два дивана и полки с книгами. В центре – небольшой круглый стол, покрытый цветной скатертью, четыре стула с высокими спинками и подлокотниками. На полу – ковер. На стене, у двери, небольшая картина, а в дальнем углу – трехстворчатый шкаф. Роман невольно подумал: «Михайлов говорил, что Катурин студент, а живет как какой-нибудь преподаватель гимназии. Смотри, сколько добра накопил: и диваны кожаные, и ковер, и шкаф, стулья дорогие, словно из дворца царского».

Он присмотрелся к хозяину. Выше среднего роста, узколицый, стройный. В хорошем костюме. На ногах домашние тапочки. Он так увлекся чтением, что, казалось, забыл о госте. На бледном лице то блуждала

улыбка, то оно становилось серьезным, точь-в-точь таким, с каким он встретил Романа, то вдруг печаль и грусть окутывали его.

Наконец Катурин сложил письмо, бережно опустил его в карман и, словно оправдываясь, сказал:

– Попозже еще разок прочитаю, а уж затем сожгу. – Он подошел к Алимову, протянул руку. – Давайте толком знакомиться: Павел Катурин.

– Алимов... Роман...

– Вы, наверное, голодны? – спросил Катурин и, не дожидаясь ответа, сказал: – Сделаем так. Вы посидите, я сейчас сбегаю в лавку, она здесь недалеко, и мы с вами, Роман, устроим роскошный ужин по поводу вашего счастливого прибытия.

Он взглянул на промокшие валенки Алимова и быстро принес от дверей еще одну пару тапочек.

– Переобувайтесь, пусть ноги отдохнут. В комнате тепло. – Махнул рукой в сторону книжной полки: – Если интересуетесь – пожалуйста. В общем, не скачайте, я скоро.

Катурин быстро переобулся, набросил на себя пальто, схватил шапку и исчез за дверью.

Алимов пощупал свои валенки: «И правда, отсырели». Снял. Подержал в руках тапочки и переобулся. Поставил валенки поближе к кафельной печи и прошел к книжной полке. Книг было много: толстые и тонкие, они стояли плотными рядами. Захотел наугад вытащить одну из них, но постеснялся нарушить порядок и взял лежавшую сверху тоненькую брошюрку. Шевеля губами, прочитал: «Библиотека хозяина. Под редакцией А. П. Мертваго. Сколько в России земли и как мы ею пользуемся». Ниже на обложке было написано: «С. Н. Прокопович и А. П. Мертваго. Приложение к журналу «Нужды деревни» за 1917 год, № II».

Алимов родился и большую часть своей жизни прожил в деревне. Брошюра заинтересовала его, он подошел к «царскому» стулу, сел и начал читать: «По последнему обследованию 1905 года, в 50 губерниях Европейской России без Киргизской и Калмыцкой степей,

в которых считается 13.608.304 десятин, насчитывается всего 395.192.443 десятины, в том числе казенных земель – 138.086.168 десятин, удельных 7.843.01 десятин, церковных 1.871.858, монастырских земель 739.77, городских – 2.042.570, войсковых – 3.459.240 десятин».

Было трудно разобраться в больших цифрах. Тогда Алимов достал из кармана карандаш и на обороте листка с адресом Катурина не без труда сложил монастырские и церковные земли и сравнил с цифрой, обозначающей количество городских земель. Удивленно почесал за ухом: «Что ж получается? У монахов да попов земли больше, чем на все города России. Да, недаром Михайлов этих святош ставит в один ряд с помещиками и фабрикантами». Он перелистал несколько страниц и наткнулся на место, где речь шла об урожайности. Сел поудобнее и начал читать: «В этом отношении Россия занимает последнее место в ряду европейских стран. Средний чистый сбор важнейших хлебов с десятины равняется: в Бельгии – 119,2 пудов, во Франции – 81,8, Германии – 66,9, Австрии – 59,5, России – 34,7 пуда». В другом месте писалось, что на душу крестьянского населения, занимающегося земледелием, доход составляет около тридцати трех рублей в год и что до прожиточного минимума не хватает около шестнадцати рублей.

«А где мужик возьмет эти шестнадцать рублей? Вот и мрут как мухи люди в деревнях».

Он отложил в сторону брошюру и настолько задумался, что, когда отворилась дверь и в комнату вошел Катурин, вздрогнул от неожиданности. В руках у Катурина было несколько бумажных пакетов.

– Вот и я. Сейчас мы с вами великолепно поужинаем, а затем вы расскажете о Мише. Мы ведь с ним о-го-го сколько лет дружим!

Они вдвоем быстро приготовили ужин, сели за стол.

Катурин налил в граненые стопки водку.

– Предлагаю, прежде чем выпить за приезд и знакомство, перейти на «ты».

– Правильно предлагаешь.

После ужина, за чашкой чаю, говорили о Михайлове, о его работе в Минске. Тут Алимов прямо перешел к цели своего приезда.

Катурин выслушал, задумался.

– Задача, конечно, не из легких. Охранка, что и говорить, набила руку на всяких пакостях. Но ничего, есть и у нас люда, которые могут многое. Кстати, и с той же охранкой найдем связи. Эта публика не страдает неподкупностью. Так что, давай-ка, Роман, ложиться спать. Как говорится, утро вечера мудренее. Тем более я вижу, у тебя глаза слипаются.

Алимов действительно сильно устал. Катурин постелил ему на одном из диванов, а сам устроился на втором. Когда Алимов засопел во сне, он встал, придвинул к печке стул, положил на него валенки гостя и только после этого улегся и уснул...

Следующий день принес много хлопот. Катурин сразу же после завтрака исчез и вернулся вместе с двумя уже немолодыми мужчинами. Один из них, назвавшийся Евсеем, был лет пятидесяти, плотный, чуть грузноватый, на круглом лице небольшие, словно приклеенные, усики. Второй, Иван, чуть помоложе, худощавый, в громоздких валенках явно с чужой ноги. Когда здоровался, Роман заметил, что у него жесткая и крепкая рука.

Катурин пригласил всех к столу и сказал:

– Роман, это наши товарищи, члены партии. Руководство Московского комитета, которому я доложил о твоём приезде, им поручило оказывать тебе всяческую помощь. Расскажи, пожалуйста, еще раз, что тебя к нам привело.

Алимов, стараясь не упустить ни одной подробности, рассказал о Чароне, о возникших в отношении его подозрениях.

Когда он закончил, Иван, постукивая пальцами по стулу, задумчиво переспросил:

– Говоришь, этот Чарон участник московских событий девятьсот пятого? Это уже кое-что, – он взглянул на Евсея, – но проверить его будет нелегко. Здесь та-

кая заваруха была! – Иван помолчал немного и предложил Евсею: – Давай так: ты берешь на себя охранку, а я поспрошаю среди тех, кто участвовал в восстании девятьсот пятого и живет сейчас в Москве. Идет?

– Охранка так охранка, – согласился Евсей. – Дело знакомое. Надо до их святая святых добратся.

– Вот и доберись. Ты ведь сам несколько раз хватал, что платишь этим субчикам деньгу.

– Я им, заразам, наличным свинцом платил бы, да что поделаешь, приходится с ними дружбу водить. В общем, задача ясна, будем работать.

– А мне что делать? – спросил Алимов.

Он, конечно, понимал, что его роль в проверке Чарона поневоле будет довольно пассивной. Что он мог сделать здесь, в этом огромном городе? Так что ж, выходит, сидеть и ждать?

– Ничего, браток, – успокоил его Иван, – придется тебе отдохнуть.

Иван и Евсей, договорившись о встрече, один за другим ушли. Катурин предложил Роману прогуляться по Москве.

– Покажу тебе Кремль, прокатимся по Каретному ряду, потолкаемся на Тверской. Короче говоря, соберайся.

Как во сне бродил Роман по Москве. Огромные дома, каких в Минске и близко не было, величавый и строгий Кремль с его неприступными стенами ошеломили парня.

Прогулка затянулась. Возвращались домой под вечер, даже не предполагая, что там их уже с нетерпением дожидается Иван...

СОЛДАТ, Я ТЕБЯ ЗНАЮ

До небольшой, расположенной в трех километрах от передовой деревушки, где находился штаб пехотной дивизии, представители Всероссийского земсоюза добрались пешком. На удивление, не встретили ни одного по-

ста. Михайлов, как старший по службе, представился командиру дивизии – болезненному и хмурому полковнику, а затем с его согласия беседовал со штатскими, побывал в строевой части. На это ушел весь остаток дня. На постой Михайлова и его спутников определили в дом Пупко. Сопровождавший их поручик рассказывал:

– Хозяин полтора года назад умер. В доме сейчас живут его жена и сын. Сын этот... Знаете, руки у него золотые. Но лучше я помолчу, сами увидите.

Они остановились у довольно большого дома. За калиткой с причудливыми резными узорами возвышалась большая деревянная фигура старика с гуслями. Напротив нее, через тропинку – женщина с серпом, а у входа в дом, по обе стороны двери – гладиаторы. Они словно охраняли вход. Уже стоя на крыльце, Михайлов заметил еще две фигуры: веселого черта и шляхтича с уморительно самодовольной физиономией.

– Чья это работа? – удивленно поинтересовался он.

– Увидите, – улыбнулся поручик и первым ступил за порог. В большой светлой комнате их встретила пожилая, по-крестьянски одетая женщина.

– Ну вот, Михалина Ивановна, и постояльцы, о которых я вам говорил.

– Гостям всегда рады, – сдержанно улыбнулась хозяйка, внимательно посмотрела на каждого из вошедших и указала на резную вешалку: – Раздевайтесь, проходите, я сейчас ужин приготовлю.

– Я оставлю вас, господа, – козырнул поручик. – Уверен, что здесь вам будет хорошо.

Он ушел, а Михайлов и его попутчики заворуженно осматривали комнату: пол – словно луг с цветами, и на потолке чьими-то талантливыми руками вырезаны васильки да ромашки, а между ними ангелы порхают. Не переставая удивляться, гости разделись и прошли в следующую комнату. Там еще больше было резных работ.

– Кто все это сделал? – спросил у хозяйки пораженный Михайлов. Та, очевидно, уже привыкла к таким вопросам и потому ответила буднично:

– Сын мой, Апполинарий.

– А где он?

– На окопах. Скоро придет. Да вы садитесь, отдохните с дороги, а я ужином займусь.

Хозяйка говорила не торопясь, с достоинством. Едва она вышла в кухню, как в прихожей послышались шаги – пришел сын хозяйки. Потом было слышно, как он умывался. Через несколько минут Апполинарий вошел в комнату и представился. Высокого роста, худощавый, волосы русые, курчавые, на переносице – очки.

– Так это ваши творения? – с улыбкой спросил Михайлов, пожимая Апполинарию руку.

– Мои, – смутился парень. – В свободное время немного режу.

– А где вы работаете?

– В школе, преподаю рисование.

– А ваша матушка сказала, что вы на окопах.

– Сейчас вот – с окопов. Время такое, что надо и фронту помогать.

Они сели на украшенную резьбой скамью. Михайлов сказал:

– У вас, Апполинарий, необыкновенный талант, и вам обязательно его надо развивать. Какое у вас образование?

– Закончил два класса частной гимназии, а также четырехклассное училище.

– По нынешним временам это не мало, но все равно вам надо во что бы то ни стало учиться дальше. Я непременно поинтересуюсь, где вам можно будет продолжить образование. – Михайлов достал из кармана небольшую записную книжку. – Позвольте, запишу ваш адрес.

– А нас все знают, – улыбнулась вошедшая с дымящимся чугуном хозяйка. – Достаточно написать: «Ивенец, Пупко». К нам люди со всей округи, как в музей, ходят.

– Вообще-то, наша улица Койдановской называется, – смущенно добавил парень.

После ужина, несмотря на сильную усталость, Михаил Александрович еще долго разговаривал с Апполинарием. Узнал, что его старшие братья – Станислав и Эдвин – на фронте, а сестра Стефания замужем и живет отдельно.

– Нет, Апполинарий, я себе не прощу, если не позабочусь о том, чтобы твой талант служил людям.

Апполинарий Пупко смущенно и недоверчиво улыбался. Откуда ему было знать, что пройдет время и Михаил Александрович выполнит свое обещание.

– Спасибо, – только и ответил он. – Вам бы отдохнуть надо, устали ведь.

Михайлов прошел в комнату, где уже мертвым сном спали его спутники. Лег, сомкнул глаза, но перед взором его продолжали стоять деревянные фигуры, которые, казалось, вот-вот оживут. Постепенно мысли переключились на главную цель поездки, и он обеспокоенно подумал, что нет точной договоренности о предстоящей завтра встрече с местными большевистскими руководителями.

Но волнения оказались напрасными. Как только робкое зимнее утро заглянуло в окно, в комнату постучали. Первым, как был в кальсонах и босиком, бросился к двери Чарон. «Ишь, какой приткий!» – подумал Михайлов, надевая сапоги.

В комнату вошли два солдата. Первый, высокий и худой, как жердь, громко сказал:

– День добрый в хату. Кто здесь есть из Земсоюза?

– Вот мы и будем, – быстро ответил Чарон.

– А кто старший? – спросил солдат.

Михайлов, уже одетый в свой полувойенный костюм, сказал:

– Я старший. Подождите, пожалуйста, в сенях, я сейчас выйду.

Солдаты, громко стуча смерзшимися на морозе башмаками, вышли. Михайлов заметил Чарону:

– Вы бы, Евсей Маркович, штанишки натянули, а то ненароком сестра милосердия или еще какая дама заглянет.

Он вышел в сени.

– Здравствуйте, товарищи! Я – Михайлов. Сколько будет дважды три?

– Семь, – ответил высокий. – А по-вашему сколько?

– Девять.

– Правильно, – заулыбались солдаты. – Здорово, товарищ!

Тот, что был пониже, с улыбкой на давно не бритом лице, доложил:

– Давно вас ждем. Хотят солдаты услышать правдивое слово. А то чего только офицеришки наши не наговаривают: и что большевиков всех переловили да в каталажку пересадили, и что Ленин продан немцам и австриякам, и его помощники даже воюют против нас.

– И что, люди верят этой болтовне?

– Мы, конечно, не верим, но, товарищ дорогой, и среди солдат разный народ есть.

– Ясно. У меня к вам просьба: никому, кроме меня, не называйте своих и других фамилий, а также номера частей, в которых служите. Это для конспирации. Скажите, где бы мы могли спокойно поговорить?

– Об этом позаботились, – ответил высокий солдат. – Здесь недалеко есть хата, которую с приближением фронта хозяева бросили и уехали.

– Великолечно, – потер руки Михайлов. – Сейчас я только потороплю своих товарищей и пойдем.

Он вернулся в комнату и увидел, что все трое уже одеты.

– Молодцы, что не заставили ждать. Идемте!

В пустой, как гумно, давно не топленной хате долго не задерживались – только распределили обязанности.

– Со мной пойдет Евсей Маркович, – сказал Михайлов. – Ты, Николай, – с Петром. Сопровождать нас будут эти товарищи. Помните, выступаем на передовой. Солдаты устали, многие в растерянности, не знают, что делать, кому доверять. Поэтому разговор надо вести правдивый и простой. Листовки и прокламации оставлять там, где будете выступать. – Он посмотрел

на Чарона. – Я вас беру с собой потому, что опыта выступлений в войсках у вас нет. Присмотритесь, возможно, придется и одному бывать среди солдат.

– Да-да, спасибо, я понимаю, – быстро проговорил Чарон и, не удержавшись, спросил: – А как быть со сведениями о местных партийных организациях? Прикажете, как и в Могилеве, мне снова заниматься этим вопросом?

– Об этом – несколько позже, а сейчас пошли. – Михайлов поднялся.

Метель разгулялась вовсю, и высокий солдат, сопровождавший Михайлова и Чарона, кутаясь в свою куцую, болтающуюся на худых плечах шинель, удовлетворительно сказал:

– Погода-то словно по заказу, офицеры меньше шагать по окопам будут.

В небольшой балке, закрытой с трех сторон лесом, собралось человек двести. На подступах к месту собрания стояли наблюдатели. Для оратора была приготовлена «трибуна» – два поставленных друг на друга больших ящика из-под снарядов. Михайлов ловко взобрался на них и поднял руку:

– Товарищи! Я привез вам, фронтовикам, привет и сочувствие большевиков и трудового народа Минщины! По рядам, словно шелест, прошел тихий говор. А Михайлов продолжал:

– Царь и его холуи – помещики, банкиры, заводчики и фабриканты – день ото дня долдонят, что эту несправедливую братоубийственную войну нужно вести до так называемого «победного конца». Они проносят тосты за победу «русского оружия» в ресторанах, на разного рода приемах, купаясь в роскоши и бешась от жира. Но скажите, так ли уж эта война нужна простому народу? – Михайлов неожиданно обратился к стоявшему невдалеке пожилому солдату: – Вот скажи, отец, нужна тебе война?

Солдат смутился – надо же, ни с того ни с сего оказался в центре внимания, – но быстро нашелся и злым простуженным голосом ответил:

– Эта война нужна разве что вшам, которые скоро сожрут меня заживо, а я хотел бы еще на деток своих поглядеть, их у меня пятеро, да и женку обнять.

Кто-то из солдат помоложе звонко подхватил:

– Как немца или австрияка в рукопашной!

Вокруг засмеялись, а солдат, к которому обратился Михайлов, громко крикнул:

– Правильно говорит товарищ офицер! На какой хрен нам эта война, что она дает? Царю она нужна да богатеям всяким, панам! И нашим, и германским.

– Верно говорит солдат! – Михайлов поднял руку, и толпа затихла. – Здесь, вблизи передовой, расположены замки князей и прочих богачей, таких как Друцкие, Соколинские, Святополк-Мирские. Видели, поди, их?

– Видели, видели! – закивали солдаты. – Там обычно штабы и генералы размещаются.

– Правильно! И вы думаете, противник не знает об этом? Еще как знает! Но ему, а точнее вражеским командирам, не хочется своих же бить. Какой резон богачу богача бить? Для них лучше, чтобы солдаты – русские и немецкие рабочие и крестьяне убивали друг друга. Пока льется кровь, кто станет думать о революции? Им дела нет до того, что вас ждут жены и дети, что погибнет на фронте кормилец семьи. Для них главное – капитал...

Когда Михайлов кончил выступление, со всех сторон посыпались вопросы. Отвечая на очередной вопрос, Михайлов обратил внимание на одного солдата: «Уж не Крылов ли?» Лицом солдат был очень похож на Антона Михайловича, а еще больше – на вихрастого пацана с фотографии, которую показывала Елена Петровна.

И вдруг он, тот солдат, поднял руку:

– Скажите, вы большевик?

– Да, большевик.

– Значит, не из начальства. А откуда вы знаете все, что говорите?

В толпе засмеялись: «Ему на блюдечке сведения подают», «Нет, ему генералы рассказывают», «А может, он ясновидец?»

— Откуда знаю, спрашиваешь? А ты, браток, вступи в партию и тоже будешь многое знать и во многом разбираться.

И вдруг у Михайлова мелькнула озорная мысль. Он мысленно приделал пацану с фотографии реденькие светлые усики — получилось точь-в-точь это лицо, что с победным видом оборачивалось то к нему, Михайлову, то к товарищам.

— Может, и ясновидец. Хочешь, докажу?

— Как ты докажешь?

— А очень просто. Ты меня видишь впервые?

— Да.

— И я тебя тоже раньше не видел, а вот возьму и назову твои имя и фамилию.

— Ну да! — заинтересовался солдат. Все замерли. «А вдруг это не Крылов, вот конфуз будет», — подумал Михайлов. Но отступить было некуда, и он уверенно сказал:

— Ты — Алексей Крылов, из Минска. Там тебя мать и отец ждут. Верно?

Солдат стоял бледный как полотно. Чуть слышно выдохнул:

— Верно. Откуда ты знаешь?

Поднялся хохот, все задвигались. Солдаты обступили Крылова и весело заглядывали в его обескураженное лицо. Смеялся и Михайлов. Затем он спрыгнул с ящиков и подозвал Крылова. Коротко объяснил ему, что к чему, рассказал о родителях. Алексей спросил:

— Ты мне скажи одно: если я убегу с фронта, сможешь мне в Минске помочь укрыться?

— Смогу, Алексей.

После этого Михайлов и Чарон побывали еще в пяти местах. Когда затемно возвратились в гостеприимный дом Пупко, там их уже ждали Дмитрий, Солдунов и сопровождавший их солдат. Дмитрий мял в руках листок бумаги. Это была телеграмма из комитета Земсоюза: господину Михайлову надлежало срочно прибыть в Минск для встречи приезжающей невесты.

После короткого совещания было решено: Дмитриев и Солдунов продолжат выступления среди солдат, а Михайлов и Чарон едут в Минск.

ЕСТЬ ЗАЦЕПКА

Катурин даже отпрянул, когда из коридора на него глыбой надвинулся Иван.

— Фу, черт, напугал!

— А ты не бойсь, — засмеялся Иван, — чего людей бояться. Я уже часа два вас дождаюсь. Замерз, как цуцик, на улице, решил в коридоре погреться. Хорошо, что дверь не заперта, а то не знаю, что бы я и делал.

Они прошли в квартиру, и Иван без проволочек начал рассказывать:

— Стал разыскивать тех, кто мог бы знать и помнить Чарона по пятому году. И вот, пожалуйста, — мой тезка Лесков. Ты, Павел, должен его знать. Он участник перестрелки у трактира «Волна». Помнишь, вся Москва смеялась над полицией, солдатами и жандармами: горстка революционеров целый день удерживала в своих руках этот трактир, а когда ночью войска окружили дом, подтащили пушку и начали штурм, трактир оказался пустехоньким.

— Конечно, помню. Но это ж было в девятьсот пятом, а у нас сейчас...

— Подожди, не торопись, — перебил его Иван. — Дело в том, что тогда охранка схватила Лескова и посадила в тюрьму, где он просидел до прошлого года. Там он года два назад познакомился со Щербиным. Вместе готовили групповой побег. Он хорошо помнит, что в одной камере со Щербиным сидел молодой литовец из Вильно, Альгис Шяштокас. Лесков характеризует его как настоящего, стойкого большевика и верного товарища. Может, Чарон и есть Шяштокас? Тогда волноваться не стоит.

— А какой он из себя, этот Шяштокас? — спросил Алимов.

Иван смутился:

– Об этом я как-то не спросил. Придется завтра снова к нему пойти.

– А можно, я с вами?

– Отчего ж нельзя, пошли.

– Ну что, давайте ужинать, – предложил Катурин.

Но Иван, сославшись на то, что он куда-то опаздывает, поспешил уйти. Катурин и Алимов сели за стол вдвоем. Только поужинали, как кто-то постучал. Катурин хлопнул себя по лбу и, показалось Алимову, покраснел:

– Господи, как я мог забыть! – Он окинул растерянным взглядом стол, который выглядел далеко не лучшим образом, и прошлепал в своих домашних тапочках к двери. Спустя минуту в комнату вошла молодая девушка. Она смущенно поздоровалась и в нерешительности остановилась у порога. Алимову девушка показалась какой-то небесно-голубой. Голубая шапка, голубой песцовый воротник, в руках голубая муфта и даже огромные глаза – голубые. Катурин слегка подтолкнул ее в плечо:

– Познакомься, Наденька, это мой товарищ приехал из прифронтовой полосы.

Пока девушка рассматривала опешившего и растерянного Алимова, Катурин представил ее:

– Роман, прошу любить и жаловать мою сестру. И готовься – сейчас нам с тобой влетит. Она терпеть не может, когда я накрываю стол без должного уважения к ответственному ритуалу приема пищи.

Девушка подошла к Алимову, протянула руку:

– Надя.

– Роман, – глухо ответил Алимов, и ему показалось, что его рука стала мокрой от пота.

– А ругать я тебя, Павлик, – девушка повернулась к Катурину, – сегодня не буду. Во-первых, пощажу твое самолюбие, а во-вторых, мы опаздываем в театр, а ты даже не собрался.

Катурин обнял ее за плечи:

– Не обижайся, но с театром, пожалуй, не выйдет. Я не могу бросить на произвол судьбы в этой келье гостя.

– А давай возьмем его с собой. Роман, пойдете с нами?

Алимову показалось, что он окунулся в голубизну ее огромных глаз. Язык прирос к небу, дыхание перехватило, и он охрипшим голосом выдавил из себя:

– Не... спасибо.

Надя смотрела на него спокойно, дружески улыбаясь, а Алимову казалось, что ее взгляд пронизывает его насквозь.

– Почему, Роман? Вы не любите театр? Право же, пойдете с нами, билеты будут.

В разговор вмешался Катурин:

– Отстань от парня, Надя. Зачем смущаешь? А ты, Роман, не тушуйся, – он подошел к Алимову, – сестра моя ничего в мире этом, кроме театра, не признает. – И опять к Наде: – Роман приехал в Москву не по театрам ходить, как некоторые, а работать.

– Революцию делать? – Надины глаза смотрели на брата с лукавой улыбкой.

– Хотя бы...

– Ну так вот, братец, чтобы революцию делать, надо уметь видеть и ценить прекрасное. Чтобы знать цену этому прекрасному.

– Нет, Наденька, здесь есть еще одна причина: Роман не брал с собой нарядов для театра...

– Ты с ним поделись. По-моему, у вас должен быть одинаковый размер.

– Но у меня только один вечерний костюм...

– Прекрасно! Отдай Роману, мы пойдём с ним. Я не могу допустить, чтобы гость, который впервые в нашем городе, не побывал в театре.

Надя вела себя так естественно и просто, что казалось, Роман вот-вот придет в себя. Но происходило нечто странное: он все больше терялся и наконец чуть слышно пробормотал:

– Спасибо... В театр я не пойду.

– Это почему же? – сделала серьезное лицо Надя. – Вы что, – она поочередно взглянула на Романа и Павла, – сговорились против меня?

Но в глазах у Романа была такая мольба, что Надя сразу все поняла. Она сняла с себя пальто, небрежно бросила на стул муфту и шапку и сказала:

— Ладно, бог с вами. Тогда и я не пойду. — Она хозяйским взглядом окинула стол. — Сначала я наведу тут порядок, а потом будем пить чай. Павел, у тебя варенье есть?

— А как же! Целая банка вишневого, что ты в прошлое воскресенье притащила.

— Тащат только неучей, и то за уши, а варенье я принесла.

Надя сноровисто принялась за работу. Она легко и бесшумно скользила по комнате. Роман весь пунцовый сидел на диване и изредка бросал на нее восхищенные взгляды. Надя казалась ему легкой, плавающей по воздуху феей. Он никогда не испытывал подобного чувства. Словно луч солнца ворвался в душу. «Какой там театр, милая Надя, посмотрела бы ты, в какой я обувке хожу!»

Он вдруг представил себя в вечернем костюме и валенках и еще больше покраснел. Катури́н, вместо того чтобы как-то помочь гостю, начал подзуживать:

— Роман, да ты оторви глаза от пола. Посмотри лучше на мою сестру, чем не красавица?

Алимов не находил, что ответить, и, наверное, совсем бы сгорел от стыда, если бы не Надя. Она кончила убирать стол и села рядом с ним.

— Перестань, Павел, меня, как товар на рынке, расхваливать. Совсем Романа в краску вогнал. Ты, братец, поставь-ка лучше самовар да варенье на блюдечки положи. Жаль только, ребята, что у вас к чаю ни печенья, ни сушек нет.

— Зато бутылка «Петровской» есть, — сказал Катури́н.

— Фи, какая мерзость! — сморщила носик Надя. — Я не позволю, чтобы при мне губили свое здоровье. Чай с вареньем — что может быть лучше? — Она повернулась к Алимову. — Вы любите чай?

— Чай — это хорошо. Он душу согревает.

— Роман, если не секрет, откуда вы приехали?

Алимов вопросительно посмотрел на Катурина. Тот, доставая чашки из небольшого буфета, сказал:

— Ей говорить можешь. Надя тоже с нами.

— Я приехал из Минска, — запоздало ответил на Надин вопрос Алимов и, сам не понимая для чего, пояснил: — У нас морозно, так в валенках приехал...

— И правильно сделали! — подхватила Надя. — Сейчас поезда ходят так, что можно на иной станции надолго застрять. Не дай бог быть легко одетому. Скажите, а Минск большой город?

— Большой. Но с Москвой, конечно, не сравнишь.

— Кстати, как вам Москва понравилась?

— Очень! — И Алимов незаметно для себя разговорился. Он рассказал Наде, где они сегодня были, что видели, а сам был на седьмом небе от счастья, что эта чудесная девушка слушает его, простого рабочего человека, который даже в театре ни разу в жизни не был.

Вскипел самовар, и беседа продолжалась за чаем. Надя весело и непринужденно говорила об институтских делах, рассмешила брата и его гостя рассказом о проделке студентов-шутников: они разоблачили полицейского шпи́ка и умудрились ему на спину прикрепить записку, на которой было написано: «Я — балбес и шпи́к полицейский! Студентам приказываю при мне о революции не говорить — продам». И ходил тот шпи́к среди студентов, делая вид, что он свой, около трех часов, и все это время сотрясались институтские стены от хохота. Надя, вспоминая об этом, и сейчас не могла удержаться:

— Пожалуй, самое смешное в том, что шпи́к, ни о чем не догадываясь, сам смеялся вместе со всеми. Ребята спрашивали, кто он да откуда, а шпи́к врал как мог.

— Ну и чем все это кончилось? — спросил Павел.

— Кто-то ему сказал о записке. Что ребятам оставалось? Вышвырнули шпи́ка из института, и дело с концом...

Как Роману хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался. Но, увы, через час Надя, пообещав забежать на следующий день, ушла.

В ту ночь Алимов долго не мог уснуть: перед глазами стояла «голубая» девушка. Да, такое с ним творилось впервые.

Чуть свет пришел Иван.

— Все спите, лежебоки! А я не выдержал и уже сбегал к Лескову. Он говорит, что Шяштокас был высокого роста, сероглазый, с пышной шевелюрой, лет около двадцати пяти.

— Нет, Чарон не такой. Он тоже высок, но глаза голубые. Вообще, пожалуй, смахивает на артиста, хотя и лысоват. Да и годами постарше, — задумчиво проговорил Алимов. — А что слышно у Евсея?

— Просил, чтобы вы его часам к двенадцати дожидались.

— А ты куда торопишься? — спросил у Ивана Катулин.

— Хочу еще кое с кем поговорить. Постараюсь к приходу Евсея тоже подбежать.

...Иван рассчитал точно. Они с Евсеем появились у Катурина почти в одно время. Иван был в хорошем настроении, Евсей, наоборот, хмуро посматривал из-под густых бровей, молча стащил с грузного тела шубу и сел на диван. Его удрученный вид как бы говорил: «Можете ни о чем не спрашивать, все равно ничего хорошего не скажу».

Иван же словно не заметил, что друг чем-то огорчен, сыпал весело:

— Ну, братцы, не зря побегал по морозцу. Нашел еще двух человек, которые в пятнадцатом и в начале шестнадцатого сидели вместе со Щербиным в тюрьме. Они хорошо помнят первый побег Щербина, Шяштокаса и других товарищей. Тогда произошла схватка с охранниками, двое из которых были убиты. Погибло и девять наших товарищей. Главными виновниками суд признал Щербина и Шяштокаса. Их и приговорили к смертной казни. Так вот один из тех, с кем я сегодня говорил, Евладов, вспомнил, что в подготовке нового побега вместе с Шяштокасом, Щербиным и другими товарищами принимал участие некто Морозик.

Приметы полностью совпадают. Евладов так и сказал: «Артист, да и только». Так что, будем считать, доподлинно известно: Чарон под фамилией Морозик действительно сидел вместе со Щербиным. Но теперь послушайте дальше. Евладов помнит, что Шяштокас пытался перепроверить через волю, действительно ли Морозик член РСДРП, участник подпольной борьбы в Петрограде и сражений с полицией и войсками в Москве в девятьсот пятом году. Они тогда передали на волю записку, но ответа получить не успели. Воспользовались промахом охраны и устроили побег. Во время побега опять многие товарищи погибли, но Щербину, Морозiku и Шяштокасу удалось скрыться. Вполне возможно, что Морозик сумел достать документы на имя Чарона, скорее всего, так оно и случилось. Но Евладов уверяет, что сколько он после отбытия срока ни пытался выяснить, действительно ли Морозик рассказывал о себе правду, так ничего и не добился. Петроградский комитет РСДРП ответил, что среди членов партии Морозик не числился. Ничего не смог выяснить Евладов и об участии Морозика в вооруженных стачках здесь, в Москве.

— Все это еще не доказательства, — заговорил наконец Евсей. — В Москве охранке удавалось арестовывать членов подпольного комитета по десятку раз, и вполне возможно, что Морозика знал кто-нибудь из тех, которые погибли.

— Конечно, могло быть и так, — согласился Иван. — Теперь дальше. Шяштокас под фамилией Юшка попал на фронт. В конце прошлого года за агитацию среди солдат был арестован и, по данным Московского комитета партии, сейчас содержится в минской тюрьме.

Иван замолчал. Евсей хмуро спросил:

— Это все, что ты смог выяснить?

— Все. Я же в жандармском управлении, как ты, не работаю. Так что, давай дополняй меня.

— Жандармское управление, охранку недооценивать нельзя. Там есть головы, как говорится, дай бог нам с тобой. — Евсей сделал паузу, пощипал свои маленькие уси-

ки и продолжил: – Мне пришлось залезть в архивы с девятисотого года. Год за годом просмотрел списки всех известных охранке членов РСДРП. Много там фамилий, но Чарона не нашел. Теперь вижу, что эти списки мне надо будет просмотреть еще раз, может, и наткнусь на Морозика, кто знает. Затем я добыл финансовые отчеты о выплате жалованья и поощрений агентуре. Не все, конечно, – одну папку. И вот мне бросилось в глаза, что, начиная с девятисотого года, шеф московской охранки Заварзин платил агенту под кличкой «Сыроегин» с каждым годом все больше и больше. Затем вместо Заварзина появился Зубатов. Он тоже взял Сыроегина под свое покровительство. Уже в начале прошлого года Сыроегин стал получать каждый месяц по тысяче рублей, а к концу – по тысяче двести. Вот это жалованье!

– Ну и что здесь интересного? – не утерпел Иван.

– А то, – сухо пояснил Евсей, – что Сыроегин со второй половины шестнадцатого года находится в Минске. – Евсей опять пощипал усы. – Если добавить, что в начале прошлого года несколько месяцев деньги Сыроегину на руки не выдавались, а перечислялись на его счет в банке, то можно предположить, что в это время он выполнял какое-то задание в тюрьме. Это, в свою очередь, наводит на кое-какие мысли...

Евсей замолчал. Молчали и остальные. Каждый обдумывал услышанное. Наконец Алимов спросил у Евсея:

– А нельзя узнать настоящую фамилию Сыроегина или хотя бы номер счета в банке?

– Это почти невозможно, такие секреты охранка хранить умеет. Я, конечно, попытаюсь.

– Вот и хорошо! – обрадовался Алимов. – Нам хотя бы узнать банк, туда переводилось жалованье. В общем, предлагаю следующий план: Иван и Евсей продолжают выяснять все о Морозике в Москве, а я еду в Петроград. – Он взглянул на Катурина. – Ты мне поможешь разыскать там наших товарищей?

– Разумеется. Дадим тебе пароль, адрес, оденем соответственно. А поедешь с моей сестрой. – Катурин

увидел, как густо покраснел Алимов, и, словно боясь, что тот неправильно его поймет, пояснил: – Не удивляйся, Надя уже не раз выполняла поручения подпольного комитета в Петрограде и людей наших хорошо знает.

– Правильно, – поддержал Катурина Иван. – И нам будет за тебя спокойнее.

На том и порешили. Катурин предложил всем пообедать у него.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Без вызова в Минск из Ставки приехал подпоручик Жихарев. Михайлов, Мясников, Любимов и Ландер встретились с ним на конспиративной квартире.

Жихарев сидел верхом на стуле и, протягивая руки к открытой голландке, рассказывал:

– Трон шатается. Об этом не стесняясь говорят между собой многие офицеры и даже иностранные военные атташе. Третьего дня дворцовый комендант генерал-майор Воейков приказал мне помочь отнести в кабинет царя – тот аккурат был на прогулке – кипу документов и писем. В царском кабинете я был впервые. Шикарно там, ничего не скажешь. Папки, которые я нес, Воейков приказал положить на стол его Величества. На столе я увидел исписанный женским почерком лист бумаги. Это оказалось письмо от императрицы. Я сделал вид, будто тщательно раскладываю на столе папки, и прочел примерно половину. Императрица жаловалась супругу на беспорядки в стране и бурные манифестации в Петрограде. Писала, что на улицах возводятся баррикады, требовала, чтобы царь проявил твердость и показал бунтовщикам свой кулак.

– Ну и что император? – спросил Михайлов. – Я чувствую, вы сказали не все.

– Вчера он направил командующему Петроградским военным округом генералу Хабарову телеграм-

му и требовал прекратить манифестации любыми средствами. Насколько мне известно, Хабаров очень жесток и ни перед чем не остановится, прикажет стрелять, а это значит, что будут человеческие жертвы. Михайлов повернулся к Мясникову:

– Александр Федорович, об этом надо срочно сообщить в Петроград.

– Хорошо, я подготовлю письмо.

Жихарев между тем продолжал:

– И еще одна новость. Скажите спасибо полковнику Каштанову из контрразведки. Он, не зная, что я нахожусь в соседней комнате, показал генерал-адъютанту Иванову одну из ваших листовок, которые мы распространили в полках, и сказал: «Скоро мы прихлопнем эту богодельню!» Тут я наострил ухо. Оказывается, подпольную типографию, в которой вы сейчас печатаете эти листовки, охранка создала через своего агента в Минске специально для того, чтобы выявить руководителей подполья и других партийных активистов, а затем всех арестовать. Полковник Каштанов был доволен: «Большевики начали печатать листовки в этой типографии месяц назад. Приходить стали в эту типографию и сами руководители – значит, проглотили приманку. Мы знаем, что большевистский центр всего белорусского края и Западного фронта находится в Минске. В числе руководителей – Мясников, Любимов, Ландер. Особую опасность представляет появившийся в Минске в начале прошлого года большевик «Трифоныч». – Жихарев улыбнулся Михайлову: – Это он о вас, Михаил Александрович.

– И что же дальше?

– Я понял Каштанова так: они хотят в ближайшее время через своего агента, имеющего самое близкое отношение к типографии, вызвать туда вас всех по одиночке и там схватить.

– А как они нас вызовут? – поинтересовался Мясников.

– О, точно такой вопрос задал и генерал-адъютант. Каштанов пояснил, что кроме наборщиков и печатни-

ков в типографии всегда находится человек, который в случае нужды может по глубоко законспирированной цепочке вызвать в типографию любого руководителя. Ну, для срочного редактирования материала, уточнения текста и так далее. Так вот, агент охраны и должен будет вызывать через этого человека всех известных ему партийных руководителей и активистов.

– Кто агент?

– Господин полковник не догадался об этом сказать, а я, знаете, постеснялся спросить.

Михайлов поблагодарил Жихарева, который очень торопился, и вышел его проводить. Вернувшись, стал у окна, поскреб пальцем по наледи на стекле.

– Так что, значит, Чарон?

– Похоже, – задумчиво согласился Мясников. – Что делать будем?

– Давайте подумаем. Скорее всего, речь идет о Чароне. Если это так, то дело упрощается, но если у нас есть еще один шпик...

– Я думаю, что надо остановиться на Чароне, – сказал Ландер. – Вспомните, ведь это он нашел помещение, достал станок и даже шрифт.

– А каким был активным, – вставил Любимов. – Все доказывал, что лучше места для типографии и придумать нельзя.

– Не горячитесь, друзья, – прервал Любимова Михайлов, – давайте спокойно разберемся. Я считаю, что дела у нас не так уж плохи. Во-первых, даже если эту типографию, пусть и приманку для нас, создала охранка, то все равно она нам дала возможность печатать нужные нам документы и листовки. Во-вторых, мы теперь можем опередить жандармов, а это дает нам прекрасный шанс типографию врагу не отдать. Так что я предлагаю...

Они еще долго обсуждали план действий, рассчитывали варианты. Вдруг Михайлов взглянул на часы, хлопнул себя по лбу, схватил с вешалки пальто и шапку и, никому ничего не сказав, выскочил из дому.

Он чуть не забыл встретить Соню. До прихода поезда оставалось около получаса, и Михайлову пришлось остановить проезжавшего мимо извозчика.

— На станцию, браток, быстро!

Извозчик махнул кнутом:

— Не забудь, господин хороший: чтоб скоро катить, надо щедро платить.

Михайлов выбежал на перрон в тот момент, когда поезд уже сбавлял ход. На какое-то мгновение ему стало страшно: вдруг он не узнает Соню. Жадно вглядывался в проплывавшие мимо вагоны, пытаясь угадать, из какого выйдет она.

Вагоны наконец замерли. Михайлов лихорадочно вертел головой. Он, конечно, понимал, что разминуться они не могут, но не хотел, чтобы Соня ждала его и волновалась. Нетерпеливо зашагал вдоль вагонов к голове состава и почти сразу же увидел ее. Соня, в приталенном пальто и песцовой шапке, которая была ей очень к лицу, смотрела на него и широко улыбалась.

Обнялись, расцеловались.

— С приездом, родная!

— Здравствуй, Арсений! Я так боялась, что не встретишь. Эти твои вечные разъезды...

— Ну что ты!

Он подхватил стоявшие у ее ног большой чемодан и саквояж и поспешил к стоянке извозчиков. Помог Соне поудобнее усесться в широких санях-розвальнях, сам устроился рядом.

— Поехали! На Троицкую гору.

Извозчик громко щелкнул кнутом:

— А ну, крылатые! Застоялись, замерзли, теперь согреетесь!

А мороз действительно был трескучий. Он разрисовал своими мудреными узорами и деревья, и дома, и даже лошадей, которые лихо понеслись по Михайловской улице.

Михайлов вез Соню на новую квартиру. На последнем заседании комитета было решено, что, коль обнаружена слезка, нельзя оставаться в доме. Подобрали

квартиру, хозяйка которой, пожилая дворянка, сочувствовала революционерам.

— Как доехала?

— Нормально, если принять во внимание зиму и войну. Правда, устала немножко, но это ничего. Главное — я приехала к тебе, Арсений.

Не по себе стало Михайлову от мысли, что Соня даже не знает его настоящего имени.

«Как только приедем, сразу же все объясню. Она поймет меня».

Соня, наклонившись к его уху, тихо спросила:

— Куда мы едем?

— Туда, где будем жить.

Лошади быстро несли сани. Они проехали по Богодельной, пересекли Захарьевскую и вот-вот должны были свернуть на Немигу. Михайлов сказал:

— Еще немного — и мы дома.

Он коротко поведал, что за человек их хозяйка, заговорил об обстановке в Минске. Соня молча слушала и улыбалась какой-то затаенной улыбкой.

— Чему ты улыбаешься?

Она опять наклонилась к его уху:

— Я счастлива видеть тебя, Арсений, быть с тобой, милый!

От прикосновения теплых и нежных губ, от ее горячего дыхания у Михайлова закружилась голова, и он, не обращая внимания на иронические взгляды извозчика, привлек Соню к себе и поцеловал. Она не стала отклоняться, вся красная, смущенно потупила глаза.

— Стой, стой! — вдруг вскрикнул Михайлов и засмеялся: — Чуть не провез мимо дома.

Они сошли с саней и, немного вернувшись назад, оказались у небольшого дома с мансардой.

— Я постараюсь, чтобы тебе здесь было хорошо, — сказал Михайлов, надавливая локтем сизую от мороза щеколду. По тропке, проложенной в огромных сугробах, прошли к дому.

В большой, жарко натопленной комнате стоял празднично накрытый стол, и даже Михайлов опе-

шил, увидев кроме хозяйки – Екатерины Алексеевны Ландера, Мясникова, Любимова и Кнорина.

– Надо же! – воскликнул он. – Посмотри, Соня, все мои друзья нас встречают и даже шампанское, черти, разыскали. Ну, знакомьтесь.

Вскоре в квартире звучали тосты и веселый смех.

Гости ушли поздно.

Екатерина Алексеевна провела новых постояльцев в их комнату.

Михайлов подошел к Соне, обнял ее.

– Ну вот, наконец мы одни и я могу полностью открыться тебе. – Он усадил Соню в уютное старинное кресло и продолжал: – О том, что я революционер, большевик, ты знаешь, но, Сонечка, милая, мне иногда становится страшно от мысли, что подвергая твою жизнь опасности...

– Замолчи! – перебила его Соня. – Я люблю тебя и ничего не боюсь.

– А если мне снова придется уйти в подполье, скрываться?

– И я с тобой.

– А если меня схватят?

– И я с тобой! – опять с жаром перебила его Соня. – И вообще, Арсений, перестань меня пугать, я ничего не боюсь и хочу одного – быть рядом с тобой.

– Ладно, тогда слушай...

Михайлов сел на подлокотник кресла, положил руку Соне на плечо и негромко, словно прислушиваясь к своему голосу, заговорил. Впервые за долгие годы борьбы, полные опасностей и тревог, он сидел с любимой женщиной и рассказывал о себе. Последние его слова были:

– Ну вот, теперь ты знаешь обо мне все. Я должен был и хотел тебе это рассказать еще там, в Чите, но сама помнишь, как срочно мне пришлось уехать...

Он взглянул на Соню и, пораженный, умолк, ее глаза были полны слез.

– Родной мой, сколько же тебе довелось пережить! Если бы это рассказал другой, видит бог, я бы не пове-

рила. – И вдруг она улыбнулась сквозь слезы. – Скажи, а ты мог бы принести сюда шампанское – там, на столе, почти полная бутылка осталась?

Михаил бросился к двери. В большой комнате хозяйка заканчивала прибирать со стола.

– Екатерина Алексеевна, миленькая, дайте мне, пожалуйста, два бокала.

– Что, решили тайный тост произнести? – Хозяйка улыбнулась, достала из буфета бутылку и протянула ее Михайлову. – Погодите минуточку.

Загадочно улыбаясь, она вышла из комнаты, а когда вернулась, в руках у нее были хрустальные бокалы.

– Вот, возьмите. Чует мое сердце, что тост, который будет произнесен в вашей комнате, достоин того, чтобы пить шампанское из этих бокалов. – И, чуть смутившись, добавила: – В молодые годы из них пили только мы с мужем.

Когда Михайлов вернулся к себе и наполнил бокалы шампанским, Соня сказала:

– С этой минуты я буду называть тебя Мишей. За то, Мишенька, чтобы дело, которому ты посвятил себя, которому служит мой отец да в меру сил и я, победило!

– Спасибо, родная! – растроганно произнес Михайлов и добавил: – Выпьем за величайшую силу на земле, которая, я уверен, поможет нам в нашей борьбе, – за нашу любовь!

Они, стоя, выпили до дна...

ВЕСТИ

В тот воскресный день Михайлов и Софья Алексеевна были приглашены в гости к Любимову. За ними забежал Гарбуз. Прямо с порога он громко сказал:

– Одевайтесь потеплее, мороз трескучий, как в Сибири. – И, вскользь глянув на наряд у Михайлова, не удержался: – Софья Алексеевна, гляньте-ка на

этого щеголя. Не зря их у нас в Минске зовут земгусами.

Михайлов знал Гарбуза давно, не раз в далекой Манзурке вдвоем коротали зимние вечера. Гарбуз отличался веселым и добродушным нравом, любил шутки и простоту обращения. Он озорно подмигнул Соне:

— Софья Алексеевна, вношу предложение: мы с вами идем по одной стороне улицы, а этот франт — по другой, чтобы люди не подумали, что он — наш знакомый.

Обмениваясь шутками, они вышли на улицу. Февраль только начинался и по всем приметам обещал много морозных дней.

Гарбуз, держась чуть позади — узкий и не очищенный от снега тротуар не позволял всем троим идти рядом, — говорил:

— А я хорошо помню февраль прошлого года. Было очень тепло, почти все время стояла плюсовая температура.

— Зато лета, считай, не было, — обернулся к другу Михайлов. — Не зря люди говорят: морозы в феврале, тепло — в июне.

Когда примерно через полчаса они пришли к Любимову, все, кроме Мясникова, были уже в сборе. У них издавна велось, что любая встреча превращалась в короткое совещание. Сегодня тем более был повод: приехал Алимов. Пока женщины хозяйничали, мужчины собрались в соседней комнате.

— Александр Федорович задерживается — прибыл связной из Могилева, — сказал Кнорин. — Может, послушаем пока Алимова?

— Давайте. Но я что-то его не вижу, — покрутил головой Михайлов.

— Сейчас придет. Он в сарай за дровами вышел.

Не прошло и минуты, как Алимов, громыхнув на кухне дровами, уже здоровался с Михайловым и Гарбузом.

— Мясникова я видел утром, и он мне поручил проинформировать вас о результатах поездки.

Алимов доложил о том, что ему удалось выяснить в Москве и Петрограде.

— Как видите, — закончил он свой рассказ, — ни в Петрограде, ни в Москве никто из наших о Чароне слыхом не слыхал.

— Как ты попал в Петроград? — поинтересовался Гарбуз.

— Понадобилось по ходу дела. Московские товарищи дали мне связного, который и помог связаться с петроградскими большевиками. — При этих словах Алимов густо покраснел. Чтобы скрыть смущение, начал сбивчиво и поспешно говорить: — В Петрограде обстановка, как перед грозой. Войска приведены в полную готовность. Ежедневные манифестации. Перед самым моим отъездом солдаты и полицейские открыли огонь по манифестантам на Невском проспекте. Погибло много людей.

Затем Алимов рассказал о Морозике, который находился в тюрьме вместе со Щербиным, и некоем шпионке охраны под кличкой «Сыроегин», который около года назад выехал в Минск с особым заданием. Роман протянул Михайлову сложенный вчетверо небольшой лист бумаги.

— Это расписка Сыроегина в получении денег: товарищам удалось похитить ее из архива охраны. Думаю, расписка поможет нам кое в чем разобраться.

— Молодец, Роман, — потер руки Михайлов. — Почерк — это то, на чем можно поймать агента с поличным.

В дверь постучали, и в комнату вошла Соня.

— Мне приказано пригласить вас, дорогие мужчины, к столу...

Лишь к концу веселья появился Мясников. С первого взгляда можно было понять, что Александр Федорович сильно взволнован. Он сел за стол, но к еде не прикоснулся, сразу с необычным подъемом заговорил:

— Друзья, сегодня я могу сказать, что дни самодержавия сочтены. Ему не помогут ни штыки, ни драгуны. Но и для нас с вами наступил час решительных действий. Из Петрограда пришел приказ: активизировать деятельность всех большевистских организаций. Я только что расстался со связным из Могилева.

Вот последние известия: царь обеспокоен положением внутри страны гораздо больше, чем обстановкой на фронте. Вчера он приказал генерал-адъютанту Иванову возглавить войска, которым надлежит навести «железный» порядок в столице. Выделены самые надежные части. С Северного фронта сняты два полка пехоты, с Западного – две бригады, даже из своего конвоя его Величество не пожалели батальона георгиевских кавалеров. Кроме этого, Иванову придается тридцать стрелковых батальонов, шестнадцать кавалерийских эскадронов; в его подчинение также поступают гвардейские полки петроградского гарнизона. Царь даже пошел на крайнюю меру: подчинил Иванову Совет Министров.

Мясников замолчал и вопросительно посмотрел на Михайлова, взволнованно расхаживающего по комнате. Кто-кто, а он-то хорошо понимал, что значило это сообщение.

– Это агония, – сказал он наконец, – и наша задача – ускорить ее. Мы должны направить в каждый батальон, в каждую роту, следующие в Петроград, своих агитаторов. Надо разъяснить солдатам, против кого ведет их генерал Иудович, в кого их хотят заставить стрелять...

Мужчины уединились в соседней комнате и начали совещаться. Было принято решение, что в городе остаются только Михайлов, Мясников и Гарбуз. Остальные немедленно выезжают в войска.

Когда план действий на ближайшие дни был принят, Любимов заметил:

– Что будем делать с типографией? Она теперь нам нужна как никогда.

– Ты прав, Исидор Евстигнеевич, – согласился Михайлов, – отдать жандармам типографию, равно как и допустить, чтобы кто-то из наших товарищей в такой момент был арестован... мы не имеем права. Это я беру на себя. У нас есть неплохо подготовленные вооруженные группы, видимо, наступает их время действовать.

– Правильно, – согласился Мясников, – в борьбе с охранкой, полицией и жандармами они скажут свое слово.

ПЕРЕД СХВАТКОЙ

Страмбург даже на секунду не допускал мысли, что царь может быть свергнут. Что, спрашивается, происходит в стране? Да не что иное, как очередной бунт черни, не понимающей, чего она хочет. Опасения вызывали только большевики. В них Страмбург видел единственную реальную силу, угрожающую самодержавию: «В последнее время они зашевелились, но ведь и мы не сидим без дела». Иосиф Карлович был чрезвычайно доволен своей поездкой в Могилев и на фронт. Еще бы! Он добыл списки многих большевистских руководителей и активистов. Кроме того, ему удалось убедить руководителей большевистского центра Минска, что типография – его, Страмбурга, детище – работает только на них. Все это вызывало в душе бурный подъем. Он был уверен, что скоро с большевиками будет покончено. Местное полицейское начальство приняло предложенный им план, суть которого сводилась к тому, чтобы начать операцию в Минской и Могилевской губерниях одновременно. Только вот что значит этот неожиданный отъезд активистов из Минска? Выяснить, любой ценой выяснить! И одновременно собирать, собирать сведения о большевиках. В этом ему прямо и косвенно помогали эсеры, многие из которых были связаны с большевиками. Так что Иосиф Карлович мог быть доволен собой.

Но если бы в один из морозных февральских дней он заглянул на квартиру Михайлова, услышанное и увиденное там напугало бы его до смерти.

Заглянем вместо него мы.

У Михайлова собрались почти все партийные руководители, не уехавшие в войска. Было принято решение реорганизовать вооруженные группы в боевые

дружины рабочих и начать подготовку к предстоящим событиям. Михайлов повторил свою мысль, что после победы революции боевые дружины составят ядро рабоче-крестьянской милиции – вооруженного отряда пролетариата. Затем, взяв со стола несколько исписанных листов бумаги, он перешел ко второму вопросу.

– Как известно, царь двинул на революционный Петроград войска под командованием генерал-адъютанта Иванова. Мы своевременно узнали об этом и приняли меры. Войска в основном разagitированы. Под Гатчиной и Оршей они взбунтовались и отказываются подавлять восстание, которым охвачен уже весь Петроград. Позавчера на сторону восставших перешли гвардейцы Павловского и Преображенского полков. Взят Арсенал. Все ключевые позиции Петрограда – вокзалы, перекрестки, важнейшие улицы и даже мосты в руках восставших. Вот-вот мы получим возможность поддерживать связь с ЦК по телефону и телеграфу. – Михайлов сделал паузу, словно спустился на ступеньку ниже, и продолжал: – Я считаю, что в Минске и в других городах края обстановка складывается благоприятно. Несмотря на то, что среди части рабочих еще сильно влияние меньшевиков, эсеров и бундовцев, наши позиции крепнут день ото дня. Все больше становится заводов, фабрик, мастерских, где рабочие уже без оглядки идут за большевиками. Здесь присутствует товарищ Крылов. Он может подтвердить, что в железнодорожных мастерских каждый день происходят антивоенные и антиправительственные митинги. Вчера объявили забастовку рабочие завода «Энергия», сегодня – пивзавода, дрожжевого и фарфорового. Завтра в поддержку им выступят рабочие машиностроительного и кожевенного заводов, представители которых находятся здесь. Члены нашего комитета закреплены за каждым предприятием. Еще одно усилие, товарищи, и победа за нами!

Михайлов снова немного сбавил тон.

– Теперь о типографии. За ее безопасность отвечают Дмитриев и Солдунов. Что у вас, товарищи? Сил хватит?

– Хватит, – заверил Николай Дмитриев.

Совещание близилось к концу. Люди получали задания и уходили. Дольше других задержался Алимов.

– Ну что, Роман, чуешь приближение весны?

– Весны? Что вы, Михаил Александрович. Гляньте в окно.

– Нет, дорогой Роман свет Петрович, я имею в виду не календарную весну. Ну да ладно, слушай приказ. Ты головой отвечаешь за Чарона. Пора разобраться, кто он есть на самом деле. Завтра утром будет ответ касательно расписки, которую ты привез из Москвы. Нашли мы тут одного специалиста по почеркам. Дали ему расписку и страничку из записей, что делал Чарон во время нашей поездки в Могилев и на фронт. Если почерка совпадут, сам понимаешь...

– А что слышно о Щербине? Он бы тоже мог нам помочь.

– Что слышно? Сам знаешь, уже два месяца без суда и следствия в тюрьме сидит. Известий никаких, а ведь тоже схватили его не где-нибудь, а на улице. Значит – по наводке. А кто мог навести на Василия жандармов? Кумекаешь? То-то, дорогой товарищ! Значит, делаем так: ты контролируешь поведение Чарона. Если завтра увидишь, что он направляется к типографии, любым путем задержи. Придумай что угодно, но, повторяю: сделай все, чтобы он в типографию не приходил. Завтра Солдунов, Дмитриев и их люди незаметно вывезут в другое место все оборудование.

– Да, но ведь Чарон послезавтра работает в этой самой типографии. Его смена.

– Именно послезавтра туда должна нагрянуть полиция. На помощь Чарона она и рассчитывает. Мы хотим опередить их всего на одни сутки. Завтра же вместе с тобой навестим Чарона в домашней, так сказать, обстановке. Все ясно?

– Ясно, Михаил Александрович.

– Давай действуй...

КТО ВЫ, ЧАРОН?

В этот день события набегали одно на другое. Едва Михайлов получил не оставляющие сомнения результаты сравнения почерков агента охраны Сыроегина и Чарона, как пришел Дмитриев: его хлопцы блестяще справились с заданием и без всяких происшествий перевезли на новое место все типографское оборудование.

Михайлов раскачивался на стуле и от души смеялся, слушая рассказ Дмитриева.

— Привожу я, — говорил Дмитриев, — своих на автомобиле и двух санях к углу Магазиной, ну, где размещалась типография, а навстречу — Солдунов. Лицо злое, только глазами сверкает. Спрашиваю: «Ты чего это?» Он и говорит: «Два шпики наблюдают за помещением типографии — один за входом, другой с обратной стороны за окнами и запасным выходом. Как от них избавиться?» Подумали мы, подумали и придумали. В санях у нас аккуратно две четверти самогонки лежали — мы ее должны были в оружейную мастерскую отвезти, там один подпоручик-пьяница нам девять винтовок и два револьвера отремонтировал. Честно говоря, я у него парочку пулеметов выторговать собирался, авось пригодятся. Ну так вот, подобрали хороших хлопцев, они пошли, уломали этих шпииков, развели в разные подвалы и накачали. Потом обезоружили их для порядка, связали и уложили спать. Уже часа два, как мы оборудование вывезли, а шпики все спят...

— Ладно, остановись! — взмолился Михайлов, поднимаясь со стула. — Не доведи до греха. Скажи мне только одно: охрану выставил у нового помещения типографии?

— Конечно, Михаил Александрович. Как вы приказывали: и у типографии, и на подступах к ней, все честь по чести.

— Молодцом! А теперь пошли со мной, дело есть.

Михайлов взял с вешалки полушубок и начал одеваться, в это время в комнату заскочил Гарбуз. Он был так возбужден, что даже забыл поздороваться.

— Миша, последние известия! Царь, оказывается, вчера в ночь отправился в Петроград, но на станции Малая Вишера его поезд задержали, не пропустили в столицу. Тогда он решил повернуть на Псков. Там главнокомандующий Северным фронтом его «порадовал»: армия дружно переходит на сторону восставших, даже остатки войск генерала Иванова взбунтовались и повернули оружие против царя. Но это еще не все. Только что по телеграфу приняли сообщение: императору вручена телеграмма председателя Думы Родзянко. Ему предлагается отречься от престола и передать трон Алексею.

— Алексею?! — Михайлов был возмущен. — Что там Родзянко с ума спятил? Хочет спасти монархию? Неужели не ясно, что народу России не нужны ни Николай Второй, ни Алексей, ни сам бог на троне. Нам нужны свобода и власть рабочих и крестьян! — Михайлов перевел дыхание и дальше говорил уже спокойно. — Давай, Иосиф, связывайся срочно с Мясниковым и Любимовым — пусть возвращаются в Минск. Чует мое сердце, что здесь с часу на час жарко станет. Действуй, друг! Ну, а мы пока решим одну проблему местного значения.

Михайлов наконец надел полушубок, который так и держал на весу.

— Двигаем, Николай!

Они вышли из дому и направились в сторону Романовской, где жил Чарон. На углу их встретил Алимов. Шея его была укутана теплым вязаным шарфом. Михайлов спросил:

— Роман Петрович, как, если не секрет, ее зовут?

— Кого? — смутился Алимов.

— Ты не красней, — улыбнулся Михайлов, — я же прекрасно знаю, что у тебя такого красивого шарфа не было. Откуда бы ему взяться? Так что признавайся.

— Да ладно вам, Михаил Александрович...

— Ладно так ладно, — примирительно сказал Михайлов. — Как дела? Где твой подопечный?

— Сидит дома.

– Шпики не видно?

– Один приходил. Я его хорошо знаю: Лопатов, из охраны. Он с Чароном и раньше встречался. Позавчера на кладбище, вчера на Соборной площади. А сегодня вот прямо домой пожаловал.

– Ушел?

– Часа два тому.

– Подозрительных не замечал больше?

– Не видать. Мы тщательно проверили подъезд, и двор, и подходы.

– Сколько людей здесь?

– Со мной – четверо.

– Оставь троих у входа, а сам пойдешь с нами.

Михайлов, Дмитриев и Алимов вошли к Чарону. И опять, точь-в-точь как и в предыдущее посещение Михайловым этой квартиры, хозяин был в халате. Он засуетился, замельтешил, застрочил, как пулемет.

– Бог мой, кто ко мне пришел! Товарищ Михайлов, как я рад! Проходите, присаживайтесь, я здесь картошки сварю, чай организую.

– Не стоит, – сухо сказал Михайлов. – У вас бумага и ручка найдутся?

– Да-да, конечно.

Чарон метнулся к буфету, достал оттуда несколько листов бумаги, чернильницу с ручкой.

– Вот, пожалуйста.

– Садитесь и пишите, что я вам продиктую.

– Срочная депеша? – улыбнулся Чарон. Он сел, немного поерзал на стуле и приготовился писать.

– Пишите: «Я, Сыроегин, даю настоящую расписку с тем, что сего числа получил от Московского охранного отделения...»

С лица Чарона начала медленно сходить слащавая улыбка, вместо нее разлилась мертвенная бледность. Его руки мелко задрожали, и Чарон бросил ручку на стол.

– Это что, провокация?

– Нет, не провокация. Провокации скорее по вашей части, Сыроегин. Как видите, нам все известно. – Ми-

хайлов положил на стол расписку, привезенную Алимовым из Москвы. – Вот эту бумагу мы взяли специально для вас в Московском охранном отделении. Надеюсь, у вас хватит благоразумия трезво оценить ситуацию и не пытаться тянуть время?

Такого удара Чарон не ожидал. Растерянно он смотрел на расписку, а в голове вихрем проносилось: «Как они узнали? Кто меня выдал? Это конец! Они со мной нянчиться не станут, да и тюрем у них нет».

– Что молчите, Чарон? – Михайлов говорил спокойно, даже с иронией. – Я не думаю, что вы были так многословны, когда два часа назад встречались с Лопатовым.

Чарон был сражен окончательно: «Бог мой! Они и это знают! Все кончено! А может, признаться? Может, пожалеют?»

Словно в тумане он видел лицо Михайлова, голос его доносился как бы издалека:

– Только не пытайтесь врать и изворачиваться. Полагаю, вы не настолько глупы, чтобы не оценить ситуацию реально. Поэтому предлагаю правдиво и искренне отвечать на мои вопросы. – Михайлов сел напротив Чарона, пододвинул к себе чернильницу, ручку и бумагу. – Итак, вопрос первый: ваша настоящая фамилия?

– Страмбург, – неожиданно для себя выпалил Чарон. – Страмбург Иосиф Карлович.

– Цель вашего появления в Минске?

– Розыск государственного преступника Михаила Фрунзе.

– Для чего вас водворили в тюрьму в Москве?

– Охранке стало известно, что Щербин – минчанин. Я должен был сойтись с ним поближе, сдружиться, чтобы после побега вместе прибыть в Минск. – Он кисло улыбнулся. – Иначе бы вы мне не поверили.

– Арест Щербина в Минске ваша работа?

– Отчасти. Его арестовала полиция. Но скрывать не стану, я приложил руку. Боялся, что он догадается, кто я на самом деле.

— Где он сейчас?

— В тюрьме.

— Шяштокаса помните?

— Шяштокас? Это кто?

— Альгис Шяштокас, литовец. Он вместе с вами находился в московской тюрьме.

— А, этот... Как же, как же! Он единственный, кто мне не верил, и я его больше других остерегался.

— Знаете, где он сейчас?

— Нет, не знаю.

— На какой день вы намечаете арест руководителей подполья? — Михайлов сделал короткую паузу, обдумывая, говорить ли о типографии. Пожалуй, следует дать понять Чарону-Страмбургу, что о его делах известно все. Это поможет сломить волю шпика, заставит его говорить правду до конца. — Насколько мне известно, вы хотели это сделать путем вызова каждого из нас в типографию?

— Господи! — Чарон изумленно обвел глазами подпольщиков. — И это вы знаете?!

— Мы действительно многое знаем, — кивнул Михайлов. — Это позволяет мне сейчас задать только один вопрос: вы согласны сообщить нам всю правду — и о себе, и о других агентах, внедренных в ряды партии?

Страмбург тихо ответил:

— Я понимаю, что иного выхода у меня нет, и поэтому отвечаю однозначно: да.

— Тогда берите побольше бумаги и все подробно напишите.

Чарон взял стопку бумаги, поудобнее устроился за столом и начал писать.

КУПИТЕ ЦАРЯ

Ход событий неудержимо приближал все более и более очевидную развязку.

Император, поняв наконец, что сколько бы он ни мотался на поезде по стране, это ничего не даст, что

власть в руках ему уже не удержать, пошел на хитрость: направил на имя председателя Государственной думы Родзянко телеграмму о своем отречении от престола. Но даже в эти минуты он пытался спасти самодержавие: отрекался в пользу своего сына, а чуть позже послал новую телеграмму — он согласен передать престол брату Михаилу. Но ход событий ни царь, ни его приближенные уже не могли изменить. Главной политической силой в стране стала партия большевиков.

Несмотря на крайне сложную обстановку в городе, на различные слухи, на заявление командующего Западным фронтом о том, что он не допустит никаких беспорядков в Минске, Михайлов, Гарбуз и приехавший из Орши Любимов решают созвать в ночь на 1 марта совещание представителей большевистских организаций Минска, а также 3-й и 10-й армий. Это решение принималось на квартире Михайлова. Соня, чтобы не мешать мужчинам, вызвалась наблюдать за улицей. Михайлов, возбужденный, по-военному подтянутый, расхаживал по комнате:

— Жаль, что Мясников не успел приехать.

— Очень трудно добираться по железной дороге, — пояснил Гарбуз. — График совсем разладился.

— Да, многое сейчас разладилось, — задумчиво посмотрел на друга Михайлов, — настолько разладилось, что трудно предсказать, как повернутся события завтра. В городе тревожно, обстановка неясная. Поэтому, други мои, нам надо быть готовыми ко всему: и к арестам, и к провокациям. Нельзя даже исключать кровавых столкновений. Ясно только одно: мы не имеем права упускать момент и обязаны сражаться за победу революции всеми средствами. — Он обратился к Любимову. — Исидор, будь любезен, направь ко мне сюда Алимova, Дмитриева и Солдунова.

— Ты что, хочешь их привлечь к подготовке совещания?

— Нет, дорогой. — Сосредоточенное и строгое лицо Михайлова озарилось улыбкой. — Я им поручу вплот-

ную заняться вопросом создания милиции. Ты же сам не раз говорил, что революции нужен надежный отряд, который обеспечит охрану порядка и, если потребуется, сможет встать на защиту завоеваний трудящихся. Я уверен, что одним из первых шагов Совета рабочих депутатов будет создание милиции.

– Ой, гляди, Михаил, – весело заметил Гарбуз, – возьмут и назначат тебя начальником.

– Я – солдат партии. Куда прикажет, туда и пойду. Но если бы меня назначили начальником народной милиции, то я бы... – Михайлов лукаво улыбнулся. – Я бы попросил бы назначить ко мне заместителем тебя, товарищ Гарбуз.

Гарбуз рассмеялся.

– Ну, если к тебе заместителем, то я согласен!

Знали бы они оба, что через несколько дней Михайлов будет назначен начальником Минской милиции, а его заместителем – Гарбуз.

Любимов и Гарбуз ушли, Михайлов прикинул: приглашенные им товарищи придут не раньше чем через два часа. «А не прогуляться ли нам с Соней по городу? Интересно, как люди реагируют на отречение царя?»

Он быстро надел шинель, шапку и сбежал по лестнице.

Во дворе столкнулся с Соней:

– Пойдем прогуляемся.

– С удовольствием!

Они не узнавали города. Всюду суматоха, смеющиеся люди, веселые крики. Шли по Немиге. Вдруг откуда-то из глубины дворов слышались звуки «Марсельезы».

– Слышишь, милая, наша музыка!

– Да, дорогой. Вот и твой день наступил. – Счастливо улыбаясь, она прижалась щекой к его руке.

– Наш день! – поправил Михайлов. Он хотел еще что-то сказать, но вдруг рассмеялся: – Ой, Сонечка, смотри!

Через дорогу прямо на них шел старик. По одежке – мещанин. Он, стыдливо озираясь, нес перевернутый

вниз головой портрет царя. Михайлов громко спросил:

– Продаете портрет его Величества?

Старик остановился и удивленно поднял брови:

– Вы что, барин, купить хотите?

– Сколько просите?

Но тут послышался звонкий мальчишеский голос:

– Не покупайте у него, господин офицер, он этот портрет сам в магазине спер. Вот те крест! – мальчишка лихо перекрестился. – Я сам видел. Царь в витрине стоял, и его выбросили во двор, так этот дядька через калитку зашел, цапнул царя-то – и тикать. – Он заодно помахал пальцем перед носом смутившегося старика. – Нехорошо, дед, воровать. Чему нас, детей, учишь?

Соня и Михайлов весело переглянулись.

– Вот видите, уважаемый, – обратился Михайлов к старику, – выходит, что вы нам ворованную вещь, причем негодную, бросовую, хотели продать.

– Ай-ай, как нехорошо, – еле сдерживая смех, подержала мужа Соня.

– Вас же в полицию сдать надо, – сделал серьезное лицо Михайлов и обратился к мальчишке: – Слушай, хлопец, мы его покараулим, а ты зови городского.

Старик так растерялся, что молча смотрел то на взрослых, то на мальчишку: никак не мог понять, шутят эти люди или говорят серьезно. Неожиданно он швырнул портрет на землю:

– Да ну его, царя этого, проживу и без него! – и чуть ли не бегом подался подальше от греха.

Михайлов легонько тронул Соню за локоть:

– Пошли!

Некоторое время они молчали, а когда в десятке метров от них с грохотом разлетелся на мелкие куски императорский герб, сброшенный группой рабочих с фронтона трехэтажного дома, Михайлов, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

– Нет, дорогая, отречение царя от престола еще не значит, что массы, народы России получили реальную власть. У нас впереди тяжелая и изнурительная борьба.

В этот момент до их слуха донесся звон колокола. Михайлов поднял указательный палец:

— Слышишь? Это звонят те, кто веками угнетал народ. А раз их звон праздничный, значит, говорить о нашей победе еще рано.

Они свернули на Богодельную улицу, затем по Преображенской вышли на Соборную площадь и остановились недалеко от Иезуитского костела. Перед ними насколько хватало глаз раскинулся Минск. Над двух- и трехэтажными зданиями на фоне голубого весеннего неба четко рисовались башни Святодуховского монастыря. Площадь, обрамленная строгими зданиями монастырского комплекса, ратуши, каменными домами богатых горожан, казалась огромной и величественной.

— Красота-то какая! — Соня завороченно смотрела на открывшуюся перед ними картину. — Знаешь, Миша, весна в этом городе чувствуется совсем не так, как в Чите, по-иному.

— Нет, Сонечка, дело не только в этом. Мы с тобой встречаем особую весну, весну новой жизни, приход новых отношений между людьми.

Соня опять прижалась щекой к его плечу:

— Мишенька, я так рада за тебя, за то, что ты идешь по жизни верной дорогой.

— Ну что ты, родная, не один я. Нас много... — Взгляд Михайлова стал нежным и теплым. — И ты ведь со мной — верный друг и товарищ, любимая моя!

Соня взяла его под руку:

— Нам пора. У тебя сегодня еще много дел.

Они направились через площадь к Монастырской улице и по ней к Нижнему рынку. Михайлов неожиданно сказал:

— Настанет день, и на этой площади, прямо в центре, мы обязательно поставим памятник солдату-революционеру.

Перешли мост через Свислочь и по Коммунальной стали подниматься к Троицкой горе. Соня спохватилась:

— Мы долго гуляем, как бы гости нас не заждались.

— Успеет, милая. Знаешь, я от нашей прогулки получил такой заряд бодрости, что хватит надолго.

Дома их ожидали Солдунов, Алимов, Дмитриев и невысокий солдат с рыжей бородкой. Солдунов весело спросил:

— Не узнаете служивого, Михаил Александрович?

Присмотревшись, Михайлов подумал, что он действительно где-то видел солдата. Поздоровался за руку и на всякий случай назвал себя. Солдат улыбнулся:

— Стоило чуть бороду отпустить, и тебя уж не узнают. Я же Крылов... Алексей Крылов.

— Вот теперь узнал, — ответил Михайлов. — Ну, здравствуй, Алексей Антонович, здравствуй!

— Меня к вам полковой комитет направил. Даже домой не успел заскочить — прямо сюда.

— Вот и прекрасно. — Михайлов оглянулся на жену. — Соня, ты покорми гостя, а я за это время с товарищами переговорю. Так что иди подкрепись, Алексей, и отдыхай пока. Потом вместе пойдем на совещание.

Соня и Крылов вышли. Михайлов, проводив их взглядом, сразу же приступил к делу:

— Вам, товарищи, особое задание: за сегодняшнюю ночь и завтрашний день подготовить планы разоружения полиции. Эту операцию мы поручаем вам и вашим боевым дружинам, а точнее — отрядам. Связь будете поддерживать с Гарбузом. Подумайте, кто конкретно будет отвечать за каждый полицейский участок. Надо за одну ночь разоружить полицию, жандармерию и охранку. Всю мелочь разогнать, рыбу покрупнее — арестовать.

— А если та мелкая шавка на допросах пытала большевиков?

— Арестовать! — твердо сказал Михайлов, пожимая товарищам руки.

Теперь можно поговорить с Крыловым. Михайлов направился в зал и замер на пороге: Соня с хозяйкой прибирали со стола, а Крылов, откинувшись на спинку стоящего в углу дивана, спал.

– Пусть подремлет, – подошла к мужу Соня. – Только поел и тут же уснул. Замаялся, бедняга. Михайлов взглянул на часы:

– Нет, дорогая, как ни жаль, будить его придется. – Он тронул Крылова за плечо: – Алексей, дружок, проснись.

Тот приоткрыл глаза:

– А? Что? – И тут же, смущенно улыбаясь, сел на диване. – Извините, Михаил Александрович...

– Ничего-ничего, я понимаю. Однако нас ждут дела, так что собирайся, и пошли.

Михайлов и Крылов вышли на улицу. Погода испортилась: плотные серые тучи затянули небо. Но настроение у обоих было весенним.

ПРИКАЗ № 1

Март принес в прифронтовой Минск не только весну и бурное таяние снегов – по улицам гуляли ветры перемен. В ночь с первого на второе марта состоялось срочное совещание большевиков. На нем было принято решение создать в ближайшие дни Советы рабочих и солдатских депутатов.

Михайлов в течение дня второго марта посетил добрый десяток заводов и фабрик. Назавтра делегаты, представляющие рабочих и служащих, мобилизованных из центральных губерний России, избрали Совет предприятий комитета Земсоюза Западного фронта. Председателем исполкома, этого первого в Минске Совета, стал Михайлов.

Возбужденный и радостный, он шел поделиться новостями с возвратившимся из поездки по воинским частям Мясниковым.

– Миша!

Михайлов обернулся и увидел жену. Соня была встревожена. Она догнала его и тихо сказала:

– Ландер просил передать: полтора часа назад в город приехали представители Временного правитель-

ства Гучков и Щепкин. Карл Иванович очень обеспокоен их приездом.

– Этого надо было ждать! – Михайлов взял Соню под руку. – Идем к Мясникову...

Александр Федорович был дома. Обменявшись с Михайловым рукопожатием, он усадил гостей на диван и сразу же заговорил:

– Ну, Миша, и заваруха началась! Все бурлит, настоящий вулкан. Только что у меня были Любимов и Кнорин. Я поручил им не медля собрать инициативную группу. Надо прикинуть план дальнейших действий. Кстати, сегодня солдаты арестовали командующего войсками округа генерала Рауша. Каково?

– А ты знаешь о приезде в Минск гонцов Временного правительства Гучкова и Щепкина?

– Нет, – нахмурился Мясников. – Слетается воронье.

– Да, к власти сейчас отовсюду потянутся жадные руки эсеров и меньшевиков. Надо сделать все, чтобы не дать им убаюкать народ сладкими речами о свободе.

Часа через два все, кого Любимову и Кнорину удалось повидать, были в сборе. Соня вызвалась проверить, не привел ли кто-нибудь из них «хвоста», и посторожить на улице. Михайлов благодарно кивнул ей и попросил пришедших сказать, что им известно о событиях в городе. Доклады были короткими.

– Сегодня состоялось заседание Минской думы, – встал с листком бумаги Алимов. – Городской голова Хржонстовский сделал доклад на тему... – Алимов взглянул в листок: – «О положении переживаемого момента». Дума выразила соболезнование свергнутому царю. Хржонстовскому разрешено использовать любые средства для подавления революции в городе. Недавно закончилось экстренное совещание руководителей Земской управы, Городской думы и представителей от меньшевиков, эсеров и белорусских националистов. На этом совещании избран Временный комитет гражданских представителей. Гражданским комендантом города Минска назначен председатель Губернской земской управы Самойленко.

– Самойленко?! – воскликнул Антон Михайлович Крылов. – Я же помню, как этот господин в октябре четырнадцатого – он был тогда председателем Губернской земской управы – преподнес Николаю Второму хлеб-соль и заверял его, что минское земство счастливо жертвовать всем во славу царя и отечества. Ох, знаю я этого Самойленко – смесь хрена с редькой.

Все засмеялись.

– Нет, товарищи, – поднял руку Михайлов, – здесь не до смеха. Чуете, куда гнут эсеры и меньшевики? Они создают организационно-правовую основу своей власти. Посему предлагаю следующее. Первое. Постараться все наши организационные мероприятия провести настолько оперативно и гибко, чтобы представители буржуазных партий, а также гонцы Временного правительства не успели опомниться. – Тут Михайлов позволил себе улыбнуться. – По возможности даже заставить их поработать на нас. Второе. Вызвать в Минск нужное количество солдат-большевиков. Третье. Создать из числа солдат, рабочих и преданных им представителей молодежи милицию и не мешкая приступить к разоружению полиции и жандармерии. Кстати, кое-что в этом направлении нами уже предпринято. Наконец, завтра на общем собрании большевиков Минска избрать депутатов в Минский Совет. Необходимо в самые ближайшие дни по всему Западному фронту, всему белорусскому краю, во всех городах и селах избрать солдатские и крестьянские Советы. И последнее: завтра на собрании большевиков следует избрать Минский комитет партии большевиков. Я считаю, что председателем комитета должен стать Александр Федорович Мясников. – И, увидев растерянный взгляд Мясникова, добавил: – Не смотри, пожалуйста, так. Мы тебе доверяем и уверены, что ты справишься. Завтра постараемся убедить других членов партии.

Все предложения Михайлова были приняты. В доме кроме Мясникова остались только Михайлов и Алимов. Михайлов сел рядом с Алимовым на потерянный кожаный диван и спросил:

– Откуда тебе известно о заседании Городской думы?

– У меня там есть свой человек.

– Я так и подумал, – кивнул Михайлов. – Надежный?

– Вполне.

– Держи его там. Нам сейчас очень важно знать о всех их замыслах. Как идет подготовка к разоружению полиции?

– Нормально, – ответил Алимов. – Изучили подходы, составили схемы помещений полицейских участков, тщательно подбирали людей в наши отряды. Уверен, что с заданием справимся. Командиров отрядов собираем сегодня в полночь для инструктажа.

– Да, я знаю. А как товарищи вооружены?

– Винтовки и револьверы. Я думаю, что другого оружия и не понадобится: все будет происходить в помещениях.

– Я просил выделить вам автомобили...

– И с этим порядок. Я сегодня встретился с шоферами трех грузовиков. Все трое – большевики.

При этих словах в комнату вошел запыхавшийся Гарбуз.

– Соня сказала, что вы еще здесь. Извините, товарищи, задержался по важной причине, – Гарбуз посмотрел на Алимова. – Хорошо, что ты, Роман, познакомил меня с этим товарищем из Городской думы. Я только собрался сюда, как прибегает он и приносит копию приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева. Вот послушайте. – Он достал лист бумаги и начал читать: – «Из Великих Лук на Полоцк едет депутация из 50 человек и обезоруживает жандармов... При появлении где-нибудь подобных самозванных делегаций таковые желательны не рассеивать, а стараться захватить и по возможности тут же назначить полевой суд, приговор которого приводить в исполнение».

Гарбуз оторвал глаза от бумаги:

– Что скажете?

– Только одно: что завтра Михаил и ты, Иосиф, официально будете назначены руководителями Минской милиции, – ответил Мясников. – Что еще?

– Позавчера у губернского тюремного инспектора Гесселя проходило совещание с участием полицмейстера...

– погоди, погоди, Иосиф, – прервал его Михайлов. – А откуда тебе это известно?

– Все тот же товарищ...

Михайлов повернулся к Алимову:

– Роман, что это за такая всезнающая личность? Уж не с провокатором ли ты имеешь дело?

– Да нет, что вы, Михаил Александрович, это наш человек, большевик. Он в партию в девятьсот четвертом еще в Москве вступил. Был на фронте, а когда его ранило, попал в Минск. Был признан увечным воином и уже год работает у нас в городе. Несколько дней назад был назначен в Думу. Пользуется там доверием. И, между прочим, все время поддерживал связь с московскими товарищами. Когда я был в Москве, мне Надя Катурина дала его адрес.

Назвав имя девушки, Роман вдруг смутился. Михайлов вспомнил, что он вот так же покраснел, когда рассказывал о своей поездке из Москвы в Петроград. Спросил, пряча улыбку:

– Эта самая Надя и была твоей попутчицей при поездке в Петроград?

– Да, она, – отвечал Алимов. – Но это не важно. Главное, что она дала адрес очень нужного нам человека – Вячеслава Дмитриевича Онищука.

– Ясно, – сказал Мясников и обратился к Гарбузу. – Дальше, Иосиф.

– Так вот, позавчера на совещании у Гесселя присутствовали полицмейстер, уездный исправник, начальник конвойной команды и начальник губернской тюрьмы. Решался вопрос, как не допустить освобождения политических заключенных. Учредили дополнительный полицейский пост на углу Преображенской и Серпуховской, это рядом с тюрьмой, а также усили-

ли резерв надзирателей в тюрьме. Приняты и еще кое-какие дополнительные меры.

– Ишь ты, – хмуро улыбнулся Михайлов, – для этих господ-товарищей враги царя – их враги. Они готовы сражаться за то, чтобы политические не увидели свободы. Нет, не выйдет! В самое ближайшее время наши товарищи будут на свободе! – Михайлов взволнованно ходил по комнате. Потом остановился возле Гарбуза и Алимова.

– Отнятое у полицейских оружие будем доставлять в помещение Земского союза на Петропавловской. Кстати, там ведь назначено совещание с командирами отрядов?

– Там, – кивнул Алимов.

– Хорошо. Я провожу Соню и к полночи буду там...

Дома Михайлова ждал сюрприз. Когда они в прихожей сняли пальто, Соня, улыбаясь, сказала:

– Миша, закрой глаза и иди за мной. – Взяла его за руку и повела в комнату. Зажгла свет. – Теперь смотри.

Михайлов открыл глаза и ахнул: на столе стояла новенькая пишущая машинка. Соня картинно села на стул и положила на клавиши руки:

– Диктуйте, товарищ начальник!

Еще в Чите Соня подрабатывала печатанием на машинке, и Михайлов это знал. Подыгрывая ей, он подошел к столу, сделал серьезное лицо, сказал:

– Пишите. Приказ номер один...

Соня быстро застучала по клавишам. Михайлов четким голосом продиктовал:

– Приказ номер один. Начальника Минской городской милиции о вступлении в должность. Сего числа, во исполнение приказа гражданского коменданта города Минска, я принял начальство над милицией в городе Минске.

Соня, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, спросила:

– Какую дату прикажете поставить, товарищ начальник милиции?

– Четвертого марта тысяча девятьсот семнадцатого года, – торжественно проговорил Михайлов. Осторожно вынув отпечатанный лист, он обнял жену за плечи. – Запомни этот момент, родная. Завтра день рождения Минской милиции.

– Завтра?

– Да, родная, да! Это будет милиция из революционных солдат, передовых рабочих, крестьян. Она станет вооруженной силой народа в борьбе против контрреволюции, против всякой нечисти, всегда всплывающей на поверхность во время больших социальных потрясений. – Он увидел, что Софья Алексеевна хочет подняться из-за машинки, и взмолился: – Сонечка, милая, поработай еще немножко. Коль у нас появилась возможность печатать, давай подготовим проект обращения начальника Минской милиции к населению города Минска.

Соня заправила новый лист, и Михайлов начал диктовать:

– Старый строй пал. Прежняя власть, опиравшаяся на произвол и насилие, исчезает по всей стране, и на ее месте возникает новая, сильная народным единством и доверием власть. Городская милиция уже разогнала полицейских и стражников, заняла городское полицейское управление и полицейские участки. Жандармское управление упразднено. Идет дружная работа по организации общественных сил...

Михайлов диктовал так спокойно и уверенно, что казалось – подобных документов он уже готовил немало. Соню, надо сказать, удивляло и другое, и она, оторвавшись от работы, спросила:

– Мишенька, а ты уверен, что так все и будет?

– Да, милая, поверь мне: так и будет!

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

В ту ночь Михайлов так и не сомкнул глаз. После инструктажа командиров отрядов, которые должны захватить помещения полицейского управления и участков, он занялся размещением солдат-большевиков, прибывших из фронтовых частей на подмогу рабочим и минскому гарнизону. Для большинства нашлось место в здании Земсоюза, а остальных пришлось устраивать на бывших конспиративных квартирах. «Бывших», потому что действия большевиков все более приобретали легальный характер.

Утро Михайлов, Мясников и другие товарищи целиком отдали подготовке партийного собрания большевиков города Минска, 3-й и 10-й армий Западного фронта. С докладом «О текущем моменте и задачах пролетариата» выступил Михайлов. Решением собрания был образован Временный исполком Минского Совета рабочих депутатов, а также было принято решение о выпуске газеты «Известия Минского Совета». Собрание рекомендовало Михайлова на должность заместителя председателя исполкома, редактора газеты и начальника милиции. Оно же предложило всем членам партии немедленно развернуть на предприятиях и в воинских частях работу по выборам делегатов в Советы рабочих и солдатских депутатов.

Соня с трудом заставила мужа перекусить. Они устроились в небольшом кабинете. Стульев не было, их все вынесли в зал, где проходило собрание, и Михайлов ел стоя.

– Ничего, ничего, Сонечка, – успокаивал он жену. – Сейчас каждая минута дорога. Главное – успеть! – Он быстро доел бутерброд, вытер носовым платком губы, потрогал усы, словно хотел проверить, на месте ли они, и весело посмотрел на Соню:

– Ну спасибо, жена, не дала умереть голодной смертью. А теперь выбирай: или иди домой, или – со мной на собрание рабочих и служащих Земсоюза. А потом, я думаю, на демонстрацию?

– С тобой! – не колеблясь, ответила Соня и шутили погрозила Михайлову пальцем: – Ты меня, миленький, не отстраняй от революции. Я тебе не кто-нибудь, а большевичка, дочь большевика. И я хочу внести свою лепту, пусть маленькую, в дело революции.

– Не возражаю, – подхватил Михайлов жену под руку. – Пошли!

Рабочие и служащие предприятий Земсоюза поддерживали все решения собрания большевиков и дружно откликнулись на предложение Михайлова выйти на демонстрацию.

Такого древний Минск не видел еще никогда. Самая большая улица города, Захарьевская, была битком забита колоннами рабочих и служащих с красными флагами в руках. Демонстрация в течение двух часов переросла в общегородскую. Прекратили работу все предприятия, мастерские, учреждения. Радостный дух свободы и революции царил в городе. Песни, знамена, лозунги... Настоящий праздник весны и человеческого счастья. Редкие городские, издали увидев движущуюся массу демонстрантов, трусливо прятались в подворотни, спешили укрыться в переулках. Одного нерасторопного полицейского тут же разоружили. Этот мимолетный эпизод вывел Михайлова из возбужденно-праздничного состояния. Он наклонился к идущему рядом Мясникову.

– Саша, ты остаешься с демонстрантами, а я – к Самойленко.

Махнул Гарбузу, Алимову и Алексею Крылову: «Замной», потащил Соню за руку к тротуару. Подошедшим товарищам объяснил:

– Ну какая мы, скажите, милиция, если у нас даже нет мандата? – И решительно скомандовал: – Пошли!

Через несколько минут они подходили к зданию, у подъезда которого стоял солдат с винтовкой. Над головой у солдата косо висела наспех изготовленная вывеска: «Гражданский комендант города Минска». Михайлов поправил на голове фуражку и повторил:

– Пошли!

Часовой порывался что-то сказать, но его явно смущал вид Михайлова – офицер, хоть и без погон, чего доброго, еще морду набьет. Все же вытянулся в стойке «смирно» и пролепетал:

– Ваши документы, господа-товарищи!

– Я – начальник Минской милиции, а эти люди со мной!

Солдат промолчал. Поднялись на второй этаж и оказались у обитой кожей двери. Михайлов потянул ее на себя – открыта. Они оказались в просторной комнате. На письменном столе стояла пишущая машинка. Во второй комнате, поменьше, за огромным письменным столом сидел пожилой, с усталым видом человек. Михайлов громко сказал:

– Здравствуйте, господин Самойленко. Моя фамилия Михайлов. По решению Совета рабочих депутатов я назначен начальником городской милиции. Прошу вас как гражданского коменданта выдать мне соответствующий мандат.

Самойленко сделал вид, что не узнает Михайлова.

– Простите, но вы во внеурочное время... И потом, мы даже не обсуждали этого вопроса... – Он был явно растерян и лихорадочно искал выход. – Мы даже не знаем, кого вооружать...

Михайлов энергично махнул рукой:

– Не волнуйтесь, господин Самойленко. Я уже стою во главе вооруженных отрядов рабочих и солдат, так что сумею определить, кому передать оружие, изъятое у полиции. Мы пришли к вам только потому, что нам вместе предстоит работать, и хотелось бы, чтобы гражданский комендант понимал ситуацию правильно. Если вы не хотите выдать мне мандат за своей подписью, я получу его от революционного народа.

– Нет-нет, – поспешно возразил Самойленко, – я все понимаю. – И вдруг он ухватился за спасительную, как ему показалось, мысль. – Только мандат я вам выдам завтра. Сегодня нет даже машинистки...

Михайлов выбил козырь у него из рук:

– Не беспокойтесь, машинистку мы привели с собой. – Он показал рукой на Соню. – Ручаюсь, самая лучшая во всей губернии машинистка. Извольте диктовать, господин комендант.

Самойленко, вконец подавленный, растерянно кивнул и, взяв со стола какую-то толстую тетрадь, молча направился в приемную. Михайлов легонько подтолкнул Соню:

– Действуй!

Соня решительно пошла вслед за Самойленко, хозяйски расположилась за столом, четким движением заправила в машинку чистый лист:

– Я готова, господин комендант.

– Пишите. – Самойленко заглянул в свою тетрадь: – Приказ гражданского коменданта города Минска номер двадцать пять. – Пока Соня печатала этот текст, он положил тетрадь на край стола и сделал в ней какую-то запись. – Итак: о назначении... – опять сделал паузу, очевидно, раздумывая, как назвать Михайлова – господином или товарищем, и, найдя компромиссное решение, продолжил: – Михайлова начальником милиции. Написали?

– Да.

– Проставьте дату – 4 марта тысяча девятьсот семнадцатого года.

– Готово.

– Далее: служащий Всероссийского земского союза... – Самойленко посмотрел на Михайлова. – Простите, ваше имя-отчество?

– Михаил Александрович, – подсказал Михайлов, а сам подумал: «Ишь, черт, притворяется, а ведь отлично знает, совсем недавно величал меня по всей форме».

– ...Михаил Александрович Михайлов назначен мною с сего числа временным начальником милиции Всероссийского земского союза по охране порядка в городе. Прошу всех городских чинов полиции выдать Михайлову по описи имеющееся в их распоряжении оружие. – Самойленко выждал, пока Соня допи-

шет текст. – Подпись: гражданский комендант города Минска Б. Самойленко.

Соня отбила последние слова, достала лист и положила его перед Самойленко. Тот придирчиво прочитал текст и удивленно поднял брови:

– Вы в самом деле профессионально печатаете. – Обмакнул перо в чернильницу, стоящую на столе, и размашисто расписался.

Он уже несколько успокоился, даже, чувствуя, что переживает ответственный момент, приободрился и уже более уверенно сказал:

– А теперь возьмите, пожалуйста, вот в этом крайнем ящичке чистый бланк. Будем печатать мандат.

Продиктовав текст, Самойленко скрепил свою подпись печатью и протянул документ Михайлову:

– Ну вот, теперь вы законный начальник милиции. Поздравляю.

Через несколько минут Михайлов, держа в руке только что изготовленное удостоверение в виде небольшого листка, остановился подле часового.

– Грамотный?

– Никак нет, ваше благородие.

– Э, брось, браток, не «благородие», а «товарищ». Слушай, что здесь написано: «Удостоверение. Предъявитель сего – временный начальник Минской городской гражданской милиции Михайлов Михаил Александрович, что подписано и приложением печати удостоверяется». Ясно, товарищ?

– Так точно, ваше... товарищ начальник милиции.

– Молодец.

– Рад стараться!

– Ты только, браток, не на этих господ, – Михайлов показал головой вверх, – а на революцию старайся.

– Так точно, буду стараться.

ВАШЕ ОРУЖИЕ, ГОСПОДИН ЖАНДАРМ!

Операция по разоружению полиции началась ночью. Михайлов изготавил с Сониной помощью и выдал командирам отрядов специальные мандаты, подтверждающие их правомочия. Сам он во главе небольшого отряда захватил городское управление полиции. Поручив Гарбузу выставить вокруг и внутри здания часовых, он возвратился в Земсоюз, где был штаб по проведению всей операции.

Алексей Крылов доложил:

— Три участка уже разоружены. Оружие складываем в указанных местах.

— Надо сразу вручить его милиционерам. Прибывает, кстати, пополнение?

— Пока прибыло только четырнадцать человек. Вооружили мы шестерых, пятеро требуют тщательной проверки, а троих надо обучать владеть оружием. Студенты, ни разу в жизни в руках ни револьвера, ни винтовки не держали.

Михайлов присел у краешка стола и написал записку Любимову, — тот командовал резервом, состоявшим из солдат, которые прибыли в распоряжение комитета большевиков из фронтовых частей и войск минского гарнизона. Михаил Александрович просил Любимова выделить ему тридцать солдат. Отправив записку посыльным, поднялся на второй этаж в отведенный ему кабинет и стал набрасывать тезисы к завтрашнему выступлению перед рабочими. Главная мысль записалась так: «Верные слуги старого строя, приставшие к нам в момент победы революции, будут делать попытки вернуть выгодный для них старый порядок. Рабочему классу нужно самому следить за ними, быть наготове... Для этого трудовые слои Минска должны организоваться и выделить из своей среды товарищей на почетную работу в народную милицию...»

В дверь постучали.

— Да-да, входите!

На пороге показался дежурный и пропустил в кабинет кутающуюся в большой шерстяной платок девушку. Михайлов пригляделся и радостно воскликнул:

— Надюша! Какими судьбами?

Да, это была сестра Павла Катурина. Павел познакомил с нею Михайлова несколько лет назад.

Михайлов, отпустив дежурного, помог Наде снять шубу и пригласил ее поближе к жарко натопленной изразцовой печи. Надя, грея руки, начала рассказывать:

— Я к вам прямо из Петрограда. ЦК очень обеспокоен тем, что меньшевики и эсеры, вступив между собой в сговор, сразу же после свержения царя взяли курс на расправу с большевиками. Поэтому очень важно, чтобы созданная уже во многих городах милиция имела в своих рядах как можно больше большевиков. Это первое. Теперь второе: рассказывал ли Алимов, что в Городской думе работает один московский большевик?

— Да, конечно. Его фамилия Онищук?

— Совершенно верно, Вячеслав Дмитриевич Онищук. Он старый друг Павла. Так вот, в ближайшие дни в Минск поступит сообщение о назначении Самойленко губернским комиссаром Временного правительства. Онищuku обязательно нужно попасть на работу к Самойленко. Сделать это ему, как фронтовику, будет не очень сложно. И все же вам предложено позаботиться, чтобы его авторитет как военного специалиста в глазах Самойленко еще более возрос.

— Хорошо, постараемся. Как Павел?

— Нормально. Правда, я его уже почти две недели не видела. В Петрограде было много дел, а затем сюда направили. Хорошо, что документы надежные — быстро добралась.

— Как меня нашла?

— Я же знала, что ты в Земсоюзе. Спросила на вокзале, где ваше хозяйство. Оказалось, рядом. Я прямо сюда.

— Устала?

— Да как тебе сказать... Последнюю ночь не спала совершенно. В поездах черт знает что творится. Жулья —

хоть пруд пруди. А у меня литература, боялась даже глаза сомкнуть.

— Где твой багаж?

— Внизу, у дежурного.

— Хорошо, сделаем так: ты посиди, а я пойду соображу, как тебя ко мне домой доставить.

— Домой? — смутилась Надя. — Ей-богу, неудобно тебя с женой беспокоить.

— Перестань, Наденька, ты не знаешь мою жену. О тебе и о Павле я ей не раз рассказывал...

По лестнице Михайлову навстречу спешил дежурный:

— Прибыли группы Алимова и Дмитриева, оружие привезли. Но у Алимова неприятности — один солдат убит, а рабочий, молодой парень, ранен.

— Где Алимов?

— Внизу.

Михайлов бросился вниз, в дежурное помещение. Алимов стоял возле сидящего на стуле раненого и смотрел, как пожилой врач перевязывает парню плечо. Увидев Михайлова, стал рассказывать:

— Только мы подошли, как оттуда, из-за дверей, из окон, начали стрелять. Солдата Вишневого, гады, убили и вот Мироновича ранили. Окружили мы дом, я крикнул, кто мы, и предложил прекратить огонь. А оттуда слышу: «Сволочи большевистские, мало мы вас перестреляли! Не подходите — перебьем!» Положение сложное. И людьми жалко рисковать, и сидеть ждать чего-то тоже не годится. Дали пару залпов по окнам и дверям, а затем я кричу: «Вы, господа полицейские, окружены. Если не прекратите сопротивление, будете уничтожены. На размышление — одна минута!» И что вы думаете, Михаил Александрович: ровно через минуту из окна выпрыгнули трое, затем еще трое, потом — почти все остальные. В общем, когда мы заняли участок, то узнали, что где-то за час до этого туда прибыли все приписанные к нему полицейские. А собрал их некий господин Самойленко — брат того самого Самойленко, гражданского коменданта. И от имени го-

родских властей приказал участок не сдавать и не разоружаться. Они заранее к обороне подготовились...

— Где этот господин?

— Застрелился, сволочь, когда увидел, что остался один.

Михайлов распорядился перенести раненого наверх, а сам направился к телефону. Просил станцию соединить его с квартирой коменданта. Высокий женский голос ответил:

— Господин Самойленко приказал его не беспокоить.

Михайлов, подавляя раздражение, как можно спокойнее сказал:

— Барышня, с вами разговаривает начальник милиции города Минска. Мне срочно нужно переговорить с комендантом.

— Я знаю только полицию, а ни о какой милиции даже слухом не слышала. Соединять не буду.

— Как ваша фамилия?

— Ишь, чего захотел! — с явной издевкой ответила телефонистка и отключилась.

Положив трубку на рычаг, Михайлов спросил у дежурного:

— Где Дмитриев?

— В соседней комнате оружие сдает.

— Позови.

Дмитриев не заставил себя ждать. Он радостно улыбался.

— Все в порядке? — спросил Михайлов.

— Да, господа полицейские охотно расстались с оружием и сразу же разошлись по домам.

— Хорошо. Теперь слушай: возьми трех-четырех человек и направляйся на телефонную станцию. Наведи там порядок. Ну, чтобы они обслуживали милицию в первую очередь. Разъясни ситуацию, понял?

— Понял, Михаил Александрович.

— Да, еще. Посмотри, что там за публика среди этих телефонных барышень. Может, кое-кого следует отправить домой.

Дмитриев ушел. Михайлов обернулся к Алимову:

— Ты на грузовике?

— Да, вот оружие и раненого привез.

— Значит, так. Видишь саквояж и чемодан в углу?

Поднимись на второй этаж, там одна моя знакомая сидит. Возьми ее, эти вещи и отвези ко мне домой. Соне скажи, чтоб накормила гостью и спать уложила. Меня пусть не ждет. Когда возвратишься, — Михайлов взглянул на часы, — в жандармском управлении уже рабочий день начнется. Поедем туда.

Ничего не подозревающий Алимов стал подниматься по лестнице. Михайлов, улыбаясь, смотрел ему вслед. «Представляю, что сейчас там произойдет!» И тут увидел входящего в дежурное помещение Солдунова. Рука у него была перевязана.

— Что, зацепило?

— Немножко. Не все господа полицейские хотят добровольно с даху слазить.

— Откуда слазить? — переспросил Михайлов.

— С даху... Ну, с крыши. Это я так, по-нашему. — Солдунов снял шапку и устало опустился на стул. — Один полицейский, вместо того чтобы по-доброму отдать револьвер, рванул от нас в какой-то кабинет. Ну, мы за ним, а он прямо через дверь как смолянет. Хорошо, что в руку.

— Взяли его?

— А как же. Выждали, пока последнюю пулю выпустит и — в кабинет. Не успел перезарядить свою пушку. О, с кем это наш Роман?

Со второго этажа спускались Надя Катурина и Алимов. Оба деловые, озабоченные. Алимов кивнул Солдунову, взял Надины вещи.

— Ну, мы поехали, Михаил Александрович.

— Счастливого отдохнуть, Надюша. А тебя, Роман, я жду.

— Что за красotka? — спросил Солдунов, когда двери парадного, пропустив Надю и Романа, закрылись.

— Красotka? В данном случае она — посланец ЦК партии. Вот так-то! — похлопал Михайлов по плечу обескураженного Солдунова. — А теперь пойдем ко мне...

Вскоре прибыли еще две группы. У них обошлось без происшествий. Михайлов был доволен: разоружение полиции, можно считать, прошло с малыми потерями.

В двери показался дежурный:

— Товарищ Михайлов, тут пришел какой-то гражданин. Хочет видеть Алимова, а если его нет, то вас.

— Ну что ж, зови сюда.

Солдунов поднялся:

— Если я вам не нужен, то пойду к хлопцам, они там полицейское оружие сдают.

— Да-да, Петр Афанасьевич, действуй, но людей своих не отпускай — могут пригодиться.

На пороге Солдунов разминутся с молодым мужчиной. Высокий, в добротном пальто, в новенькой шапке-ушанке, он производил внушительное впечатление.

— Здравствуйте, вы товарищ Михайлов?

— Здравствуйте. Я Михайлов. Слушаю вас. Про себя Михайлов отметил, что пришедший чуть-чуть заикается и, стараясь скрыть это, специально подбирает слова.

— Моя фамилия Онищук. Вам это говорит о чем-нибудь?

— Да, вы работаете в Городской думе, а точнее — при гражданском коменданте. Мне о вас рассказывали. Вот только имя и отчество ваше, извините, запомнил.

— Вячеслав Дмитриевич.

— Присаживайтесь, Вячеслав Дмитриевич.

— Благодарю, но я тороплюсь. Обстоятельства меня вынудили пренебречь требованиями конспирации и прибежать к вам сюда. Дело в том, что сегодня ночью Самойленко собрал совещание. На нем, кроме группы его единомышленников-кадетов, присутствовал городской голова Хржонстовский, полицмейстер Лебеда, градоначальник барон Рауш фон Грауберберг. Также были начальник жандармского управления, представители военного округа и Ставки. Знаете, это не совещание, а настоящий контрреволюционный заговор.

Во-первых, они приняли вот такое решение. — Онищук развернул листок бумаги, но читать не стал. — Словом, решили формировать милицию из бывших полицейских, но по рекомендации местных жителей. Вы понимаете, кто имеется в виду под местными жителями? Во-вторых, они договорились освободить из тюрьмы всех уголовников. Господа рассчитывают, что в городе начнутся грабежи, убийства, кражи. Вот тогда-то Городская дума поставит вопрос о вашем снятии и назначении начальником милиции своего человека.

В речи Онищука, несмотря на заикание, чувствовались четкость и краткость военного и одновременно привычка говорить языком тех, с кем он работает.

— Наконец, в-третьих, сегодня вечером они хотят перевести из городской тюрьмы в другой город всех политических. Боятся, что милиция освободит их и они вольются в ее ряды и в партию большевиков. Я решил, что об этом вы должны узнать незамедлительно, и поэтому пришел сюда.

— Спасибо, Вячеслав Дмитриевич, большое спасибо. Жить я с завтрашнего дня буду здесь, при штабе милиции, так чтобы в любой момент вы смогли меня найти. А теперь хочу передать вам привет от Нади и Павла Катуриных.

— Спасибо. Как они?

— Нормально. Надя сегодня приехала в Минск, прямо из Петрограда.

Затем Михайлов коротко проинструктировал Онищука, как себя вести, и попросил обязательно попасть на работу в губернский комиссариат. Онищук ушел. • Михайлов, задумчиво скрестив руки на груди, бродил по кабинету: «Теперь ясно, почему Самойленко приказал телефонисткам не соединять его ни с кем: готовилась тайная сходка. Ну что ж, пора и нам действовать. Одно жало эсеров, кадетов и меньшевиков вырвано — полиции как таковой уже не существует. Теперь вырвем другое».

Михайлов вышел в коридор и подозвал дежурного:

— Я буду в своем кабинете. Соберите группу человек в тридцать-тридцать пять, проверьте, чтобы у всех

было оружие, и разместите их в одной из комнат. Вызовите сюда Любимова и подготовьте три автомобиля. Когда придет Алимов — доложите.

— Хорошо, Михаил Александрович. Только что звонил Дмитриев. Он навел порядок на телефонной станции. Спрашивает, что ему делать.

— Скажите, пусть оставит там наших товарищей, назначит за себя старшего, а сам возвращается сюда.

Через полчаса в штабе появился Дмитриев, затем Любимов и, наконец, Алимов. Собрались в кабинете Михайлова. Несмотря на то, что Михаил Александрович уже которую ночь почти не спал, выглядел он свежим и бодрым. Серые живые глаза излучали задор и энергию. Сел на стул посреди кабинета, закинул ногу за ногу, улыбнулся:

— Устали, революционеры?

— Нам нельзя уставать, надо дело делать, — ответил за всех Дмитриев.

— Правильно. А дело будет такое: Любимов и Дмитриев берут под охрану телеграф, почту, выставляют посты на вокзалах и около обозначенных в этом списке зданий. — Михайлов протянул Любимову лист бумаги. — Мы с Алимовым едем разоружать и арестовывать руководство жандармерии, затем освободим из тюрьмы политических арестованных...

— Значит, уже сегодня многие большевики будут на свободе! — потер ладони Любимов.

— Да, это нам хорошее пополнение.

Когда Любимов и Дмитриев ушли, Михайлов приступил к инструктажу своей группы...

Рассвело. По улицам города ехали три грузовика. В кузовах стояли люди с винтовками. Некоторые были в гражданской одежде, другие в шинелях, но у всех — красные повязки. Новая милиция действовала!

Не доезжая немного до здания жандармерии, грузовики остановились. Люди молча расходились по заранее намеченным местам. Когда здание было оцеплено, Михайлов повернулся к Алимову:

— Кто с нами?

За спиной у Алимова выросли семь человек.

– Пошли, товарищи!

У входа стоял, опираясь на винтовку, солдат. Михайлов, пряча вспыхнувшие в глазах веселые искорки, подошел к нему:

– Стало быть, жандармов охраняешь?

– Приказано, ваше благородие.

– Я начальник милиции. Приказ отменяю. Шагай, братец, в свою часть. – И Михайлов тут же приказал одному из милиционеров: – Принимай, товарищ, пост.

Молодой парень в старой шинели, приставив к ноге винтовку, встал у входа. Михайлов легко вбежал на невысокое крыльцо. За ним – Алимов и остальные. В парадном к ним бросился дежурный офицер:

– Куда?

– Мы – милиция. Потрудитесь, господин офицер, сдать револьвер и указать, где хранится оружие жандармерии, которая с данного момента ликвидируется.

Офицер хотел что-то возразить, но Алимов обезоружил его, передал на попечение трем милиционерам и поспешил вслед за Михайловым.

На втором этаже быстро отыскивали нужную дверь и без стука вошли. В огромном, хорошо натопленном кабинете за большим столом сидел усатый полковник – начальник жандармерии. Он какое-то время смотрел на незнакомых людей, затем недовольным тоном произнес:

– Почему входите без разрешения?

– Так уж и без разрешения? – улыбнулся Михайлов. – Нам не только разрешил, но и поручил это сделать народ, от имени которого я как начальник Минской милиции объявляю жандармерию распушенной, а вас, господин начальник, арестованным!

– Вот как! – криво ухмыльнулся полковник. – Но почему вы решили, что я подчиняюсь вашим требованиям? Здесь команду я, и, заметьте, в этом помещении находятся мои сотрудники. Кстати, вот у меня, – он порылся в бумагах на столе, – заготовлено постановление о вашем аресте.

Алимов быстро пересек кабинет и встал рядом с жандармом:

– Оружие!

Один из милиционеров взял винтовку наизготовку. Жандармский начальник побледнел:

– Это же произвол! Я позову охрану!

– Вокруг здания и внутри него охрана наша, – жестко сказал Михайлов. – А что касается произвола, то не вам об этом говорить.

Пока Алимов помогал главному жандарму снимать пашку, ремень с револьвером и кобурой, Михайлов взял у него из рук постановление о своем аресте. Пробежал глазами текст, улыбнулся:

– Опоздали, господа! Раньше надо было позаботиться, а теперь руки коротки!

По приказу Михайлова собрали всех сотрудников жандармского управления. Им было объявлено о роспуске жандармерии и предложено, оставив на месте все служебные документы и оружие, покинуть помещение. Алимов вызвал со двора своих людей, расставил их у дверей кабинетов со строгим наказом: задерживать каждого, кто попытается вынести оружие или какие-нибудь бумаги.

Операция прошла спокойно и быстро. В помещении жандармского управления оставалась только охрана – девять тщательно проинструктированных милиционеров. Остальных Михайлов и Алимов посадили в машины и направились к тюрьме. Вскоре машины, свернув с Захарьевской на Серпуховскую, остановились у больших железных ворот. Мрачное здание с круглыми башнями высилось над кирпичной стеной. Михайлов громко постучал в ворота эфесом пашки. Сбоку приоткрылась небольшая дверца, показалась голова заспанного служивого.

– Чего так рано?

Михайлов не дал ему договорить:

– Я начальник милиции. Веди к начальнику тюрьмы. – И, не дожидаясь ответа, слегка оттолкнул тюремщика, прошел во двор. За ним Алимов и пятеро милиционеров. Михайлов тихо приказал своим:

– Отоприте ворота и загоните машины во двор. Люди пусть будут наготове.

Они подошли к огромным дубовым дверям, на которых тускло поблескивали металлические шипы. В узком оконце появилось худощавое усатое лицо:

– Вам кого?

– Начальника! Да поскорей, скажите, начальник городской милиции спрашивает.

Оконце захлопнулось. Томительные минуты ожидания. Наконец послышался грохот отодвигаемых засовов, одна створка дверей открылась и перед милиционерами предстал начальник тюрьмы. Низенький, брюхатый, с таракаными усиками, с одутловатым, землистым то ли от пьянства, то ли от болезни почек лицом.

– Кто меня спрашивал?

– Я. Здравствуйте, – Михайлов козырнул. – Я начальник милиции, вот мои документы. – Он выждал, пока начальник тюрьмы прочтет удостоверение, потом приказа сказал: – Возьмите ключи от камер, где сидят политические, и проводите меня туда.

– Вы что, хотите их выпустить? – с дрожью в голосе спросил начальник тюрьмы.

– Непременно и безотлагательно.

– В таком случае я должен позвонить в жандармерию...

– Не стоит. Жандармерии уже не существует, а их начальник арестован. Я думаю, вы не хотите, чтобы вас постигла та же участь?

Начальник тюрьмы бросил взгляд на милиционеров за спиной у Михайлова, на грузовики с вооруженными людьми и поспешно согласился:

– Хорошо. Я подчинюсь силе...

Одна за другой распахивались двери камер.

– Выходите, товарищи, вы свободны!

Небритые, с изможденными лицами люди, еще ничего не понимая, осторожно выходили в длинный коридор. К Михайлову подошел высокий, в мятой солдатской шинели мужчина:

– Вы большевик?

Голос его звучал мягко, с акцентом.

– Да. Именем большевистской партии вы свободны.

– Я тоже большевик. Вел на фронте пропаганду среди солдат, за что был арестован и посажен в эту тюрьму.

– А сами вы откуда?

– Я литовец. До войны жил в Москве, там вам и подтвердят мою партийность. Фамилия моя – Шяштокас.

– Шяштокас?! – воскликнул Алимов и схватил Михайлова за локоть. – Михаил Александрович, мне о нем товарищи из Московского комитета рассказывали. Помните, в связи с Чароном?..

– Здравствуйте, товарищ, – протянул Шяштокас руку Михайлову. – Что думаете делать на свободе? Мы предлагаем вам остаться пока в Минске и вступить в милицию. Нам нужны такие люди, как вы.

– Я согласен. Тем более что в моих родных местах сейчас немцы.

Вместе пошли вдоль камер. Вскоре отыскали и Щербина. Затем Михайлов приказал собрать всех освобожденных во дворе тюрьмы: их было ни много ни мало... сто двадцать девять человек.

– Товарищи, – обратился к ним Михайлов, – несколько дней назад революционным народом свергнуто царское самодержавие. Но это не значит, что дело, за которое вы боролись, полностью восторжествовало. Продолжается кровопролитная, никому не нужная война, в окопах гибнут тысячи сынов России. В стране создается очень сложное положение. Двоевластие. А России, ее трудовому народу нужна одна власть – власть рабочих, солдат и крестьян. Поэтому я от имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов призываю вас влиться в ряды борцов за социализм с тем, чтобы добиваться полной победы пролетариата...

Отправив большую часть своего отряда в штаб, Михайлов вместе с Алимовым, Щербиным, Шяштокасом и группой милиционеров двинулся к блоку, где содер-

жались уголовники. Семенившему рядом начальнику тюрьмы сказал:

– Надо произвести учет уголовников, разобраться, кто за что сидит.

– Извините, господин начальник, но смею доложить: всех уголовников по приказу господина Самойленко сегодня ночью мы выпустили.

– Как выпустили?

Лицо начальника тюрьмы впервые приобрело осмысленное выражение.

– Вы знаете, я и сам подумал, что здесь что-то не то. У нас же сидели не только мелкие воришки, но и опасные бандиты – убийцы, медвежатники. Они, конечно, воспользуются свободой по-своему...

«Ну, Самойленко, ну, пройдоха! – возмущенно думал Михайлов. – Никакими средствами не брезгует, лишь бы навредить нам».

Делать было нечего. Он приказал разоруженным охранникам и надзирателям расходиться по домам, оставил в тюрьме несколько милиционеров и обратился к Алимову:

– Ну что ж, Роман, как бы там ни было, а наша власть укрепилась. Бери Шяштокаса, заедем в штаб и – ко мне домой. Я думаю, мы заслужили хороший обед...

В ГОРОДЕ ДЕЙСТВУЕТ БАНДА

Во второй половине марта весна по-настоящему взялась за дело. Все выше поднималось солнце; маленькие проталины раздались, наполнились водой; и возле них весело чирикали воробьи; набухали на деревьях почки; прохожие старались держаться подальше от домов, чтобы не угодить под капель. Однако зима еще не сдалась и по ночам снова занимала отданные днем позиции.

Что-то похожее происходило и в жизни города: не прекращалась борьба между Советом рабочих и солдатских депутатов, в котором главную роль играли боль-

шевики, и буржуазной властью в лице губернского комиссариата Временного правительства, где окопались кадеты, меньшевики и буржуазные националисты.

В этой борьбе подчиненная Совету милиция представляла собой важную революционную силу. Было ясно, что приверженцы старого строя не сложили оружия, а лишь притаились в ожидании удобного момента, чтобы вернуть выгодные им порядки. Михайлов, Мясников, Любимов всячески заботились о чистоте рядов милиции. Принимались только тщательно проверенные люди: рабочие-большевики, революционно настроенные солдаты, учащаяся молодежь. Вчерашним полицейским и жандармам, за которых усердно хлопотал губернский комиссариат Временного правительства, в Минскую рабочую милицию доступа не было. Милиционеры разделялись на кадровых и резервных. Кадровые несли постоянную службу и получали зарплату; резервные вызывались в помощь кадровым в необходимых случаях и получали только суточные. К середине марта в Минске было создано пять городских отделений; на всех крупных предприятиях и на железнодорожном узле появились милицейские участки.

Разумеется, первейшая задача милиции состояла в том, чтобы защитить интересы трудового народа от его классовых врагов. Но это было не все...

Чтобы вызвать недовольство населения, облегчить разгром революционных сил, реакция организовывала погромы и грабежи. Выпущенные из тюрьмы уголовники терроризировали горожан. Особенно дерзко действовала банда некоего Данилы.

Михайлов просматривал в своем кабинете поступившие за день бумаги, когда появился Гарбуз.

– Опять этот Данила.

– Что такое?

– Утром ворвались в дом богатой семьи. Левиных. Убили хозяина, взяли золото, ценные вещи и скрылись.

– Сколько их было?

– Шестеро.

— А почему считаешь, что это банда Данилы?

— Он сам с ними был. А когда уходил, напомнил, как обычно, что, мол, хозяин в городе он — Данила.

Михайлов откинулся на спинку стула, устало сказал:

— Во всяком случае, чувствует он себя действительно, как хозяин. За неполные две недели девятое ограбление. Знаешь, если нам в самое ближайшее время не обезвредить банду, то спекулянты-эсеры и их союзники меньшевики сумеют многих людей настроить против нас. Так что поймать Данилу и его дружков — вопрос, я бы сказал, политический. Приглашай ко мне наших хлопцев, будем решать, что делать.

Гарбуз вышел, а Михайлов встал и, привычно расхаживая из угла в угол, задумался. «Да... выходит, что сложно защищать новую власть! Казалось, народ униженный и замордованный самодержавием, получив свободу, будет делать все, чтобы укрепить завоевания революции. В общем-то так оно и есть. Но нашлись и такие, кто хочет за счет очистительных перемен обогатиться. Это, конечно, не народ, а так — накипь, пена...» Вспомнился вчерашний разговор с Алимовым. Тот, закончив разбираться с доставленным в штаб спекулянтом, горячо докладывал Михайлову: «Не хватало нам еще спекулянтами да ворами всякими заниматься. Нам же надо революцию делать».

«Нет, Роман, — думал Михайлов, — надо, отстаивая дело революции, одновременно вести беспощадную борьбу и с ворами, и со спекулянтами. Плоха та власть, которая позволяет всякой нечисти обкрадывать, грабить и убивать людей».

Кто-то громко постучался в кабинет. Михайлов как раз проходил мимо двери, толкнул ее рукой:

— Входите.

На пороге стоял незнакомый солдат. Красная повязка на рукаве — милиционер.

— Входите, товарищ! — повторил Михайлов.

— Благодарствуем. — Солдат снял шапку, оглядел кабинет и спросил: — Ты, значит, и будешь начальником милиции?

Солдату было лет двадцать пять. Лицо покрыто веснушками, огненно-рыжие волосы смешно топорщатся на голове.

— Да, я начальник милиции. Присаживайтесь, слушаю вас.

Солдат, несколько смущенный чистотой и порядком в кабинете, заговорил:

— Хочу испросить разрешения на женитьбу.

Михайлов улыбнулся:

— А почему у меня надо спрашивать? Не лучше ли у родителей невесты спросить?

— Она не местная, а мне комиссар третьей части сказал, что милиционеры на особом положении и надо предупреждать, на ком жениться хочешь, чтобы жена классовым врагом не оказалась.

— А вы давно в милиции?

— С пятого марта. Как прикомандировали меня сюда, так и служу.

— Ну и как, не в тягость служба?

— А чего ж она в тягость будет? Коль революцию сделали, надо ее и защищать, да и люд простой от жуликов да ворюг разных ограждать.

— Правильно мыслите, товарищ. Как ваша фамилия?

— Прохоров. Андрей Святославович.

— А кто же невеста?

— Рабочая завода «Энергия».

— Значит, пролетарка.

Михайлов подошел к столу, по телефону связался с третьей частью. Поинтересовавшись у комиссара ходом дел, спросил, знает ли тот солдата-милиционера Прохорова. Выслушав ответ, сказал:

— Какие тут могут быть вопросы? Создается рабоче-крестьянская семья. Да-да, нужно благословить. — Положил трубку на аппарат, повернулся к Прохорову. — Слышали? Идите в свою часть, вам выдадут справку. Женитесь и живите счастливо.

— Благодарствуем.

Солдат не видел, как Михайлов, улыбаясь, смотрел ему вслед: «Вот и первая милицмейская семья в Минске появится, – думал Михаил Александрович. – Новая жизнь вступает в свои права!»

Тем временем в кабинет начали входить вызванные Гарбузом люди. Михайлов выждал, пока все рассядутся вокруг стола, и заговорил:

– Перед нами задача – обезвредить банду Данилы. Чувствуется, что она состоит из отпетых головорезов. Понимаю, опыта борьбы с этой публикой ни у кого из нас нет. Но вот о чем я подумал: если мы могли жить и сражаться в подполье, то неужто сейчас не справимся с такими вот данилами? Немного смекалки – и никуда банда от нас не денется. Предлагаю следующее: Шяштокас и Алимов будут искать бандитов по притонам и другим злачным местам. Данила дал знать о себе после того, как распоряжением Самойленко из тюрьмы выпустили уголовников. Так что ты, Альгис, – Михайлов положил руку на плечо Шяштокасу, – можешь встретиться со знакомыми. Думаю, вам обоим надо сыграть роль получивших свободу уголовников.

Шяштокас с сомнением покачал головой:

– Боюсь, что Роману будет трудно. Он, насколько я знаю, даже в тюрьме никогда не сидел. Я – другое дело, насмотрелся. А Роман сойдет за моего дружка.

Михайлов кивнул и продолжал, обращаясь уже к Дмитриеву и Крылову:

– Вам, товарищи, надо взять на себя железнодорожные станции и базар. Где-где, а там бандиты могут появиться.

Теперь на очереди был Щербин. Ему поручалось изучить дела, связанные с вылазками банды, еще раз опросить, если понадобится, пострадавших и постараться установить приметы бандитов.

Не забыл Михайлов и о своем заместителе:

– Ты, Иосиф, займешься личными делами бывших полицейских. Не все же они были живодерами и убежденными слугами самодержавия. Некоторые могут оказаться нам полезными. Например, помочь разобраться

в старых полицейских бумагах. Должен же быть на учете в полиции хоть кто-нибудь из бандитов. Обязательно побеседуй с бывшими тюремными надзирателями: они могут знать в лицо некоторых уголовников.

Гарбузу оставалось только удивляться: когда Михаил Александрович успел разработать такой широкий и обстоятельный план действий? Разве мало у него неотложных организационных забот? Скажем, создание при штабе милиции судебных камер для безотлагательного рассмотрения всех дел. Да, это позволит быстро разбираться с задержанными, наказывать виновных и оправдывать невинных. Но ведь все на нем, на Михайлове, – от юридического обоснования идеи до проведения ее в жизнь.

Закончив совещание просьбой держать его в курсе дела, Михайлов спустился на первый этаж, прошел в конец коридора, толкнул узкую дверь и... оказался дома. Соня сидела за пишущей машинкой.

– Ну как, не скучаешь без меня?

– Ты дашь поскучать! – улыбнулась Соня и указала рукой на целую стопку отпечатанных страниц. – Вон как любимую жену завалил.

– Ничего, ничего, дорогая. Согласись, что такая работа не в тягость. Пиши...

– Узурпатор, – расхохоталась Соня, притянула к себе голову мужа и, поцеловав его в макушку, ловко заправила чистый лист. – Я готова.

– «Штаб милиции предлагает всем партиям, а также отдельным лицам сообщить ему об организуемых где бы то ни было собраниях и митингах...»

Михайлов, верный давней привычке, ходил по комнате и диктовал. Машинка, словно пулемет, выбивала строчку за строчкой. Когда он закончил, Соня быстро пробежала текст – нет ли ошибок? – и протянула бумагу мужу:

– Прощу вас, товарищ начальник.

Михайлов почему-то вспомнил рыжего солдата-милиционера, приходившего за разрешением жениться, и его словцо «благодарствуем».

– Благодарствуем. Но это еще не все. Понимаешь, родная, нам надо, чтобы народ видел в лице милиции надежного защитника революционных завоеваний, силу, способную постоять за права и интересы трудящихся. Но – никакого произвола, никакого самоуправства. Поэтому мы напишем приказ о том, что аресты и обыски могут проводиться только по ордерам за моей подписью.

– Хорошо, хорошо, Мишенька. Диктуй...

ГАДАНИЕ

Гарбуз беседовал уже с третьим надзирателем. Первые два ничего интересного не рассказали. Гарбуз даже не разобрался, то ли они действительно ничего не знают, то ли не хотят говорить откровенно. Вот и третий тоже сидит, втянул голову в плечи, напряженно поводит взглядом. Когда Гарбуз поднялся, чтобы обойти стол, он заметно вздрогнул и хотел было встать.

– Сидите, сидите, – положил руку ему на плечо, садясь напротив. – Антон Николаевич, я хочу потолковать с вами по душам. Вот только меня смущает ваше поведение. Вы словно боитесь чего. Скажите, в чем дело?

Надзиратель каплянул в кулак и хрипловатым голосом ответил:

– Живу в страхе, господин начальник. Среди людей разные разговоры ходят. Говорят, будто вешать таких, как я, новая власть намерена. Сами понимаете, какой уж тут покой на душе.

– Ну, это сплетни, – резко махнул рукой Гарбуз. – Кое-кому, конечно, отвечать перед народом придется. Но вы, насколько мне известно, в рукоприкладстве не были замечены, вообще, к заключенным относились по-человечески. Вам бояться нечего.

– Оно верно, – несколько приободрился надзиратель. – Служить я служил, а как же иначе, семью-то кормить надо, но арестованных и заключенных не

обижал. Понимаю: они тоже люди, а иные и вовсе зря в тюрьме маются...

– Правильно рассуждаете. Скажите, Антон Николаевич, вы до прошлого месяца служили в блоке, где содержались осужденные за уголовные преступления? Я не ошибаюсь?

– Нет-нет, в политическое отделение я был переведен чуть больше месяца назад, а до этого почти десять лет моей службы прошло среди уголовников.

– Скажите, куда девались списки тех, кто содержался в отделении для уголовных преступников?

– Ей-богу не знаю. А вы у начальника тюрьмы спрашивали?

– Скрывается ваш бывший начальник.

– Тогда надо разыскивать тех, кто работал в канцелярии, лучше всего картотечников.

Низенький, кривоногий, с маленькими, словно приклеенными под носом усиками, надзиратель не вызывал симпатий. Но его довольно откровенные высказывания, толковые суждения свидетельствовали в его пользу. И Гарбуз пошел в открытую:

– Антон Николаевич, как вы считаете, зачем понадобилось выпускать из тюрьмы уголовников?

– Трудно мне об этом судить. Сами знаете, моя колокольня не из высоких. Но мне кажется, что это сделано не с добрыми намерениями. Каждому ясно, что вор, убийца и грабитель – он любой власти враг. Вот и выходит, что кто-то хочет вам, господин начальник, вреда наделать, людей позлить.

– Не припомните, среди уголовников не было человека по имени или кличке Данила?

Бывший надзиратель задумался, потом покачал головой:

– Нет, не припомню такого человека. – Неожиданно он оживился. – Вы меня извините, господин начальник, но, если, конечно, можно, скажите мне, в чем дело. Я кое-чего повидал на своем веку, изучил повадки преступников и, даю честное слово, хочу быть вам полезным. – Очевидно, он подумал, что его «честное

слово» может не вызвать доверия, и поэтому спешно добавил: – В моей искренности можете не сомневаться. У меня трое детей, и я бы очень хотел...

– Я верю вам, Антон Николаевич, – перебил его Гарбуз. – Дело в том, что в городе объявилась опасная банда, во главе которой стоит некий Данила. Эта банда убила несколько человек, совершила больше десятка ограблений. Есть предположение, что состоит она из уголовников, выпущенных без нашего ведома из тюрьмы...

И дальше Гарбуз рассказал без утайки все, что было известно милиции о банде и ее главаре.

Бывший надзиратель долго молчал, уставившись небольшими глазками в пол. Казалось, он думает о чем угодно, только не о том, что минуту назад услышал. Но вот он быстро поднял голову. От резкого движения щеки его колыхнулись.

– Конечно, мне трудно сказать сейчас что-нибудь определенное. Но одним человеком я бы вам посоветовал заняться. Дело вот в чем. Дня за четыре до всех этих событий... Ну, когда нашему брату дали по шапке. Так вот, дня за четыре до этого из блока политических к уголовникам был переведен один заключенный. Фамилии его я не помню, но думаю, что выяснить ее не так уж сложно. Это был на моей памяти единственный случай, чтобы от политических к уголовникам переводили человека. Я сразу же догадался, что делается это неспроста, а с какой-то определенной целью. И вот теперь, послушав вас, думаю: надо вам им поинтересоваться. Я – воробей стреляный, и, поверьте, не зря у меня тогда сердце екнуло.

– По чьему приказу он был переведен?

– Не знаю. Могу только сказать, что переводил его Рускович Иван Епифанович, старший надзиратель.

– Как его разыскать?

– Кого, Русковича? Очень просто. Я сам могу показать его дом, это недалеко от Губернаторского сада.

– Хорошо, посидите, пожалуйста, в коридоре. Прогуляемся вместе к дому Русковича.

Надзиратель вышел, а Гарбуз, закрыв кабинет на ключ, направился к Михайлову. От того только что вышла в сопровождении милиционера заплаканная женщина в шубе.

– Что же это вы, товарищ начальник, даму до слез довели? – входя, покачал головой Гарбуз.

– Не говори, Иосиф, – горестно махнул рукой Михайлов. – Ты извини, я сейчас. Перебила эта самая мадам. – Он позвонил дежурному: – Передайте телефонограмму всем начальникам участков: вменить в обязанность всем нашим милиционерам и командирам с сегодняшнего дня не допускать вывоза из города продовольствия ни в каком виде, будь то хлеб, зерно или мясо. Ежедневно проверять магазины и лавки, открыты ли они и есть ли в продаже хлеб. В случае, если хлеб продаваться не будет, незамедлительно сообщить нам, в штаб.

Михайлов положил трубку и поднял на Гарбуза усталые глаза:

– Получены данные, что эсеры и меньшевики, а точнее их представители в Совете, в губернском комиссариате приняли решение: всячески срывать обеспечение города продовольствием. Разумеется, хотят свалить вину на большевиков и милицию.

– Вот сволочи, готовы даже голодом людей морить!

– Ничего не поделаешь, по своей идеологической сути и даже по задачам наши партии стоят на разных позициях. Я уверен: скоро наш вынужденный компромисс с ними будет аннулирован. А пока нам надо укреплять партию, привлекать к себе людей, особенно крестьянство. Именно среди крестьян у нас наиболее слабые позиции. Хотя вчерашнее совещание представителей крестьянства, на котором было подержано наше предложение о созыве съезда, вселяет известный оптимизм. – Михайлов неожиданно весело улыбнулся. – Ну, а то, что меня избрали председателем губернского крестьянского комитета, тоже кое о чем говорит. Следующий этап – еще выше поднять работу по организации и завоеванию крестьянских

масс, по руководству революционной борьбой в деревне. Кстати, я сегодня закончил и направил Мясникову для ознакомления проект программы крестьянского союза, который составлен применительно к конкретным условиям Белоруссии. — Михайлов взял со стола несколько исписанных листков и, глядя в них, продолжал: — Послезавтра, 30 марта, заседание Минского комитета Всероссийского крестьянского союза. Нам, большевикам, надо во что бы то ни стало добиться, чтобы на заседании была принята наша социально-политическая платформа. Вот послушай: «Крестьянский союз является организацией классовой, а не национальной, он зовет в свои ряды всех, стоящих на точке зрения интересов трудящихся масс, без различия национальности и религии. Союз будет бороться за передачу всех земель в общенародное достояние. Каждый желающий трудиться на земле получит эту возможность. Крестьянский союз ставит своей задачей скорейшее прекращение братоубийственной войны народов на основе их самоопределения и недопустимости насильственного захвата чужих территорий». — Он оторвал глаза от бумаги, спросил: — Ну как, суть ясна?

— Несомненно.

— Хорошо! — Михайлов легонько хлопнул ладонью по столу. — Тогда обсудим другой вопрос. Ты говорил с бывшими тюремщиками?

Гарбуз сказал, что собирается нанести визит старшему надзирателю Русковичу.

— Ну что ж, попробуй, — кивнул Михайлов. — Хотя верить им надо с большой осторожностью.

— Я тоже так считаю. От Алимова и Дмитриева никаких известий?

— Кроме того, что Алимову и Шяштокасу удалось выяснить: среди бандитов есть цыган.

— Чего приходила женщина, которую я встретил?

— Это одна из потерпевших. Мужа бандиты убили.

— Что она хотела?

— Требовала, чтобы мы немедленно нашли бандитов и покарали.

— Справедливое требование.

— Конечно. И мы обязаны это сделать. — Михайлов в задумчивости повторил слово «обязаны» несколько раз. — Недавно заходил ко мне милиционер. Член партии. Разговорились. О будущем, о том времени, когда победит социалистическая революция. Он представляет себе то время чистым, безоблачным. И, конечно, что в новом обществе совершенно не будет преступности. — Михайлов мягко улыбнулся. — Убеждал меня, что для этого достаточно всех воров, убийц и прочих взять да ликвидировать. Пришлось ему объяснить, что путь в новую жизнь — не железнодорожный путь, а мы не кондуктора поезда, которые вправе по своему выбору брать или не брать людей в вагоны. Нет, нам еще немало лет понадобится, чтобы уже в условиях социализма покончить с преступностью. Борьба с преступностью — это частица огромной воспитательной и политической работы. Тем, кого поставила партия на этот участок, предстоит тяжелейший труд и после революции...

Заглянул дежурный:

— Товарищ Михайлов, только что звонили от Самойленко. Просили передать, что в четыре часа будет совещание. И тут опять женщина какая-то пришла. Требует лично вас. Что-то у нее очень важное.

Михайлов взглянул на часы:

— Три сорок. У меня остается двадцать минут. — Обратился к Гарбузу: — Иосиф, прими ее, пожалуйста, побеседуй, а уж потом займешься надзирателем.

Гарбуз приказал дежурному:

— Проводите гражданку ко мне в кабинет.

В коридоре навстречу ему тотчас поднялся заждавшийся надзиратель.

— Я вынужден извиниться, Антон Николаевич, но выходит небольшая задержка. Сейчас побеседую с одной гражданкой, а там и пойдем. Не возражаете?

— Я сейчас человек свободный, времени вдоволь...

Женщине было под пятьдесят. Среднего роста, грузноватая, круглолицая. Из-под тонкой шерстяной шали

выбиваются светлые волосы. Она расстегнула на шее большой песцовый воротник, села и сразу же начала:

— Я жена полковника Гриденберга. Алексей Спиридонович сейчас на фронте, героически сражается за Родину, а я между тем стала жертвой...

— Подождите, подождите, — улыбнулся Гарбуз. — Итак, о вашем муже я уже кое-что знаю. А теперь давайте познакомимся: заместитель начальника гражданской милиции Гарбуз.

— Ой, а я считала, что беседую с господином Михайловым. Говорят, он большевик, а вы, простите, в какой партии?

— В той же самой, — сухо ответил Гарбуз, начинавший уже беспокоиться, не теряет ли он время из-за какого-нибудь пустяка.

— Да-да, это можно было предположить. Моя фамилия Гриденберг. Гриденберг Алиса Васильевна.

— Слушаю вас, Алиса Васильевна.

— Знаете, позавчера у Губернаторского сада, когда вывела на прогулку Марго, мне повстречалась одна цыганка. Подходит, знаете, и говорит: «Мадам, ваш муж — офицер и сейчас находится на фронте. Если хотите, я могу предсказать его судьбу». Я, конечно, растерялась, спросила, откуда ей известно, что мой муж офицер да еще и фронтовик. А она глядит на меня своими черными глазницами — как вспомню, в дрожь бросает: «Не удивляйся, я не только это знаю. Ну, например, что вас зовут Алиса Васильевна. Кстати, за небольшую плату могу предсказать и ваше будущее». Ну скажите, дорогой господин Гарбуз, разве могла я устоять? Конечно, я согласилась. Я отвела Марго — так зовут нашу собачку — домой, заперла и пошла с этой цыганкой. Идти пришлось ужас как далеко, не меньше десяти верст. Приходим к ней в дом, а там шум, галдеж. Одних детей добрый десяток. Проводила меня гадалка в отдельную комнату, усадила за стол. Стол этот накрыла красным в цветах платком, сверху поставила стакан воды и говорит: «Смотри, милая, на стакан, да не сморгни. Как увидишь в воде пузырьки, сразу же скажи мне».

Гарбуз нетерпеливо поерзал на стуле, но женщина не дала себя перебить:

— Выслушайте меня, пожалуйста, это все очень важно. Так вот, смотрела я, смотрела на стакан и вдруг вижу — впрямь пузырьки в воде пошли. Говорю цыганке: «Пузырьки». А она мне: «Ну вот, видишь, добрый дух к тебе благосклонен. Теперь снимай-ка шубу, и начнем». Я сняла шубу, гадалка завернула ее в одеяло и положила на стол, затем взяла мою левую руку и начала водить пальцем по ладони. Знаете, она мне всю правду рассказала: и что я замужем второй раз, и что детей у меня нет — все-все. Меня ужас охватил. А она дальше чешет: что у мужа моего на фронте дела плохи, к тому же около него какая-то дама червонная вьется. Затем достала из рукава цветной носовой платочек и говорит: «Заверни в него деньги, что у тебя с собой, и украшения. Завяжи платок своими руками и вложи в пасть вот тому чудищу». Оглянулась я, куда она рукой показала, а там в углу на подставке стоит какая-то образина из дерева: не то зверь, не то человек, пасть раскрыта, в ней деревянные клыки торчат. Сняла я золотой перстень с бриллиантами, кольцо обручальное, колечко тоже с бриллиантами и такие же подвески, сложила все это в платок, деньги туда же, завязала и узелок сунула в пасть тому деревянному чудищу. Цыганка проводила пальцами мне по лицу, что-то нашептывая при этом. Потом взяла мою шубу, обошла с нею все четыре угла комнаты, пошептала в нее и говорит: «Одевайся, милая, и иди домой. Нигде в пути не останавливайся и не заговаривай ни с одним мужчиной. Завтра приходи сюда в такое же время. Все о тебе и о твоём муже будет уже известно. Заодно заберешь и свои побрякушки».

Я была в каком-то дурмане. Вышла из дома и пошла. Даже не помню, как добралась. Весь вечер и следующий день ни с кем не разговаривала, а после обеда направилась к цыганке. Иду, а у самой ноги подкашиваются...

Дальше, естественно, шел рассказ о том, что гадалки она дома не застала. При ее появлении во дворе двое мужчин – один с топором в руке, другой с большим ножом и веревкой – спрятались в сарае. Старик-цыган проводил в знакомую комнату с тем же деревянным чудищем в углу и велел ждать.

Ждала она долго, успокоенная тем, что из пасти чудища торчал тот самый, завязанный ею, узелок. Несколько раз приоткрывалась дверь, заглядывали какие-то бородатые люди. За перегородкой все время разговаривали, кто-то приходил, уходил...

«Не хочет ли она до вечера развлекать меня? – с досадой подумал Гарбуз. – Бедный надзиратель... Но делать нечего, надо слушать, а то побежит к своим и станет жаловаться, что в милиции ее даже не выслушали».

– От волнения, – продолжала женщина, – я закурила. И тут открывается дверь и в комнату входит цыганенок лет семи-восьми. Подходит ко мне и тихонько говорит: «Дай закурить!» Отвечаю: «Мал еще, нельзя тебе курить». А он: «Дай, барыня, закурить – скажу что-то». Отдала ему всю пачку папирос. А он подошел к дверям, выглянул в кухню, возвратился и тихо на ухо мне говорит: «Тикай отсюда, барыня, они тебя убить хотят, а шубу и другие вещи, что на тебе, забрать». Я сразу же вспомнила тех двух мужчин, что в сарай спрятались. Испугалась, конечно. Господи, чего мне стоили эти минуты, пока я взяла из пасти чудища узелок, тихонько, на цыпочках вышла из дому и потом бежала по улице! Не верила в свое спасение даже когда домой прибежала. Развернула платок – батюшки! Посмотрите! – Она положила на стол развернутый носовой платок, а в нем – несколько обыкновенных камешков, свернутые кусочки проволоки и одно медное, грубой работы кольцо. – Как вам это нравится?

Гарбуз невесело улыбнулся:

– Не хотел бы я быть на вашем месте.

– Еще бы! Где мои драгоценности, я вас спрашиваю, господин Гарбуз? – закричала вдруг женщина, да

так яростно, что Гарбузу захотелось заткнуть уши. Он громко сказал:

– Прекратите кричать! Я, что ли, взял у вас драгоценности? – Гарбуз неожиданно для себя передразнил ее: – «Где мои драгоценности?» Деревянное чудище сожрало. Вели себя, как ребенок.

Женщина кое-как взяла себя в руки и тихо проговорила:

– Господи, что же мне делать?

– Ничего вы теперь не сделаете, – устало сказал Гарбуз. – Попытаемся мы что-либо предпринять.

Он справился у дежурного, не приходил ли Щербин. Услышав утвердительный ответ, приказал: «Пригласите его ко мне».

– Сейчас придет наш сотрудник, он запишет ваш рассказ, а затем вы покажете, где проживает эта ваша благодетельница.

– Но меня же к ней в дом не поведут? – испуганно спросила женщина.

– Зачем? Вы покажете нам ее дом, а уж что дальше делать – мы сами будем думать.

Вошел Щербин. Гарбуз ввел его в курс дела и предложил:

– Запиши, Василий Васильевич, рассказ гражданки, а затем направь с ней кого-нибудь из своих хлопцев – она покажет, где проживает мошенница.

Щербин кивнул:

– Запишу. Но пока на этом и все. Мне еще надо опросить двоих пострадавших. Ох и дался же нам этот Данила!

– Данила? – переспросила женщина и посмотрела на Гарбуза. – Я в том доме слышала это имя...

– В каком доме? – встрепнулся Гарбуз.

– Да у цыганки. – Женщина оживленно заговорила. – Понимаете, когда я сидела в комнате одна, то увидела, как под самым окном прошла моя давняя знакомая Людмила Андреевна – супруга бывшего управляющего банком Любомира Святославовича Антонова, самого, кстати, богатого человека в губернии. Думаю: ей-то

что здесь надо? Стала прислушиваться. Она вошла в первую комнату и громко спросила у того же, очевидно, старика-цыгана, где ей найти какого-то Данилу. Но ее тут же увели в коридор, и дальнейшего разговора я не слышала.

Гарбуз и Щербин переглянулись. Что это – случайное совпадение или действительно след? Гарбуз, не выдавая волнения, попросил женщину:

– Ну и об этом подробно расскажете.

Щербин повел посетительницу к себе, а Гарбуз пригласил одного из сотрудников и протянул ему листок бумаги с фамилией, именем и отчеством Антонова:

– Срочно соберите все данные об этом человеке: адрес, образ жизни, друзья, вообще окружение.

– Есть!

Только после этого Гарбуз быстро оделся и вышел в коридор:

– Ну что, Антон Николаевич, заждались?

ЕГО ФАМИЛИЯ ВЕНЧИКОВ

Старший надзиратель был похож на старшего надзирателя: злобное и в то же время угодливое лицо, узкие масляные глазки. Он был немного ниже Гарбуза, и тот, здороваясь, не без иронии подумал о его совершенно лысом темечке: «Как озерцо среди зарослей».

Хозяин испытующе посмотрел на гостя и сухо пригласил проходить в дом. Подчиненному, Антону Николаевичу – ноль внимания, словно его и не было. Гарбуз присел на предложенный стул и представился:

– Я – заместитель начальника городской милиции Гарбуз.

Рускович злобно стрельнул глазами в сторону надзирателя: кого, мол, привел?

– У меня к вам, Иван Епифанович, дело.

– О делах я на службе привык говорить, а теперь... какие могут быть дела-то.

Гарбуз понял, что перед ним человек не просто злобный – он еще и враждебно настроенный к новой власти.

«Надо его на место поставить, иначе общего языка не найдешь», – решил про себя и жестко сказал:

– По тюрьме скучаете, Рускович? Не советую. Мы ведь еще персонально вашей участи не решали. Может статься, когда до этого дойдет, то возвратим вас туда, но только в другом качестве.

Его слова возымели действие. В масляных глазах бывшего старшего надзирателя мелькнул страх, торчавшие в стороны усы поникли, а полные щеки покрылись красными пятнами. Он совершенно другим, уже елеяно-слащавым, испуганным голосом заговорил:

– Нет-нет, господин хороший, вы меня не так поняли. Я не то хотел сказать.

– Не знаю, что вы хотели сказать, но вижу: перемены, которые несет революция, явно вам не по нутру. Что ж делать, прошлого, увы, не вернешь. Поэтому я задам вам лучше несколько вопросов, а вы честно и правдиво ответьте мне.

Гарбуза неожиданно поддержал молчавший до этого Антон Николаевич:

– Ты, Иван Епифанович, не ершишься, не те времена. К тебе человек по делу пришел, а ты тут начинаешь...

– Да я что? – еще больше стушевался Рускович. – Я же ничего... Я...

Гарбуз решил воспользоваться его растерянностью и задал вопрос в лоб:

– Иван Епифанович, как фамилия заключенного, которого вы незадолго до того, как милиция взяла тюрьму под свой контроль, перевели из политического отделения в уголовное?

От него не ускользнуло, как сжался Рускович, как бросил испепеляющий взгляд на бывшего подчиненного.

– Они все знают, Епифаныч, – невинно проговорил Антон Николаевич, – так что не таись. Нас с тобой за это не осудят – некому. Их превосходительства, как мыши, по щелях разбежались.

Гарбуз требовательно повторил вопрос:

– Итак, его фамилия?

Рускович теперь уже почти навтыжку стоял перед Гарбузом и мямлил:

– Да, действительно, по указанию начальника тюрьмы и каких-то двух господ, по-моему, из жандармерии, мы перевели одного заключенного из политических в блок уголовников. Но вот как его фамилия?.. Ей-богу, не могу вспомнить.

– Не можете? – Гарбуз встал. – Что ж, придется вас посадить в одну из камер, из которой вы по приказу тех же господ выпустили уголовников. Авось вернется память.

Тут Рускович окончательно струсил. Он беспомощно посмотрел на Антона Николаевича и обреченным голосом сказал:

– Венчиков его фамилия. А вот имени и отчества – хоть убейте – не помню.

– С какой целью его перевели туда?

– Не могу знать. Мы люди маленькие, что начальство прикажет – исполняем. Рассуждать, для чего что делается, нам не положено.

Снова вмешался Антон Николаевич:

– Слушай, Епифаныч, а куда девалась картотека содержавшихся в тюрьме людей?

– Тебе-то она зачем?

– Да не мне, а новой власти она нужна. Пойми, опасные преступники на свободе оказались. Они же могут и нас с тобой ограбить, а то и убить.

Рускович посмотрел на Гарбуза:

– Ей-богу, не знаю. Об этом надо спросить у начальника тюрьмы.

– Как выглядел Венчиков?

Приметы загадочного «политического» Рускович перечислял охотно и даже профессионально, не пытаясь, судя по всему, хитрить: видимо, понимал, что Антон Николаевич может уличить его во лжи.

– Что ж, спасибо и на этом, – сказал наконец Гарбуз.

Когда дом Русковича остался за углом, он остановился и протянул руку спутнику:

– А вот вам, Антон Николаевич, я очень благодарен.

– Ну что вы, не за что, – смущенно пробормотал тот.

– Нет-нет, вы нам здорово помогли. Но будет еще к вам просьба, Антон Николаевич: если что-нибудь узнаете об этом Венчикове или о его друзьях, а также о картотеке – не сочтите за труд сообщить нам.

– Да-да, непременно. – Бывший надзиратель не скрывал радости. – Вам тоже премного благодарен... за доверие.

ЗАБОТ ПРИБЫВАЕТ

Через полчаса Гарбуз был в штабе милиции и докладывал Михайлову о результатах своего визита к Русковичу. Михайлов перебирал в руках какие-то листки (Гарбуз узнал почерк Щербина и догадался, что это показания жены полковника Гриденберга) и молчал, потом, задумчиво постукивая костяшками пальцев по столу, заговорил:

– Значит, о твоём Венчике... Как мы и предполагали, наши временные политические союзники задумали и, к сожалению, уже осуществляют еще одну пакостную провокацию. Я сейчас иду на встречу с Онищуком. Попрошу его по возможности выяснить, кто руководит этим Венчиковым. Затем уже вечером, в семь часов, у меня встреча с Алимовым и Шяштокасом. Им, думаю, есть смысл поинтересоваться цыганами, о которых рассказала Гриденберг. Щербин выяснит все, что возможно, о бывшем управляющем банка Антонове и, конечно, о его жене. А ты прикинь, каким образом нам улучшить в ночное время охрану улиц. Сегодня за день к нам поступило шесть жалоб на то, что в городе много грабежей, особенно в районе вокзала. Нарекания справедливы, и мы должны сделать правильные выводы.

– Когда встретимся?

– Поздно вечером. Придет Мясников. Мы договорились обсудить ход работы по созданию губернских отраслевых, а также фабрично-заводских комитетов профсоюзов. После этого нам с тобой надо провести совещание со всеми комиссарами милиции по вопросу обеспечения голодающего населения продовольствием. Поступили сигналы, что много продовольствия вывозится военными. И здесь чувствуется чья-то опытная рука. Я думаю, надо усилить контроль за хлебопекарнями и бойнями, навести там порядок в учете, и вообще, вплотную заняться торговлей. – Михайлов замолчал на минуту, затем вдруг спросил: – Иосиф, как ты считаешь, кого нам поставить во главе уголовного отделения? Не знаю, как ты, но я все больше чувствую нужду в профессионалах, которые могли бы умело бороться с ворами, грабителями, мародерами. В дальнейшем мы, конечно, создадим специальные институты, а пока надо выискивать способных людей, учить хотя бы азам криминалистики. Для начала нужен человек, у которого, кроме одаренности, было бы еще политическое чутье, преданность делу пролетариата.

– Да, тут надо подобрать обязательно большевика. Но кого именно?

– А что, если Антона Михайловича Крылова? А заместителями Алимова и Шяштокаса. Антон Михайлович – опытный подпольщик, закалка у него рабочая, да и жизнь знает не по рассказам и по книгам. Алимов и Шяштокас – хлопцы молодые, энергичные, в жизни тоже кое-чего повидали.

– И члены партии к тому же, – поддержал его Гарбуз. – Мясников согласится?

– Думаю, что согласится, да и городской комитет партии наверняка поддержит.

– А как же наши временные политические союзники? – с улыбкой спросил Гарбуз.

– А на то мы с тобой и поставлены, чтобы самим определить, кто будет возглавлять подразделения ми-

лиции. – Михайлов озорно блеснул глазами. – Да и некогда нам сейчас согласовывать вопросы кадров ни с меньшевиками и эсерами, ни даже с самим гражданским комендантом. Если воспротивятся – напомним, кто выпустил на свободу Данилу и ему подобных. Я здесь больших осложнений не вижу, а для нашей партии это шаг к завоеванию новых позиций. – Михайлов глубоко задумался и лишь через несколько долгих минут тихо, словно раздумывая, заговорил снова: – Да, очень слабы наши позиции в губернском комиссариате. Кроме того, надо коренным образом менять всю судебную систему, активизировать нашу деятельность среди солдатских масс, дать бой все тем же союзникам на предстоящем съезде военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта. Фронт наводнен буржуазными агитаторами. Продажные газеты и листки «Биржевые ведомости», «Речь» и даже «Русское слово» превратились в трибуну политических проституток...

– Михаил, нам же удастся кое-что задерживать. Мне звонил вчера Кнорин, спрашивал, что делать с тоннами этой макулатуры.

– Что делать? – Михайлов потер руку об руку. – Кнорин сказал, сколько этого добра скопилось?

– Как не сказал – около двух с половиной тысяч пудов.

– Ну что ж. Не далее как вчера ко мне обращался комендант Минского Совета. Жаловался, что дров нет. Вот и пусть эти две с половиной тысячи пудов макулатуры послужат доброму делу. Нельзя допустить, чтобы депутаты, пусть даже и эсеровские, и кадетские, замерзали в Совете.

– Боюсь, как бы им от этого холоднее не стало.

– Не исключено, конечно, но зато депутатам-большевикам будет тепло. А противников, хоть и политических, мы жалеть не станем.

Михайлов вдруг вспомнил вчерашний разговор Гарбуза с Любимовым. Любимов утверждал, что шпионами и другими слугами царского режима, многие из которых не сложили оружия и всю стараются

вредить революции, следует поступать жестко, а если надо, то и беспощадно. Гарбуз же отстаивал свою точку зрения: революционеры должны быть терпимы и, как победители, великодушны ко всем, в том числе и по отношению к этой категории людей. В тот момент Михайлов разговаривал по телефону и не стал вмешиваться, но сейчас, вспомнив слова Гарбуза, спросил:

– Иосиф, я вчера слышал ваш разговор с Любимовым. Ты действительно считаешь, что и к злейшим нашим врагам надо относиться всепрощенчески?

Лицо Гарбуза стало хмурым. Он помолчал немного, затем глухо сказал:

– Я считаю, что мы не должны отвечать репрессиями на репрессии.

– А я не имею в виду репрессии. Я понял тебя так, что если, скажем, в наши ряды попадет враг-provokator и в результате...

– Да! – с жаром перебил его Гарбуз. – Да, мы и в этом случае должны проявить гуманность! Противопоставив жестокости врагов либерализм, мы покажем всему миру, что большевики пришли к власти с новым отношением к человеку.

Михайлов некоторое время молча смотрел на Гарбуза:

«Чьи мысли ты высказываешь, мой старый верный товарищ?» Еле сдерживаясь, чтобы не сорваться, он заговорил:

– Во-первых, мы, большевики, всегда были против террора как средства борьбы. Я тоже считаю, что даже в отношении врагов мы обязаны проявлять максимум выдержки и терпимости. Но – не бесконечно. Революция никогда не победит, если она не сможет при необходимости защитить себя, в том числе и с помощью силы, если хочешь, принуждения. Неужели ты, Иосиф, считаешь, что буржуазия, капиталисты добровольно отдадут народу награбленное ими богатство? Или думаешь, что большинство царских офицеров, генералов, жандармов, которые не жалели пуль для подавления непокорного народа, добровольно сдадут

оружие и примирятся с новым строем? Вспомни хотя бы Чарона. По-твоему,пусти мы его на все четыре стороны, он забросил бы свое черное дело?

При упоминании имени Чарона Гарбуз покраснел и отвернулся.

– Нет, – закончил Михайлов, – мы не должны уподобляться человеку, который, когда его бьют по левой щеке, подставляет правую. Надо уметь защищаться не только словом, но, если понадобится, то и силой. Подумай об этом, Иосиф, по-дружески прошу тебя, хорошенько подумай. Ну, а сейчас извини, мне надо идти.

Из кабинета они вышли вместе. Михайлов на минутку забежал к себе.

– Неужели мой супруг и повелитель явился? – весело спросила Соня.

– Я за тобой, дорогая, – Михайлов нежно погладил жену по голове. – Понимаешь, мне надо встретиться с Онищуксом, а затем с Алимовым и Шяштокасом. Оба свидания назначены под открытым небом. Я думаю, тебе прогулка по весеннему городу будет полезной...

– Конечно, – перебила его Соня, – тем более что я буду служить вам в некотором смысле ширмой. – Лицо ее сделалось нарочито серьезным. – Другая женщина обиделась бы, узнав, что муж приглашает ее на прогулку ради какого-то своего дела. А я – не обижусь. Я знаю, что изменить ничего нельзя, поэтому, беря пример со смиренных женщин Востока, принимаю отведенную мне роль и, быстро переодевшись, следую с тобой, куда захочешь. Но все это при одном условии.

– Каком?

– Пока я буду переодеваться, ты должен поесть. Обед в кухне на столе.

– Будет сделано, товарищ женщина Востока! – козырнул Михайлов и, подчеркнуто печата шаг, направился в кухню.

Немного погодя они вышли на улицу.

– Куда сначала? – поинтересовалась Соня.

– На Сторожевку.

Сторожевка была окраиной Минска. Узенькие улицы не освещались, и надо было все время смотреть под ноги, чтобы не угодить в какую-нибудь лужу или колдобину. Соня с грустью смотрела на покосившиеся деревянные домишки.

— Господи, даже не верится, что на эти улицы может прийти праздник.

— Ну что ты, Сонечка, а вспомни-ка те весенние дни, когда здесь ликовала революция!

— Да, но это, пожалуй, был единственный светлый момент. А если взглянуть трезво? Самая настоящая нищета! Я хотела сказать: как в деревне... Но ведь там еще хуже. Да, Миша? Когда только мы вытащим людей из этой бездонной ямы лишений, невзгод, долгов?

— Что ж поделаешь, Сонечка, наш народ угнетался веками. — Михайлов грустно улыбнулся. — Ты же знаешь, что меня избрали председателем Минского комитета Всероссийского крестьянского союза. Звучит? Ведем подготовку к первому губернскому съезду Советов крестьянских депутатов, который назначен на двадцатое апреля. Это и есть ветер перемен. О, погоди-ка, по-моему, Онищук.

Им навстречу шел мужчина в короткой куртке и высокой шапке-гоголевке. Несмотря на сумерки, Соня угадала на его лице открытую, располагающую улыбку.

— По вам хоть часы сверяй!

— Точность не является привилегией богачей, — протянул ему руку Михайлов.

— Ну что ж, сразу к делу, — переменял тон Онищук. — Через полчаса мне надо быть на очень важном совещании у господина Самойленко. Думаю, городскому комитету будет небезынтересно знать, о чем там пойдет речь, что затевают местные представители Временного правительства. А пока вот что, Михаил Александрович: фракции меньшевиков, эсеров и кадетов вступили в сговор с буржуазными националистами с тем, чтобы на предстоящем съезде ввести в Совет крестьянских депутатов как можно больше своих представителей. Особая роль в этом отводится

«Белорусскому социалистическому обществу» и «Белорусскому национальному комитету», от имени которого выступает со вчерашнего дня помещик Скирмунт. Отвратительнейшая, скажу вам, личность, ярый враг большевиков. Он за социализм, но только за такой, при котором богатые станут еще богаче, а бедные — еще беднее. В ближайшее время против большевиков, а точнее против вас, Михаил Александрович, Мясникова, Ландера, Любимова, Кнорина поведут огонь различные газеты, бюллетени, листовки. Считаю, что надо подготовиться и тоже через печать дать им бой. — Онищук на мгновение задумался и коротко закончил: — У меня все.

— Спасибо. Мы подумаем, что предпринять. Есть еще одна просьба к вам, Вячеслав Дмитриевич. Население города беспокоят участвовавшие случаи мародерства, грабежей и даже убийств. Дело усложнилось тем, что на свободу выпущены уголовники, которые своими действиями льют воду на мельницу наших политических противников. Особенно досаждают нам банда некоего Данилы. Имеются пока еще не до конца проверенные сведения, что Данила не кто иной, как жандармский шпик. Похоже, он был посажен к политическим, а потом из тактических соображений переведен к уголовникам и вместе с ними вышел на свободу. Все это делалось не без ведома вашего начальника. Не исключено, что фамилия шпики — Венчиков.

Онищук обещал выяснить все, что ему удастся, о Даниле Венчикове.

После этого путь Михайлова и Сони лежал к Губернаторскому саду, где была назначена встреча с Алимовым и Шяштокасом. Идти было неблизко, и они потопирапливались. Пересекли Захарьевскую, вошли в сад, свернули на одну из боковых аллей. Почти тотчас же им перегородили дорогу две темные фигуры. Михайлов рассмеялся.

— Вот видишь, Сонечка, чем не бандиты — на честных людей из-за куста нападают.

– А как же, – ответил Алимов, вскидывая светлую и в темноте копну волос, – с кем поведешься, от того и наберешься.

Пожимая руку Шяштокасу, Соня воскликнула:

– Альгис, а вы еще больше выросли!

– Замечено, что в тюрьме люди не растут. Это я на дрожжах свободы к небу потянулся. – Голос у Шяштокаса был мягким, а небольшой акцент делал его по-особому музыкальным. Он с грустью продолжал: – Ну, а что касается бандитов, то, к сожалению, нам отчаянно не везет. Мы уже знаем много уркаганов, но о банде Данилы – ничего.

Шяштокас стоял на бугорке и от этого в темноте казался настоящей каланчей.

– Ничего, ребята, – успокоительно проговорил Михайлов, – доберемся и до Данилы. И зря вы считаете, что даром время потратили. Нас же интересует не только банда Данилы, но и все те, кто хочет нагреть руки на наших трудностях, кто вообще не привык жить честно. Не сегодня так завтра придется круто братья за них.

– Вот как, – прервал его Алимов, – а Гарбуз почему-то думает иначе.

– Как иначе?

– А вот так. Считает, что это нам не нужно.

– Роман Петрович, поясни.

– Час назад нам представилась возможность воспользоваться телефоном. Мы позвонили в штаб. Вас не было, и к аппарату подошел Гарбуз. Мы доложили ему, что в районе Виленского вокзала крутится много подозрительных людишек. Есть среди них и откровенные жулики, мошенники и воры, но есть и такие, кто исподтишка проводит пропаганду и агитацию против большевиков. Гарбуз выслушал нас и говорит: «Все это чепуха. Мы берем на себя слишком много. Влезли в эту трясины преступности и хотим чистенькими из нее выбраться. Вынуждены теперь базарами, вокзалами заниматься, как будто другой работы у нас нет». А насчет этих явно кем-то подосланных агитаторов вроде и не слышит.

– Да, что-то непонятное, – потербил бородку Михайлов. – Ладно, товарищи, разберемся. День сегодня был тяжелый, Гарбуз, наверное, устал. А сейчас – новое задание.

Он рассказал о визите в милицию жены полковника Гриденберга, о загадочном доме, куда ее заманили, и о том, при каких обстоятельствах там было упомянуто имя Данилы.

– Вам надо каким-то образом проникнуть в этот дом и выяснить, не ведет ли действительно оттуда ниточка к Даниле. Заодно поинтересуйтесь, что нужно от этих цыган Антоновой. Говорят, будто у семьи Антоновых много ценностей и денег. Ну, а что касается Гарбуза, то я поговорю с ним.

Михайлов и Соня направились через сад к ажурному мосту, чтобы выйти к Магазиновой улице, а Алимов с Шяштокасом – в противоположную сторону.

Долго шли молча. Соня устала и не была расположена к беседе. Михайлов думал о Гарбузе. Старый товарищ, проверенный, как говорится, временем и делом, не раз в последнее время высказывал противоречивые суждения. Он, Михайлов, веривший Гарбузу беспредельно, как-то не сразу обратил на это внимания. И сейчас, размышляя, Михайлов как бы шел по следам собственной жизни. Снова вспомнились годы ссылки, затерявшийся в тайге поселок Манзурка. В жарких спорах с эсерами и анархистами его, Михайлова, всегда поддерживал Гарбуз. «Нет, здесь что-то не то. Не может быть, чтобы Гарбуз не понимал нашей роли в борьбе с преступностью. Завтра же еще раз поговорю с ним. Пусть почитает на этот счет Маркса, Энгельса и обязательно Ленина».

Так в молчании и прошли большую часть пути. Когда до штаба осталось каких-нибудь два квартала, из арки им наперерез шагнули трое. В темноте трудно было рассмотреть лица. Один из них, не тая злорадства, сказал:

– Ну что, гражданин-товарищ Михайлов, встретились?

И второй голос, чуть тоньше и с хрипотцой:
– Смотрите-ка, он не один, а с кралей! Жаль, что темно, не рассмотришь толком эту птичку...

КВАРТИРАНТЫ

Алимов принял план Шяштокаса. Они не пошли прямо в интересовавший их дом, а облюбовали себе другой, по соседству. Хозяева, пожилые муж и жена, встретили их настороженно. Низенький, со светлым пушком на макушке старик, подслеповато щурясь, строго смотрел снизу вверх на незнакомцев. Его жена с ухватом в руках стояла у русской печи.

Первым заговорил Алимов:

– Не возьмете ли на квартиру, люда добрые?

Старик скорее ради приличия, чем из интереса, спросил:

– А сами откуда будете?

– Мастеровые мы. Я – из Орши, товарищ – прямо с фронта. Прислали на работу в железнодорожные мастерские, а вот с жильем худо.

– А чего ж это вас направляют в Минск работать, а хаты не дают?

– Сами знаете, время военное, нас даже не спросили – взяли, как говорится, за шкуру и прямо сюда. Видать, паровозов да вагонов для военных нужд не хватает, коли людей, – Алимов кивнул в сторону Шяштокаса, – даже с передовой отзывают.

Вид Шяштокаса в военной шинели, должно быть, возымел действие, потому что старуха мягким грудным голосом спросила:

– А сколько ж вы хотите у нас жить?

– Ну, месяц, поди, три-четыре. Пока комнату, как обещают, не дадут.

– А как платить будете?

– Как договоримся. Можем за каждую неделю, можем – помесечно.

Старик прошел через всю кухню и сел на потемневшую от времени скамью. У него, очевидно, болела поясница. Он потер ее, а затем сказал:

– Далеко же вам до работы добираться будет.

– Это конечно, да что поделаешь. Город забит приезжими. Ближе к центру жилье трудно найти, да и плату такую заломят, что жалованья не хватит.

– А вещички-то ваши где?

– С собой их, что ли, таскать? – улыбнулся Алимов.

Если сговоримся – принесем.

Старик пальцем показал на Шяштокаса:

– А он что, немой?

– Почему – немой?

– Стоит, глаза пялит и молчит.

Шяштокас уже раскрыл было рот, но Алимов, понимая, что его акцент может ввести хозяев в недоумение, решил разъяснить, что к чему:

– Да нет, какой он немой. Просто-напросто литовец и по-русски не совсем хорошо говорит. Вот и стесняется своего произношения.

– А чего ж тут стесняться, – миролюбиво произнес старик и опять потер поясницу. – Все люди божьи твари, и у каждого народа свой язык есть. – Он вопросительно взглянул на жену: – Ну что, старуха, может, возьмем людей? Времечко же такое, да и нам гроши не лишние. А может, что из жратвы перепадет.

– Вы не сомневайтесь, – наконец заговорил Шяштокас, – мы не стесним. А может случиться, что и через неделю, если нам дадут комнату, уйдем.

Хозяин кряхтя встал, подошел к жене, отнял у нее ухват и поставил у печи:

– Так что молчишь, решай!

– Да я не супротив. – Она сделала приглашающий жест. – Вы только гляньте на хату нашу, а потом уже...

Алимов и Шяштокас прошли за хозяйкой и оказались в сравнительно небольшой, шага три на четыре, комнате. Из нее, как оказалось, вела еще одна дверь в сени – она была снаружи, из сеней, заставлена шкафом. Но, главное, что бросилось в глаза, – это окно, выходящее в сторону дома, где жили цыгане. Алимов взглянул в него и даже крякнул от удовольствия: дом и двор – как на ладони. Шяштокас понял, чему обра-

довался Алимов и, чтобы хозяева не обратили на это внимания, поспешил сказать:

– Ну что ж, это нам вполне подходит.

Затем все вышли в первую комнату, где договорились о плате за жилье. Алимов с Шяштокасом отодвинули от двери шкаф. Получалось, что они могли проходить в свою комнату, не беспокоя хозяев. Алимов сказал:

– Пожалуй, сегодня же и переберемся.

Хозяин, продолжая правой рукой держаться за поясницу, строго взглянул на жену:

– А ну, Петровна, налей нам по чарочке! – И, очевидно, боясь, что жена откажет, еще более требовательно добавил: – Надо же за знакомство да за новых постояльцев выпить. Да пошевеливайся!

Алимов, чтобы поддобриться к хозяйке, смущенно проговорил:

– А может, не надо? Неудобно как-то, только пришли и сразу же за стол. Мы лучше от себя магарыч принесем, когда придем с вещами.

Хитрость удалась – хозяйка решительно двинулась к буфету:

– Нет-нет, коль мы уже с вами договорились, то не грех и наливочки выпить.

И вот на столе уже стоит небольшой граненый графинчик с наливкой, соленые огурцы и тонко нарезанное сало.

Алимов и Шяштокас молча переглянулись. В эту минуту им было действительно неловко: заставили пожилых людей не только беспокоиться, но и делиться припасами. Старик понял, что смущает гостей:

– Да вы не стесняйтесь, живем мы со старухой одни. Сын, как призвали его в четырнадцатом в армию, так и канул, уже и надежду увидеть его потеряли. Держим пару свиней, огород у нас, так что не объедите. Я когда говорил о жратве, то имел в виду сахар и соль. Этого у нас действительно нет. Так что, если вам в пайку сахар да соль выдавать будут, то можете вместо грошей ими рассчитываться.

Шяштокас, который к этому моменту уже разделся, быстро прошел в угол, где висела его шинель, и достал из кармана небольшой сверток. Протянул его хозяйке:

– Возьмите. В честь нашего знакомства.

В свертке было три крупных куска сахара.

Хозяйка радостно улыбнулась и еще проворнее стала нарезать хлеб.

Первую стопку, как водится, выпили за знакомство, вторую – за спокойную жизнь. А наливка оказалась с подвохом: вишня была настояна на спирту. Хозяин налил по третьей стопке и, когда выпили, пояснил:

– Соседи у нас – цыгане. Иногда спиртом приторговывают. Вот и мы разжились у них.

– Спирт – это хорошо, – прицмокнул языком Алимов и неожиданно спросил: – А нам они не продадут?

– Если не по знакомству, то не продадут, – покачала головой хозяйка. – Они люди хитрые, к ним на козе не подъедешь.

Хозяйка говорила по-белорусски, и Шяштокасу, который в тюрьме продолжительное время общался с белорусами, не терпелось заговорить со старушкой на ее родном языке. Но он понимал, что сейчас этого делать не следует: можно вызвать подозрения. Спросил по-русски:

– А почему к этим цыганам нужен особый подход?

Хозяин успел слегка охмелеть. Он пренебрежительно махнул рукой:

– А что о них говорить! Жулье – оно везде жулье.

– Жулье-то жулье, – вмешалась хозяйка, – а ты погляди, как они живут: две коровы, свиньи три или четыре держат, харч всякий, даже сахару и соли по горло. И никто нигде не работает. Как они все это добывают?

– И даже спирт, – подогрел хозяйку Алимов.

Старик снова потянулся к графину. Хозяйка хотела было помешать ему, но уж больно ей по душе постояльцы пришлись – промолчала. Шяштокас предложил тост за хозяйку; та даже зарделась от удовольствия и смущенно пробормотала:

– Ну что вы! Чем за меня пить, выпейте лучше за здоровье.

Но Алимов поддержал друга:

– Нет, что вы, Петровна, видно ж, что хозяйка вы справная: и в доме все блестит, и гостей попотчевать можете, так что непременно – за вас. – Он первым опрокинул стопку. Подождал, пока выпьют хозяева, и осторожно возвратился к интересующей его теме: – Нет, что ни говори, а есть люди, которые даже в такое время жить умеют. А вот возьмите меня. Уже год, как язвой желудка маюсь. И врачи рекомендуют иногда немножко спирту выпить, а достать не могу. – Он внезапно повернулся к хозяйке. – Так что, пока там до знакомства дойдет, будем, Петровна, вас просить купить у них немножко спирту.

– Добра, коли треба, – схожу, мне яны не откажут.

– А семья у них большая?

– У цыган-то? – переспросил старик и безнадежно махнул рукой. – А кто их знает. Вроде как пять человек, да мы вот с ними рядом уже восемь годков живем и почти каждый день все новых видим. А, что с них возьмешь? Цыгане и есть цыгане. Ну их к лешему! – неожиданно оборвал разговор хозяин и уже в который раз оторвал руку от поясницы. – Вы лучше скажите нам, хлопцы, скоро войне конец аль нет? Неужели германца так и оставим на нашей земле? Весна вон уже на дворе, пахать пора, а мужики все или на фронте, или, как вы, на военных заводах и фабриках. Так ведь вся Россия без хлеба может остаться.

Старик, разумеется, прекрасно понимал, что ответа на свой вопрос не получит. Ему просто хотелось выговориться, излить перед кем-то душу, думку беспокойную выложить; он сидел за столом скособочившись и, пьяно вздыхая, говорил:

– Я, конечно, человек маленький и многого знать не могу. Оттого, может, меня вопросы и донимают. Ну зачем, скажите, царю нужна была эта война? Что, земля ему германская понадобилась? Так у нас ее своей сколько хочешь, даже пота селянского не хватает, чтобы полить

ее. И еще непонятно мне: царю, значит, отставку дали, а войну, которую он заварил, продолжаем. Выходит, она не только ему одному нужна была? Это ж тысячи людей каждый день гибнут. Не пойму, кому это надо.

Старик быстро пьянел, и вскоре речь его стала бесвязной, неразборчивой. Хозяйка с помощью Алимова и Шяштокаса отвела его в другую комнату, уложила на кровать. Старик тут же заснул.

Алимов и Шяштокас, поблагодарив хозяйку за угощение, распрощались.

– Первый шаг сделан, – легонько хлопнул друга по плечу Алимов, едва они свернули за угол. – Теперь надо с соседями познакомиться. Знаешь, у меня идея: завтра к цыганам вместе со старухой пойдешь и ты.

– А что я им скажу, чего это сразу к ним попрусь?

– А скажешь ты им вот что...

И теперь уже Алимов начал излагать Шяштокасу свой план.

ЧАРОН ВОСКРЕС?

Первое, о чем подумал Михайлов, – что голос одного из нападавших ему знаком. Двое перегораживали им с Соней дорогу, а один оказался за спиной. «Оружие у них, конечно, есть, – обдумывал положение Михайлов, – вон и руки держат в карманах. Но вряд ли прямо здесь, на улице, да еще недалеко от штаба, они откроют стрельбу».

У Михайлова тоже был наган. В правом кармане шинели. Но как незаметно достать его? А тут еще Соня. Она настолько испугалась, что вцепилась именно в правую руку мертвой хваткой. Чтобы выиграть время, Михайлов заговорил:

– Ну что ты, Сонечка? Не волнуйся, сейчас разберемся, в чем дело. – Сам же тем временем попытался освободить руку, чтобы выхватить наган. Нет, не удастся. Он затылком чувствовал бандита, находившегося за спиной. Все наверняка следили за каждым его движе-

нием. И Михайлов, успокаивая жену, обнял ее за плечи. Тот же грубый голос спросил:

– Ну что, товарищ Михайлов, побеседуем?

«Черт возьми, так это же Чарон! – узнал наконец шпики Михайлов. – Но мне же Гарбуз сказал, что Чарона нет в живых. Неужели он обманул городской комитет и не исполнил приговор?»

Изо всех сил сохраняя спокойствие, он сказал:

– Вы, Чарон, в своем амплуа. Что вам угодно?

– Смотри-ка, узнал-таки! – удивился Чарон. – А я думал, креститься начнет, увидев перед собой покойника, которому сам на подпольном суде требовал расстрела. – И тут же скомандовал: – А ну, марш в арку. Там, во дворе, и поговорим.

Михайлов хорошо изучил этот район и знал, что за аркой нет никакого двора – только развалины трех домов. Замысел бандитов был ясен: отвести в развалины и там убить. Самое важное сейчас – чтобы его не стали обыскивать. Скорее всего, они думают, что он безоружен. Надо воспользоваться этим! И Михайлов, слегка остановив Соню, с готовностью шагнул в черную пасть арки. Всего на секунду его правая рука оказалась вне поля зрения нападающих, но этого было достаточно. Михайлов выхватил наган, большим пальцем взвел курок и выстрелил в ближайшего бандита. Бил в упор, промах был исключен, и поэтому он, не мешкая, выстрелил во второго. Под сводами арки выстрелы гремели гулко и раскатисто. Метнулся назад, на тротуар. И вовремя: оставшийся бандит успел достать револьвер и целился в Соню. Михайлов опередил его – выстрелил, а сам одним рывком затащил вконец растерявшуюся жену под арку. Очевидно, бандит был ранен: он как-то неестественно подпрыгнул и бросился бежать вдоль стены дома. Михайлов огляделся: они с женой были одни.

Казалось, грохот выстрелов должен был поднять на ноги всю округу, но в наступившей вдруг тишине Михайлов слышал лишь всхлипывания Сони да свое собственное громкое дыхание. Двое сраженных его

пулями бандитов лежали рядом. Михайлов попытался рассмотреть, нет ли еще кого-нибудь под аркой, но лишь черная тревожная темень стояла под каменным сводом. Он протянул жене наган:

– На, держи. Беги в штаб, позови наших.

– Мишенька, а как же ты?

Михайлов сжал ее локоть и как можно спокойнее сказал:

– Все будет хорошо, но сейчас нельзя медлить. Беги, Сонечка, зови наших! – Подумал секунду и добавил: – Только беги серединой улицы.

Соня, сжимая в правой руке наган, быстро побежала по булыжной мостовой. Михайлов какое-то время смотрел ей вслед, затем на всякий случай отступил в темноту и так стоял, настороженно прислушиваясь к каждому шороху. Но все было спокойно. Даже грохот выстрелов, еще стоявший в ушах, казался чем-то нереальным.

«Странно, – думал Михайлов, – как будто ничего и не было: ни Чарона, ни бандитов, ни стрельбы».

Мысли его вдруг переключились на Гарбуза. Стало быть, он не исполнил приговора, вынесенного Чарону, и скрыл этот факт. Ничего себе! Теперь все выстраивалось в один ряд: его давешний спор с Любимовым, путанные рассуждения о либерализме, гуманном отношении к врагу. Что же все это значит? Нет, Михайлов не допускал, чтобы Гарбуз мог оказаться предателем. Здесь что-то не то. Но что?

Со стороны штаба послышался гулкий топот ног. Свои? Да, это была группа милиционеров. За ними следом прибежала и Соня. Михайлов приказал милиционерам прочесать близлежащие дворы и развалины. Трое при свете самодельных факелов приступили к осмотру места происшествия. Вскоре старший из них доложил:

– Один напавал, другой тяжело ранен, без сознания.

Соня держала мужа под руку и вся дрожала. Очевидно, только сейчас начала понимать, что с ними могло произойти.

На грузовом автомобиле приехали Мясников и Кнорин. Когда один из милиционеров вытащил из кармана убитого оружие, а затем перевернул его вверх лицом, Мясников воскликнул:

– Смотрите, уж не Чарон ли это?

– Он самый, Александр, наш давний знакомый.

– Так его же... – хотел что-то сказать Мясников, но Михайлов перебил:

– Подожди, Александр Федорович, разберемся чуть позже.

Убитого и раненого погрузили на машину, а Михайлов, Кнорин, Мясников и Соня пошли к штабу милиции пешком.

Михайлов проводил жену домой и сразу же поднялся в свой кабинет.

Мясников сидел на мягком старинном стуле и нервно барабанил пальцами по столу. Кнорин молча стоял у окна, Михайлов присел на кожаный диван и сразу заговорил о Чароне:

– Я его узнал по голосу и теперь жалею, что именно он убит, а не ранен.

– Чего жалеть? – проговорил Кнорин. – Ты просто восстановил справедливость и привел приговор в исполнение.

– Но как же случилось, что приговор оставался неисполненным? – вмешался Мясников. – Почему мы не знали об этом? Кто был ответственным за исполнение?

– Гарбуз, – угрюмо ответил Михайлов и тут же стал выкладывать по порядку все, что его тревожило последнее время в поведении Гарбуза.

– И что ты по этому поводу думаешь? – спросил Мясников.

– Если б не знал Иосифа больше десяти лет, не отбывал с ним ссылку – заподозрил бы самое худшее. Особенно сейчас, после этой истории с Чароном. Откуда бы ему, скажем, знать, что я настаивал на расстреле?

– Да-а, история, – глядя через окно в ночную мглу, проговорил Кнорин. – Скажем прямо, очень подозри-

тельная история. Она становится еще более загадочной, когда пытаешься ответить на вопрос: почему именно в это время бандиты тебя поджидали?

– А может, случайная встреча? – вслух подумал Мясников. Михайлов с сомнением покачал головой:

– Вряд ли. Чарон сразу же назвал меня по фамилии, а ведь было темно, не разглядишь...

В кабинете наступила тишина. Каждый по-своему обдумывал, анализировал ситуацию. На душе у Михайлова было тяжело. Он-то знал Гарбуза лучше, чем кто-нибудь, считал его не только товарищем по партии, но и другом. После долгой паузы он предложил:

– Через двадцать минут совещание, нам надо идти. Люди все в сборе. Разрешите мне одному поговорить с Гарбузом. Уверен, что после этого разговора я смогу ответить на вопрос, кто он: свой или враг.

Мясников и Кнорин не возражали.

Как ни старался Михайлов назавтра выкроить время, чтобы поговорить с Гарбузом, все было тщетно: одно за другим набегали неотложные дела. Ничего не оставалось, как перенести разговор на следующий день. Уже близко к полуночи он собрался наконец домой. Думал, что Соня спит, и был очень удивлен, когда в обеих комнатах и на кухне увидел свет.

«Набралась вчера страху, – тепло подумал о жене и вдруг остро ощутил свою вину перед нею. – Все, больше таскать за собой не буду».

Открыл дверь своим ключом, вошел и застал на кухне неожиданную картину: Соня с Надей Катуриной пили чай и мирно беседовали. Стараясь не шуметь, снял шинель и тихонько, на цыпочках прошел к кухонной двери. Соня и Надя настолько заговорились, что не сразу заметили его – он успел молча посидеть на краешке табурета, стоявшего у двери.

– Ну вот, посмотри на него, – делано возмутилась Соня. – Считанные дни в милиции, а повадка как у самого что ни на есть прожженного сыщика. – Она подошла к мужу, обняла его за шею:

– Устал?

Михайлов поднял голову и увидел ее глаза: они спрашивали о другом. Соня, конечно, была еще под впечатлением вчерашнего случая, и именно поэтому во всех комнатах горел свет. Соне было страшно одной в квартире. Надя, скорее всего, приехала недавно, когда он был на совещании.

Он хотел что-то сказать жене, но ограничился благодарным взглядом и подошел к госте:

– Ну, чаем тебя, я вижу, уже угостили. Теперь скажи, с чем к нам пожаловала?

– Скажу. – Надя лукаво улыбнулась. – Но сперва ты скажи, как Роман Алимов?

– Жив-здоров твой Роман, – рассмеялся Михайлов. – Знай он, что ты приехала, боюсь, и про задание забыл бы, сломя голову бросился б сюда.

– Задание? И что, я его не увижу?

– Года не пройдет, как увидишь, – Михайлов подсел к столу. – Итак, самые важные новости.

Надя вмиг посерьезнела:

– Во-первых, привет лично тебе, Мясникову, Кнорину, Ландеру и всем нашим товарищам. Во-вторых, я привезла новинки литературы, кое-какие партийные документы. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, я привезла тебе вот это. – Надя протянула Михайлову конверт, выждала, пока тот распечатает его, и сказала:

– Передал товарищ Ленин.

– А он что, уже в Петрограде?

– Да, несколько дней назад приехал. В мае будет напечатана его статья «Позабыли главное», в которой он делится мыслями о нынешней и будущей милиции. Владимир Ильич просил, чтобы вы прочли рукопись этой статьи и высказали свое мнение. Сам понимаешь, твое мнение как руководителя Минской милиции будет для Владимира Ильича очень важным. Он так и сказал: пусть не стесняется, если будет в чем-то несогласен. Ну вот, пожалуй, и все. А теперь, мои дорогие хозяева, без обиняков, дайте возможность бедной путешественнице, которая почти трое суток не спала, отдохнуть.

Пока Соня устраивала гостью на ночлег, Михайлов читал статью Ленина. Он так увлекся, что ничего не видел и не слышал. Некоторые места перечитывал по нескольку раз. Например, вот это: «...организовать ли сначала рабочую милицию, опираясь на рабочих крупнейших заводов, то есть на рабочих, наилучше организованных и способных выполнять роль милиционеров, или организовать сразу всеобщую обязательную службу всех взрослых мужчин и женщин в милиции, посвящающих этой службе одну или две недели в год, и тому подобное, этот вопрос не имеет принципиального значения. Если разные районы начнут по-разному, в этом нет худы: богаче будет опыт, развитие образования будет идти более плавно и ближе к указаниям практики».

Михайлов надолго и глубоко задумался, словно впитывая в себя суть прочитанного. Соня в очередной раз заглянула в кухню, улыбнулась про себя, тихонько прикрыла дверь и пошла к себе.

Часы пробили половину четвертого, когда Михайлов вспомнил, что пора ложиться. Еще раз, словно на прощание, пробежал глазами последний абзац: «Стойте за интересы бедного населения. Против империалистической войны... против восстановления полиции, за немедленную и безусловную замену ее всенародной милицией».

Откинулся на спинку стула: «Будем стоять, Владимир Ильич, будем создавать такую милицию».

ШЯШТОКАС ВСТУПАЕТ В ЗАГОВОР

День выдался по-настоящему весенним. А может, весна особенно чувствовалась здесь, на окраине? Ветви деревьев, земля жадно впитывали солнечные лучи – залог скорого обновления жизни. Покосившиеся бревенчатые хатки, выглядевшие совсем недавно сквозь сетку холодного дождя такими жалкими и заброшенными, враз похорошели, словно ожили.

Шяштокас, прошедший долгую зиму в тюремной камере, стоял, прислонившись спиной к теплой бревенчатой стене, впитывал в себя весеннее тепло и мурлыкал какую-то простенькую мелодию.

Вдруг он услышал непонятные звуки. Открыл глаза и увидел, что из соседнего двора, где жили цыгане, в огород их хозяев шмыгнула свинья. Грязная и худая, она, негромко хрюкая, разгуливала по прошлогодним грядкам. Немного погодя донесся грозный мужской голос: «Куда тебя занесло, так твою так!» Шяштокас узнал Сашку. Они с Алимовым за короткое время успели изучить жильцов соседнего дома: их было пятеро взрослых и семеро маленьких детей. Сашка, старший сын хозяина, крутым нравом и дерзостью превосходил даже отца – старого вора.

Не замечая Шяштокаса, Сашка еще раз матюгнулся и стал перелезать через затрепавший забор. «Подходящий момент», – мелькнуло у Шяштокаса, и он, не вынимая рук из карманов, плечом оттолкнулся от стены.

– Погоди, сосед, помогу. – Сделав вид, что не замечает Сашкиной растерянности, выломал хворостину и начал подходить к свинье. – Я ей отрежу путь от дома, а ты заходи слева.

Их маневр удался: свинья вынуждена была отступить к той же дырке в заборе, через которую проникла в огород, и возвратилась восвояси. Цыган отряхнул полу куртки, спросил:

– Ты что, здесь живешь?

– Ага, с другом тут на квартиру устроились.

– Я-то смотрю, что новый человек объявился.

– Соседи, стало быть, – улыбнулся Альгис. – Так что заходи в гости.

– Еще чего, – хмуро ответил Сашка, но через секунду поинтересовался: – Сам-то откуда?

– Что, не здешний по разговору? Я литовец.

– А как же в наших краях оказался?

– Война, – вздохнул Альгис. – Она таких людей, как я, словно карты в колоде тасует – куда хочет, туда и забросит.

Сашка посмотрел на Альгиса с интересом и впервые слегка улыбнулся:

– Картишками любишь побаловаться!

– Целый год на Серпуховской только и делал, что баловался. – Альгис весь напрягся – клюнет или нет?

Клюнуло.

– А за что тебя на Серпуховскую?

– Ишь ты, – усмехнулся Альгис, – любопытный. У нас, между прочим, таких вопросов задавать не принято.

– А что здесь делаешь?

– Да вот дружка встретил, в вагоноремонтных мастерских работает. Предложил, пока определюсь куда-нибудь, на его харчах пожить. Куда мне деваться, когда на любом перекрестке «товарищи» или «господа» за шиворот могут схватить и обратно на Серпуховскую или, еще хуже, снова в окопы отправить. – И Альгис неожиданно спросил: – А ты, значит, лошадьми промышляешь?

Сашка покрутил пальцем около виска:

– Какой сейчас прок с лошадей? Хороших для военных нужд забрали, а плохие кому нужны? Живем, что бог пошлет. – И вдруг предложил: – Чего нам стоять посреди огорода? Пойдем ко мне, по чарочке выпьем да и познакомимся поближе.

Альгис для вида поколебался и решительно взмахнул рукой:

– А, делать все равно нечего, пошли.

Они перелезли через забор и оказались в большом неухоженном дворе. Стоявшая под скатом крыши дырявая бочка была покрыта колесом от телеги; на стене сарая, прямо над бочкой, висел старый, с протертым войлоком хомут; тут же, на гвоздях, – ржавые обручи. У крыльца высилась куча мусора.

Отворилась дверь, из сеней вышел старик. Был он среднего роста. Огромная черная, прошитая серебром борода ниспадала на широкую грудь. Черные глаза из-под густых бровей смотрели недоверчиво и зло. Сашка, словно отвечая на его немой вопрос, сказал:

– Это наш новый сосед. Квартирует у Лельчиков. Человек, вижу, стоящий: сидел на Серпуховской, не работает и на фронт не торопится.

Старик продолжал смотреть на Альгиса немигающим взглядом. Казалось, его черные, какие-то жутковатые глаза проникали прямо в душу, читали мысли.

Но Альгис спокойно, даже с безразличием выдержал этот взгляд. «Ну и смотри, а мне нипочем, бояться некого».

Наконец старик словно оттаял и хрипло проговорил:

– Что ж, приглашай служивого в гости, а я свиней загону и тоже приду...

Спустя какой-нибудь час Альгис в компании отца и сына был уже своим. Сашка даже рассказал, как достает спирт. Оказалось, он чем-то помог одному врачу из армейского госпиталя, и тот долго еще будет расплачиваться за услугу спиртом. Сашка сидел сытый и хмельной и весело хвастал:

– А за спирт сегодня можно все, что хочешь, выменять. Хоть трехдюймовку, не говоря уже о харчах или одежде какой-нибудь.

Захмелевший Сашкин отец довольно кивал головой и мусолил в беззубом рту шкурку от сала.

– Как, говоришь, тебя звать, сосед?

– Альгис.

– Чем заниматься думаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Альгис. – На работу устроиться без документов трудно, а идти к властям – боязно.

– А чего боязно? Они же тебя выпустили из тюрьмы, так чего бояться?

Альгис понимал, что второго такого момента для сближения с цыганами может и не быть. Значит, надо именно сейчас постараться сойтись с ними поближе. Но нельзя и переиграть. Он сделал вид, будто колеблется, быть ему с хозяевами откровенным или нет. Старший понял его по-своему. Он тяжело поднялся из-за стола и направился в соседнюю комнату:

– Вы тут беседуйте, а я пойду посплю трохи.

Проводив отца взглядом, Сашка решительно рубанул ладонью по столу:

– Альгис, в моем доме можно говорить начистоту. Здесь живут люди, которые не болтают лишнего и по всякому случаю не бегают в полицию.

– В милицию, – поправил его Альгис.

– Один хрен, – небрежно махнул рукой Сашка. – Главное, чтобы мы доверяли друг другу.

– Ну смотри, – и Альгис принялся рассказывать заранее придуманную историю. – В общем так: в тюрьме я оказался не из-за политики. – Поехали с друзьями в тыл – надо было к передовой обоз с имуществом да харчами доставить. Ну, конечно, завернули пару повозок с грузом на сторону. Так надо ж... Обычно в неразберихе ночью, да еще когда немец постреливает, сходило, а тут на тебе – все по счету да по весу. Цапнули меня с друзьями и в карцер. Сидим в землянке. А сам знаешь, какой на фронте суд. У нас, правда, к стенке не ставили – в овраге расстреливали. Подумали мы, подумали и решили бежать. Постучал мой один дружок в дверь и попросился у часового по нужде. Ну, тот открыл, мы выскочили, разоружили мужика – и кто куда. Через неделю меня в Миңске поймали. Сказал, что отстал от своей роты, фамилией старого друга назвался, который до этого за месяц без вести пропал. В общем, заподозрили меня в дезертирстве и – в тюрьму. А когда царя скинули, к нам целая комиссия пришла. Давай у каждого пытать, кто, мол, и за что. Ну, а сбrehать я умею. Уже в городе дружка встретил, Романом зовут. Хороший хлопец, надо бы за него выпить... – и Альгис потянулся за графином.

Не успел он налить, как отворилась дверь и вошла светловолосая дородная женщина. Ее вид явно не вязался с запустением, царившим в доме.

– Здравствуйте! Саша, я к вам. Ничего новенького не скажете?

Сашка ухмыльнулся, кивнул на стул:

– Садись, мадам. Это мой друг, можете смело говорить при нем.

Женщина бросила брезгливый взгляд на предложенный ей обшарпанный венский стул, затем на Шяштокаса и осталась стоять.

– Я к вам все по тому же делу. Видели вы Данилу?

– Нет, не успел. Да, по правде сказать, не очень-то и спешил.

– Но мы же договорились, что вы только сведете меня с Данилой, а я за это вам заплачу.

Альгис догадался, что перед ним та самая Антонова, жена бывшего управляющего банком. Михайлов просил выяснить, чего она хочет от бандитов. «Как же это сделать? Ага, Сашка болезненно реагирует на недоверие к нему. Попробуем сыграть на этом».

– Саша, я вижу, мадам стесняется меня. Скажи ей, что я уже вышел из того возраста, когда краснеют, услышав что-нибудь пикантное. И спроси: может быть, я ей подойду вместо Данилы?

Женщина бросила на Сашку недоуменный взгляд. Очевидно, ее смутил акцент Шяштокаса.

– Простите, вы не местный?

– Я же у вас не спрашиваю, кто вы, хотя и подозреваю, что немка, – улыбнулся Альгис.

Этот ответ еще больше смутил женщину. Она, очевидно, решила, что перед нею немец, и поэтому спросила по-немецки:

– Шпрехен зи дойч?

Альгис молниеносно прикинул, что может означать этот вопрос. Скорее всего она хочет предложить Даниле какое-то опасное дело, но, видя, что Сашка не торопится, готова найти другого исполнителя. Конечно, стороннему человеку, будь он немец или кто другой, легче спрятать концы в воду. Что ж, если он правильно понял, тогда надо действовать. Он перекинулся с женщиной несколькими фразами по-немецки, понял, что стоит на верном пути, и заговорщицки подмигнул молодому хозяину:

– Сашка, позволь, я провожу нашу гостью, мы познакомимся и поговорим о деле.

Сашка, сильно опьяневший, безразлично махнул рукой:

– Давай!

Альгис, не мешкая, встал и, пропустив Антонову вперед, вышел во двор.

– Итак, я вас слушаю, уважаемая.

– Скажите, вы действительно можете мне помочь?

– Мадам, могу сказать одно: Данила доверяет мне больше, чем этому пьянчуге, Сашке. В то же время я здесь человек временный и ни с кем ничем не связан.

– Так уж и ни с кем?

– Ну, есть дружок, которому верю, как себе...

Поколебавшись, женщина, видно, окончательно решила, что это ей подойдет. Она остановилась и, глядя прямо в глаза Альгису, проговорила:

– Пожалуй, я доверюсь вам. Мы заключим устный, основанный на порядочности и честности договор. За работу я заплачу большие деньги.

– Что я должен сделать?

– Убить моего мужа...

СКАЖИ МНЕ, ТОВАРИЩ ГАРБУЗ...

Дверь резко распахнулась, и в кабинет энергично вошел Гарбуз. Спокойно взглянул на Михайлова:

– Звал, Михаил Александрович?

Михайлов отодвинул в сторону бумаги и некоторое время отсутствующим взглядом смотрел, как заместитель решительно пересекает кабинет, устраивается в кожаном кресле в стороне от стола. Всего сутки назад Михайлов жаждал встречи с Гарбузом, посылал за ним людей. Но за это время произошли события, которые притупили остроту предстоящего разговора. Вчера он, Михайлов, встретился с Онищуком, и сейчас все его мысли были заняты услышанным. В какой-то момент он, правда, подумал: «Что может быть важнее чистоты наших рядов?» Но тут же возразил себе: «Нет, речь ведь не идет о предательстве. Скорее всего

тут простое, пусть и опасное, заблуждение». Вернулся к сообщению Онищука.

Итак, предстоящий через два дня съезд военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта должен стать ареной решающей схватки с меньшевиками и другими реакционными силами. Уже целую неделю на фронте активно действуют буржуазные агитаторы — отвлекают солдат от революционной борьбы, склоняют их к войне «до победного конца». Особую тревогу у Михайлова вызвало сообщение Онищука о том, что на фронт прибыла англо-французская делегация, а также представители Временного правительства, среди которых были Щепкин, Родзянко, военный министр Гучков. Все они под лозунгом «защиты отечества» призывали к продолжению войны и поддержке буржуазного правительства.

«Правильно мы поступили, направив на фронт и наших людей. В оставшееся до съезда время важно создать в частях и соединениях как можно больше большевистских организаций. К съезду мы должны прийти во всеоружии, иначе борьбу за массы можно проиграть».

Михайлов словно забыл о присутствии Гарбуза, история, связанная с ним, отодвинулась на задний план. Наконец спохватился, но делать нечего, Гарбуз пришел и надо разобраться с ним.

— Скажи мне, товарищ Гарбуз, — Михайлов решил действовать напрямик, — почему ты не выполнил партийное поручение и отпустил Чарона?

Лицо Гарбуза начало быстро бледнеть. Очевидно, он ожидал разговора на любую тему, только не на эту.

В кабинете наступила тягостная тишина. Михайлову было тяжело вести этот разговор, и сейчас он ждал, что старый товарищ несколькими словами рассеет все подозрения. В глубине души Михайлов надеялся, что Гарбуз каким-то образом упустил Чарона и сейчас все объяснит, признает свое малодушие, проявившееся в том, что он трусил и не сообщил о побеге приговоренного к смерти шпика и провокатора. Но время шло, а Гарбуз молчал.

— Чего молчишь, Иосиф?

— Не знаю, как тебе объяснить, Михаил... Понимаешь, уже год, как я начал мучиться сомнениями...

— Не понимаю, — холодея от дурного предчувствия, глухо проговорил Михайлов.

— А чего здесь не понимать? Я думал, что мы сможем прийти к власти и удержаться не путем насилия, а по воле народа. Скажу тебе не таясь: я и сейчас так думаю. Голосованием, путем победы на референдуме... Но с оружием, через смерть? Нет, я против этого. — Гарбуз поднял глаза. — Вот поэтому я и отпустил Чарона. Ты прости, с этими оправданиями я обращаюсь к тебе как к товарищу, а не как к члену партии.

Михайлову нужно было немало сил, чтобы в глаза Гарбузу смотреть спокойно и твердо. В душе его бушевала буря. Перед ним сидел человек, с которым он дружил много лет, переносил тяготы ссылки, делил невзгоды и радости революционной борьбы. Казалось, не только мозг их, но и души, сердца были едины. И вот...

«Не сон ли это? — мелькнула и тут же исчезла мысль. — Нет, не сон, а страшная реальность. Имя ей — заблуждения человека».

— Значит, Чарона ты отпустил намеренно?

— Да, если можно так сказать.

— А ты не думал, что Чарон снова возьмется за старое? Будет отправлять наших товарищей в ссылку, тюрьму, даже на смерть?

— Он мне дал честное слово...

— Честное слово! — перебил его Михайлов. — Разве ты забыл, что такое честное слово жандармов, их шпииков?! Ты ли это, Иосиф? Я словно впервые вижу тебя.

— Я сказал: уже год, как я по-новому размышляю о смысле революции...

— Так вот что я тебе скажу: твои размышления или бред сумасшедшего, или мысли врага нашей партии. — Михайлов сделал паузу, тяжело вздохнул и продолжал: — Мне казалось, что ты во всем разбираешься прекрасно, и сейчас, не скрою, я в затруднительном по-

ложении: как тебе возражать? Одно скажу: хорошо бы прийти к власти и удержать ее мирным путем. Но ситуация не та. Ты что, не помнишь, как на мирные манифестации народа царь и буржуазия отвечали свинцом и виселицами? Ты и сам оказался в сибирской глуши не за то, что убил кого-то или украл, а только за то, что возражал, да, мирным путем возражал против власти царских сатрапов. И еще: мы, большевики, не рвемся к власти, а лишь исполняем волю трудового народа. У него, у народа ты спросил, как должно относиться к его врагам? Вот так-то... Подумай над этим, мы еще поговорим подробнее. Я благодарю тебя за откровенность, ну а что касается «честного слова» Чарона, то пусть тебе будет известно, чего оно стоит: он еще с двумя бывшими жандармами пытался убить меня и Соню. Может быть, случайность, что убит он сам. Говорю об этом, чтобы ты подумал о своем «милосердии». А теперь иди, мне надо работать. — И Михайлов придвинул к себе кипу бумаг.

СЪЕЗД

7 апреля зал минского городского театра забит до отказа. На первый фронтовой съезд прибыло тысяча двести делегатов, свыше ста человек присутствует в качестве гостей. Михайлов, сидя за столом президиума, краешком глаза рассматривает своих соседей. Слева, почти в середине первого ряда, сидит чопорный Родзянко, рядом с ним — улыбающийся Церетели и хмурый Чхеидзе. Михайлов чуть повернул голову левее — в поле зрения попали Скобелев и Гвоздев. Оба внимательно прислушиваются к тому, что шепотом говорит им главнокомандующий Западным фронтом ярый монархист генерал Гурко.

«Хорошенькая компания», — подумал Михайлов, разворачивая переданную ему записку. Сразу узнал почерк Мясникова: «Миша, среди делегатов очень много крестьян. Как ты смотришь на то, чтобы тебе выступить с приветствием?»

«А что, пожалуй, прав Мясников. Нельзя упускать момент».

Михайлов направил председательствующему записку с просьбой предоставить ему слово и стал ждать. Выступающие сменялись один за другим, и вот наконец:

— Слово для приветствия предоставляется председателю исполкома Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, начальнику Минской милиции, большевику Михайлову.

Михаил Александрович, направляясь к трибуне, пробежал глазами по первому ряду президиума и невольно еще раз подумал: «Однако ж сколько враждебных типов приехало на съезд...»

Прежде чем начать говорить, он окинул взглядом зал. Серые шинели, внимательные, напряженные лица. Большинство солдатских делегатов знало его — страстного агитатора-большевика.

Начал с того, что передал участникам съезда горячий привет от крестьян Минщины, а затем заговорил о том, ради чего поднялся на трибуну:

— Я внимательно выслушал выступления всех ораторов. Представители Временного правительства Родзянко и Щепкин призывали вас, солдат, продолжать войну до «победного конца». Позвольте спросить этих ораторов: за чью победу они ратуют? За победу трудового народа? Солдат, проливающих кровь и гибнущих под пулями на полях сражений? Нет, конечно! Им нужна победа, чтобы богатые стали еще богаче, бедные — еще беднее. Поэтому им не нравится предложение делегатов-большевиков рассмотреть на нашем съезде вопросы политической борьбы. Почему они боятся этого? Почему и Временное правительство, и генералы, сидящие в этом зале во главе с главнокомандующим Гурко, требуют, чтобы офицеры и солдаты не занимались политикой? Да потому, что невыгодно им это! Я хочу, чтобы вы, товарищи делегаты, обратили внимание на одну деталь. Когда речь заходит о законных требованиях рабочих, крестьян и солдат дать народам мир, землю

и работу, то есть о требованиях, с которыми выступаем мы, большевики, то нам говорят, что это, мол, вопросы политики и поднимать их на съезде не надо. Но вы слышали выступление лидера меньшевиков Чхеидзе. Ведь он, полностью разделяя взгляды империалистической буржуазии и реакционных генералов, прикрываясь ложнопатриотическими фразами, с пеной у рта отстаивает преступное требование продолжать войну до «победного конца». Чхеидзе договорился до того, что начал проповедовать общность интересов всех классов России. По его утверждению, никакого двоевластия в России не существует. Совет рабочих депутатов чуть ли не с радостью поддерживает Временное правительство. А теперь скажите мне, товарищи, разве все это не вопросы политики? Это во-первых. А во-вторых, такое можно сказать, извините, только от контузии. Но, насколько мне известно, пушки до Минска не достают. А Чхеидзе западнее Минска не был. — Михайлов выждал, пока утихнут в зале смех, и продолжал: — Большевистская партия — вот единственная и подлинная защитница интересов трудового народа, только ее политика может привести к удовлетворению требований революционных масс. И сегодня, осуждая попытки предыдущих ораторов отмежевать армию и крестьянство от политики и революционной борьбы, большевистские делегаты заявляют: ни один класс не может оставаться вне политики! Белорусы требуют передачи всей земли народу и осуществления подлинных демократических свобод. Крестьяне должны выступить заодно с рабочими и солдатами, это единение будет оплотом нового порядка.

Пункт за пунктом разбил Михайлов доводы меньшевиков и эсеров и, провожаемый громом аплодисментов и одобрительными криками делегатов, пошел к своему месту. Взглянул в президиум: веселые лица товарищей, злые, хмурые и растерянные глаза противников.

Съезд осудил кампанию лжи и клеветы против рабочего класса и его партии и принял резолюцию, в кото-

рой указывалось, что эта кампания отражает стремление имущих классов посеять рознь и недоверие между армией и революционным народом, что требования рабочих должны быть поддержаны армией. По предложению делегатов-большевиков съезд призвал к бдительности по отношению к Временному правительству.

Хотелось поделиться радостью, отпраздновать успех. Михайлов пригласил на чашку чаю Мясникова и Любимова. Соня и Надя Катурина хлопотали на кухне; в комнате на столе стоял пышущий жаром самовар.

— Твоя записка, Саша, подспела кстати, — говорил Михайлов. — Получилось, что я взял слово в самый подходящий момент — не рано и не поздно. Можно сказать, трибуну съезда мы использовали как нельзя лучше.

— Да, Миша, — согласился Мясников. — И главное — наши слова дошли до солдат.

— Верно, — кивнул Михайлов. — Но этого мало. Надо развить успех, через Минский Совет и фронтовые комитеты закрепить свое влияние на солдатские массы. Предлагаю направить на фронт еще группу авторитетных товарищей, чтобы выявить и привлечь к активной политической деятельности новые силы...

В это время в комнату вошел Алимов.

— Добрый вечер! Не помешаю?

— А, Роман! — поднялся Михайлов. — Входи, входи. У тебя, знаешь, нюх. Почуял, что Надежда приехала?

— А что, она, правда, здесь? — обрадовался он.

— Иначе ты не пришел бы.

— Что вы, Михаил Александрович, я же по неотложному делу.

— Правильно, что пришел, Роман! Проходи присаживайся. Вот будет Наде сюрприз!

Михайлов усадил Алимова, а сам, подмигнув друзьям, направился в кухню. Женщины, занятые приготовлением ужина, не заметили прихода Алимова. Михайлов осторожно из-за плеча жены бросил взгляд на кухонный стол. Соня восприняла это по-своему и, стараясь сделать сердитое лицо, сказала:

– Что, опять будешь хватать на ходу? А ну, марш к столу, а то схлопочешь у меня. – Она повернулась к Наде. – Надюша, не выходи замуж, а то придется все время воевать с мужем на кухне. – И Соня, обхватив мужа за шею, чмокнула его в щеку.

– Ничего себе война! – расхохоталась Надя и понесла гостям тарелки с едой. Михайлов с улыбкой посмотрел ей вслед. Как только Надя локтем отворила дверь в комнату, где был накрыт стол, смех ее оборвался. Соня вопросительно взглянула на Михайлова.

– Немая сцена, – объяснил он. – Там Роман объявился. Кажется, у них далеко зашло. Предсказываю: кончится все это свадьбой.

– А что, прекрасная пара.

Соня вручила мужу огромное блюдо с дымящей картошкой, и они направились к гостям...

После ужина Мясников и Любимов распрощались, женщины стали убирать со стола, а Михайлов и Алимов уединились в дальнем углу комнаты. Алимов рассказал об удаче Шяштокаса.

– Понимаете, – говорил он, – эта Антонова решила убить своего мужа и предлагает за эту работу золото. Альгиса она приняла за человека из банды Данилы.

– Ясно. Ну и о чем они договорились?

– Завтра встречаются у Губернаторского сада.

– Что вы предлагаете?

– Мы с Альгисом решили пойти на встречу вдвоем. Есть кое-какие соображения.

– Да, но вы же вынуждены будете дать согласие на убийство, – задумчиво пощипал ус Михайлов.

– Конечно. Не то Антонова найдет настоящих убийц, тогда беды не миновать.

– Да, пожалуй, ты прав. Значит, перед тобой и Шяштокасом двойная задача: продолжать искать выход на банду Данилы и одновременно выяснить, почему эта дамочка хочет избавиться от мужа. Завтра утром у меня будут подробные сведения об Антоновой и ее муже. Ну, а сейчас ступай к Наде, а то, поди, тебе уходить уже скоро.

– Я ее приглашу погулять полчаса, – краснея, ответил Алимов.

– Ну что ж, погуляйте, ваше дело молодое...

ХЛОПОТЫ С БУДУЩЕЙ ВДОВОЙ

Михайлов во главе группы большевиков выезжал на фронт. Перед отъездом он встретился с Мясниковым, Кнориным и Любимовым. Разговор шел о Гарбузе. Любимов был категоричен: Гарбузу доверять нельзя, его надо исключить из партии и освободить от должности заместителя начальника милиции. Михайлов рассуждал иначе.

– Понимаете, – убеждал он товарищей, – на должность его поставил городской Совет, в котором, как вы знаете, заседают не только большевики. Стоит ли давать нашим противникам повод кричать о разногласиях в партии большевиков? Во-вторых, честное слово, не верится мне, что Гарбуз окончательно потерянный для партии человек. Ведь сколько я с ним соли съел сибирской, кажется, не было в жизни такого экзамена, которого бы он не выдержал. Нет, надо проявить терпение, дать ему возможность разобраться с собой, а уж потом принимать решение.

– Так-то оно так, – задумчиво промолвил Мясников, – но будет ли правильным, что делом банды Данилы придется заниматься ему?

– Нет, и это учтено, – сказал Михайлов. – За Гарбузом общее руководство милицией, а бандой я поручил заниматься Антону Михайловичу Крылову, как начальнику уголовного отделения.

На том и порешили: Гарбуз остается за Михайлова, работать он будет под контролем Мясникова и Любимова, а розыск и поимка банды возлагаются на Крылова.

Антон Михайлович Крылов начал с того, что в помощь Шяштокасу, выполняя наказ Михайлова, выделил своего сына Алексея и Николая Дмитриева, а

Алимову, который благодаря Шяштокасу тоже свел знакомство с цыганами, – Солдунова.

В тот вечер в кабинете у Антона Михайловича собрались Шяштокас, Дмитриев и Алексей Крылов. Крылов спросил Дмитриева и Алексея, что им удалось выяснить об Антоновых. Докладывал Дмитриев:

– К первоначальным анкетным данным добавилось следующее. До декабря шестнадцатого года Антонов Любомир Святославович работал управляющим банком, но в связи с ухудшением здоровья работу в банке оставил. Характеризуется как очень богатый человек. Владеет небольшими, правда, предприятиями в Москве, Смоленске. В начале четырнадцатого года при весьма загадочных обстоятельствах погибли его жена и семнадцатилетняя дочь. Они были на загородной даче. Случился пожар. Дом и находившиеся в нем мать и дочь сгорели. Тут загадка: обычно при подобных обстоятельствах жертв не бывает. В услужении у них были двое мужиков из местной деревни, которые бесследно исчезли. В марте пятнадцатого года Антонов женился на некоей Журавкиной Людмиле Андреевне, которая до этого была его любовницей. Она якобы переехала в Минск еще в тринадцатом году из Смоленска. Детей у них нет. Близких родственников у Антонова тоже нет. Получается, что Журавкина-Антонова, избавившись от мужа, беспрепятственно завладеет его капиталами, а также двумя шикарными домами в Крыму и на Кавказе.

– А какой ей резон в это тревожное время терять опору в лице мужа? – задумчиво спросил Антон Михайлович.

– О, резон есть! – улыбнулся Дмитриев. – Нам известен человек, на которого Людмила Андреевна очень рассчитывает. Любовник.

– Кто он?

– Служащий того же банка.

– Ишь ты, с банком тоже не хочет расставаться, – усмехнулся Антон Михайлович и спросил: – А почему бы ей не избавиться от мужа с помощью любовника? Ведь это гораздо дешевле обойдется.

– Мы с Алексеем об этом подумали и проверили. Оказывается, любовник в отъезде, и на службе его ожидают только в мае.

– Скорее всего, – вставил Алексей, – она решила всю операцию провести за время его отсутствия. Сюрприз, так сказать.

Антон Михайлович спросил у Шяштокаса:

– Альгис, когда у тебя встреча с этой дамочкой?

– Сегодня в восемь вечера.

– Где?

– На углу Магазиной и Губернаторской.

– Ты ей, кажется, обещал своего напарника привести?

– Вроде того. Но я имел в виду Романа. Впрочем, откуда ей знать, кого я имел в виду? Сойдет и Николай, – улыбнулся Альгис Дмитриеву.

– Хорошо, – Антон Михайлович вытащил из кармана часы на толстой цепочке. – Сейчас половина седьмого. Встретитесь с Антоновой и снова приходите сюда, подумаем, что делать дальше. – Крылов взглянул на сына. – Ты, Алексей, будешь сопровождать их. Держись в сторонке. Когда хлопцы закончат переговоры, проследишь за Антоновой: куда она пойдет? И тоже приходи сюда.

Отпустив ребят, Крылов потянулся к телефону, но позвонить не успел – вошел Гарбуз.

– Ты один, Антон Михайлович?

Крылов шутливо заглянул под стол, огляделся вокруг:

– Да, вроде один.

– Понимаешь, только что от меня ушел бывший надзиратель. Он еще раньше навел меня на след Данилы. Так вот, ему удалось выяснить, что Данила – это действительно Венчиков Кузьма Константинович, офицер жандармерии. Приметы... – Гарбуз заглянул в бумажку, которую держал в руках: – Он высокого роста, высокий узкий лоб, большие залысины, в верхней челюсти слева – два золотых зуба. – Гарбуз помолчал, раздумывая о чем-то своем, затем тихо сказал: – Похоже, что он действительно не только организовал, но и

возглавил банду из убийц и воров. Невероятно! – Он взглянул на Крылова. – Так ты, Антон Михайлович, скажи, пожалуйста, об этом Алимову и Шяштокасу. Пусть они будут поосторожнее: чувствуется, что Венчиков и его дружки способны на все. Невероятно!

Гарбуз в глубокой задумчивости вышел.

Крылов поднялся из-за стола и беспокойно прошелся по кабинету. Случилось так, что ему, рабочему человеку, только и знавшему в жизни, что шумный цех, лязг металла, на склоне лет поручено совсем незнакомое дело. В тиши кабинета он должен высчитывать тех, кто противится переменам либо хочет обернуть их на свою корысть. Но что поделаешь, коль партии надо, чтобы он стоял на этом посту – он будет стоять. В очередной раз достал из кармана часы. Дело шло к восьми. Как там хлопцы?

В это самое время Шяштокас и Дмитриев подошли к перекрестку Магазиновой и Губернаторской. На углу остановились, закурили. А вот и Антонова. Она, очевидно, торопилась – дышала тяжело и часто. Похудевались. Шяштокас представил ей Дмитриева:

– Это и есть мой дружок. Через одну решетку на небо смотрели, так что повязаны на всю жизнь.

Антонова придирчиво осмотрела Дмитриева: здоровенный, угрюмый да еще с уголовным прошлым – как раз то, что нужно.

– Пройдемте во двор, там и поговорим. – Не дожидаясь ответа, она первой шагнула в полутемную арку. Двор был глухой, зарос лебедой и какими-то мелкими кустами. Очевидно, Антонова заранее облюбовала его, потому что уверенно свернула налево. Пройдя десяток метров, они оказались у небольшой самодельной скамьи. Сели. Антонова сразу же перешла к делу:

– Я вижу, что вам вполне можно доверять. Не надо ни рассказов о себе, ни ваших имен. Впрочем, как я понимаю, вам тоже нет дела до того, кто я.

Дмитриев грубовато спросил:

– Что от нас требуется?

– Я уже говорила вашему другу, – Антонова нашла в себе силы улыбнуться Шяштокасу. – Я хочу, чтобы вы помогли мне избавиться от мужа. План такой: в тот день и час, когда я вам скажу, вы под видом водопроводчиков приходите в дом номер шесть по улице Петропавловской. Там будет мужчина по имени Любомир Святославович – это и есть мой муж. Ваша задача... Ну, в общем, вы знаете.

Шяштокас спросил:

– Сколько?

– Что сколько? А-а... По пять золотых десятирублев. Рассчитаемся и разойдемся навсегда. Вы меня не видели и знать не знали, я вас – тоже.

– Думаете, это так просто? – с сомнением проворчал Шяштокас.

Антонова поняла его по-своему.

– Хорошо, плачу по семь монет. Если вас и это не устроит – найду других, поговорчивей.

– Когда надо? – спросил Дмитриев.

– Дело должно быть сделано до конца этого месяца.

Поколебавшись, Шяштокас и Дмитриев вынуждены были «уступить». Но Дмитриев, как и было условлено с Шяштокасом, сказал:

– Я считаю, что дом – не самое подходящее место: может подняться шум, прибегут соседи, зайдет, скажем, письмоносец или кто из знакомых. Нет, здесь надо все хорошенько обмозговать. Дайте нам денек, мы все обдумаем и завтра предложим свой план.

– Не возражаю. Встретимся на этом же месте, но только не завтра, а через два дня. На завтра и послезавтра мы приглашены в гости.

Алексей Крылов пришел в штаб, когда Антон Михайлович уже выслушал доклад Шяштокаса и Дмитриева.

– Ну, – подался он навстречу сыну, – что делала после свидания с нашими хлопцами будущая вдовушка?

– В наилучшем расположении духа пошла домой.

– Еще бы, – съязвил Дмитриев, – мужика договорилась укокошить – чем не праздник?

Антон Михайлович был сосредоточен и хмур. Он понимал свою ответственность и не торопился с принятием решения. Спросил:

– У кого какие предложения?

– Одно предложение, – сказал Шяштокас. – У Антоновой много золота, а мы должны помнить, что золото это принадлежит народу. Поэтому надо узнать, где она его прячет. Сама же эта дамочка вряд ли отдаст.

– Та-ак, – протянул Антон Михайлович. – У кого еще что?

Заговорил Алексей:

– Считаю, что нам не помешало бы разобраться в причинах смерти первой жены Антонова.

– Правильно, – поддержал Алексея отец. – Ты этим и займешься. Завтра же побывай в полицейских архивах, поищи дело, а затем, я думаю, тебе придется съездить и в деревню, вблизи которой находился дом Антонова. – Антон Михайлович обвел усталыми глазами своих подчиненных и закончил: – Я поручил трем нашим товарищам, чтобы с сегодняшнего дня они неотступно следили за барыней.

ЛОШАДИ ДЛЯ ДАНИЛЫ

Роман Алимов чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Последний приезд Нади многое решил: в тот самый вечер, когда они встретились у Михайлова, Роман сделал ей предложение. Надя ответила согласием, хотя и не сразу, а уже на вокзале, когда уезжала в Петроград. Договорились, что свадьбу сыграют осенью: к тому времени Надя рассчитывала перебраться в Минск.

Повезло ему и в другом. С помощью Шяштокаса Роману удалось сблизиться с Сашкой, и теперь он ежедневно проводил время у соседей. Какую-то роль сыграло и его имя, распространенное среди цыган. Даже то, что Альгис долго не показывался, Роман сумел обратить на пользу дела, чтобы еще больше войти в доверие.

Было это так. Однажды под вечер, когда они с Сашкой сидели на бревне возле сарая, в котором шумно всхрапывали лошади, тот неожиданно спросил:

– Что это Альгис где-то пропадает?

– Да подвернулась ему в городе какая-то работа.

– Не знаешь – какая?

Роман на мгновение задумался. Сказать, что не знает, значит, какие же они с Альгисом друзья? Придется приоткрыться, хотя это и повлечет за собою другие вопросы.

– Точно не знаю. Он мне только сказал, что познакомился с какой-то барыней и та поручила ему одно выгодное дельце.

– А, помню, – весело улыбнулся Сашка, – эта баба к нам домой наведывалась пару раз. Пронюхала, стерва, что я знаю Данилу, и все просила, чтобы я их познакомил.

– Что, влюбилась?

– Ха, влюбилась! Ей Данила нужен для какого-то дела.

– А кто такой Данила?

– Ты что, не слышал? Ого, это, я тебе скажу, мужик! Он при любой власти не растеряется. То квартиру богача грабанет, то магазин раскурочит, то кого-нибудь на тот свет отправит. Большой человек!

– И ты что, вправду с ним знаком или этой барыне мозги пудрил? – спросил Роман.

Сашка почувствовал восхищение в его голосе и, приосанившись, с гордостью ответил:

– Запомни, Рома, у Сашки связи везде. Ты меня еще не знаешь. Друзей у меня вот столько! – Он провел ребром ладони по горлу. – А с Данилой у нас так: он мне, я – ему. Вот, например, на завтра он просит у меня пару лошадей. Я, конечно, дам, потому что за Данилой не пропадет.

Чтобы не выдать волнения, Роман какое-то время молчал.

– А ты откуда знаешь Данилу?

– О, это длинный разговор, – улыбнулся Сашка. – Я его давно знаю, уже несколько лет. – Он огляделся и,

понижив голос, почти шепотом сказал: — Данила — это кликуха его, а на самом деле он жандармский офицер. Ротмистр, что ли. Я лично ему пару раз помогал большевичков брать на сворку. Платит Данила хорошо. А теперь у него задание: подделаться под бандита и новой власти всячески вредить.

— Постой, постой, а как же эта мадам узнала, что ты дружишь с Данилой? Может, ее подослали?

Обеспокоенность Романа не осталась не замеченной Сашкой, и он доверительно сказал:

— Черт ее знает откуда она узнала. Во всяком случае, Данила не клюнул, а попросил меня выяснить, кто она такая и зачем он ей понадобился. А баба, видать, ушлая. Так ничего про себя и не сказала. Ну, Данила уперся, не захотелось лезть на рожон. Тогда я твоего Альгиса с нею и познакомил.

И Сашка рассказал, как состоялось это знакомство. Роман про себя отметил: все совпадает с тем, что рассказывал Альгис. Конечно, очень хотелось задать цыгану еще вопрос-другой насчет Данилы, но он понимал, что излишнее любопытство может вызвать подозрение, и решил больше этой темы не касаться. Вернулся к разговору о войне, с которого они начали.

— Это же сколько народу гибнет!

— Я лично не против войны, — ухмыльнулся Сашка, — мне от нее ни холодно ни жарко.

— А если в армию заберут да на передовую?

— Кого, меня? Тоже скажешь. Да меня тот же Данила хрен отдаст. И вообще, где ты видел, чтобы цыган в армии служил? Во-первых, армия бы без лошадей осталась, а во-вторых, я воевать могу только кнутом, да и то больше с бабами. Нет, Роман, хоть имя у тебя нашенское, цыганское, но не понимаешь ты мою цыганскую душу...

Назавтра, едва забрезжил рассвет, Алимов поспешил в штаб. Хозяевам сказал, что идет на работу. По дороге несколько раз оглядывался, сворачивал в проходные дворы — проверял, не следит ли кто за ним. Все было в порядке, и через час он входил в кабинет Кры-

лова. Антон Михайлович в этот момент разговаривал с Солдуновым. Увидев Алимова, улыбнулся:

— Легко на помине. К тебе как раз вот Петр собирается идти, а ты сам с утра пораньше явился. Садись, Роман Петрович, рассказывай. Чует мое сердце, что не зря прибежал с самого утра.

— Да, Антон Михайлович, ты прав. — И Алимов передал свой вчерашний разговор с Сашкой.

Крылов, обычно неторопливый и спокойный, вскочил и взволнованно заходил по кабинету.

— Выходит, не ошиблись мы с этими цыганами. Что ты, Роман Петрович, предлагаешь?

— Я думаю, надо немедленно организовать наблюдение за домом цыган. Выждать, когда придут за лошадьми или когда Сашка их сам поведет, посмотреть — куда, а затем по горячему следу нагрянуть.

— Все правильно, но трогать их не будем. Бандиты наверняка что-то задумали, иначе зачем бы им лошади? Брать их надо обязательно с главарем. Значит, так: даю вам, хлопцы, четырех человек, чтобы вместе с вами следили за домом цыган. Но ты, Роман, если лошадей поведет кто-либо из тех, кто знает тебя в лицо, за ним не иди, рисковать не стоит. Может, так случится, что еще понадобятся люди для задержания бандитов. Для этой цели будем держать наготове два взвода солдат-милиционеров и два грузовика. Для связи с вами попрошу у Гарбуза легковой автомобиль. Вопросы есть?

Алимов и Солдунов молчали.

— Ну что ж, тогда, как говорится, с богом...

День клонился к вечеру, когда Солдунов с зеленой лужайки, что была напротив дома цыган, увидел, как отворились ворота и в них появился цыган, державший под уздцы двух лошадей. Это был Сашка. Он стоял на улице, выжидая, пока отец закроет ворота, а затем неторопливо двинулся вдоль забора. Солдунов посмотрел вправо, где под кустом устроились еще двое товарищей, и подал им знак. Те сразу же поняли и осторожно последовали за цыганом. Потом Солдунов

хотел было зайти за Алимовым, но тот уже сам спешил ему навстречу:

— Я видел, как Сашка вывел лошадей, но не хотел выходить — во дворе был его отец.

— Правильно сделал. Ну что, пошли? А то наши хлопцы уже вон за угол свернули.

Идти пришлось почти полчаса. Наконец они увидели, как Сашка ввел лошадей во двор большого дома, стоявшего на отшибе, поодаль неказистых соседних домишек. Вплотную к хозяйственным постройкам подходил лес. Высокий забор, огромные дубовые ворота скрывали от глаз происходящее во дворе. Не успели Алимов и его товарищи обдумать положение и решить, что делать дальше, как из ворот вышел Сашка и быстрым шагом двинулся в ту сторону, откуда пришел.

Солдунов наклонился к Алимову:

— Пошлем за ним кого-нибудь из наших?

— Не стоит. Он наверняка домой. Давай лучше постараемся во двор заглянуть.

Вскоре, обогнув по большой дуге забор, они оказались с обратной стороны дома. Тут забор был невысок. За ним — засаженный картошкой огород, два больших бревенчатых сарая. Около одного из них стояли на привязи Сашкины лошади.

— Смотри, Роман, — тронул за рукав Алимова Солдунов, — а со двора можно и в эту сторону выехать.

И действительно, в углу ограды были вторые, как бы замаскированные ворота.

— Ага, и трава примята, — согласился Алимов. — Значит, пользуются этими воротами. И след, видишь, в лесу. Но, скорее всего, днем они не тронутся с места. Поэтому вы с хлопцами продолжайте наблюдение, а я съезжу в штаб. Доложу Крылову. Пускай наших людей на грузовиках доставят в лес. Может, придется брать бандитов.

Он быстро нашел в условленном месте выделенный для связи легковой автомобиль и минут через пятнадцать был уже в штабе.

Крылов, выслушав его, отдал приказ грузиться. По прибытии на место автомобили укрыли в лесу, людям скомандовали привал, а Крылов и старшие групп залегли на опушке. Алимов тем временем встретился с Солдуновым и узнал, что в дом прошло еще пятеро мужчин.

Стали совещаться, как быть дальше. Алимов, которому не терпелось покончить с бандой, предложил, не дожидаясь темноты, нагрянуть в дом и всех арестовать.

— Понимаете, — горячился он, — в темноте они могут дать деру.

— Нет, Роман, не горячись, — возразил Крылов. — Что толку, что мы кусок хвоста у змеи оттяпем, — жало-то останется. Данилы, судя по всему, в доме нет, возьмем только мелкую сошку. А темнота нам на руку: пойдем по следу и, гляди, до самого Венчикова доберемся.

Время шло. Начало смеркаться. Основная группа подтянулась к опушке. Когда совсем стемнело, Крылов приказал Солдунову проникнуть во двор и постараться выяснить, что происходит в доме.

— И возьми-ка с собой Галкина. Пусть привыкает к нашей работе и заодно разомнет плечо.

Григорий Галкин, которому по возрасту больше подходит имя Гриша, недавно вышел из госпиталя, где залечивал раненное на фронте плечо, по решению большевистской организации был направлен в милицию.

Солдунов первым перелез через забор, осмотрелся и шепотом позвал Григория: «Давай за мной!» Еще днем Солдунов насчитал в доме двенадцать окон, четыре из которых выходили во двор. Два из них неярко светились. Разведчики двинулись было на свет, но тут возле сарая послышался какой-то шум. Залегли, вгляделись. Несколько человек молчком запрягали лошадей. Двигаться к дому было опасно, и Солдунов с Григорием вернулись к своим.

Не прошло и часа, как по цепи от наблюдателей поступил сигнал: со двора выехали две груженные под-

воды и в сопровождении десяти-двенадцати мужчин двигаются в сторону леса.

Крылов распорядился:

– Хлопцы, тихонько пойдем за ними. У машин оставьте по три человека. – Он приблизился к Солдунову. – Петя, возьми с собой пятерых хлопцев и держись поближе к подводам. За вами пойдет еще группа – человек десять, а потом уже весь отряд. Связным будет Галкин. Галкин, ты где?

– Здесь я.

– Как плечо?

– Нормально, могу даже на руках пройтись.

– На руках не надо, ножками пойдешь за Петром. Будешь на связи с нашей группой.

Солдунов собрал выделенных ему людей и повел к тому месту, где дорога, по которой удалялись телеги, входила в лес. К Крылову подошел Алимов:

– Слушай, Михалыч, я думаю, пару хлопцев надо бы оставить наблюдать за домом. Возможно, придется делать обыск.

– Молодец, Роман. Спасибо, что подсказал. Я выделю людей. А ты жми, браток, к своим хозяевам.

– Как это? – возмутился Алимов. – Я столько времени убил, чтобы выяснить все, а ты меня...

– Не дури, Роман, – прервал его Крылов. – Ну посуди сам: в банде у этого Венчикова не меньше сорока человек, а здесь всего дюжина. Видно, придется тебе еще побыть в соседях у цыган. Поэтому давай, Петрович, ситай домой и ложись спать, вроде бы знать ничего не знаешь.

А телеги, поскрипывая колесами, одна за другой въезжали в лес. Бандиты вели себя спокойно: громко переговаривались, курили.

Солдунову и его людям не составляло труда держаться в полусотне шагов за ними. Шли долго. Уже за полночь впереди показались расплывчатые силуэты каких-то строений. Это был хутор: большой дом, три сарая за глухим забором. Злобно залаяла собака, тут же к ней присоединилась вторая. В одном из окон дома

засветился огонек – очевидно, кто-то зажег лучину. Бандиты остановили лошадей у больших ворот. Солдунов шепотом приказал Галкину бежать с донесением к Крылову, а остальным оставаться на месте. Сам же, пригибаясь, осторожно двинулся к хутору. Вскоре он уже четко различал голоса. Кто-то, видно, молодой парень, спросил:

– И долго мы тут будем околачиваться?

– Сколько прикажут, – слышался хриплый ответ.

Во дворе кто-то прикрикнул на собак, роздался лязг металла, и ворота отворились. Встречавший негромко и ворчливо произнес:

– Где вас черти носят? Думал уже, с дороги сбились.

– А ты не думай, – весело ответил кто-то невидимый в темноте. – Тебе, Карлуша, думать нельзя, лишний расход мозгов.

– Ладно тебе, балаболка, загоняй лучше лошадей да подводы разгружай, а то назад не успеете.

– А мы сегодня назад не пойдем. Приказано переночевать, а завтра, как стемнеет, – обратно!

Это были ценные сведения, и, едва телеги стали въезжать во двор, Солдунов поспешил к Крылову. Антон Михайлович, выслушав его, чертыхнулся:

– Значит, не все бандиты здесь. Да и того, кто отдает приказы, иначе сказать – Данилы, с ними нет. Что будем делать?

– Может, выждать, пока уснут, и захватить всех? – предложил Солдунов.

– Я уже подумал об этом, – угрюмо проговорил Крылов. – Но что это даст? Ну, захватим то, что они привезли, группу бандитов обезвредим. А остальные тут же поменяют явки, отрубят концы, и нам придется начинать все сначала. Нет, давай сделаем так: оставим несколько человек для наблюдения за хутором, не будем сводить глаз с того цыганского гнезда, а когда выясним, где скрываются Венчиков и остальные бандиты, тогда одновременно и ударим.

Солдунов некоторое время молчал, обдумывая сказанное, и в конце концов согласился:

– Жаль упускать случай схватить, хотя бы часть банды, но вижу, что ты прав, – и, вздохнув, добавил: – Придется Роману продолжать якшаться с Сашкой.

– Надо привыкать, браток. Чует мое сердце, что нам еще долго доведется заниматься такими делами.

ДЕЛО О ПОЖАРЕ

Алексей Крылов нашел-таки в полицейских архивах довольно пухлое дело о пожаре в доме управляющего банком Антонова и гибели при этом его жены и дочери. Несколько часов изучал материалы. Следовательно явно клонил к тому, что поджог совершили двое крестьян, которые прислуживали в доме и после пожара исчезли. Их искали, в деле даже имелась справка об объявлении Малаша и Горбачени в розыск.

У Алексея возник ряд вопросов, на которые мог бы ответить сам Антонов, но встречаться сейчас с ним и заводить разговор о пожаре было нельзя, и Алексей решил съездить в деревню. Он поговорил с отцом. Антон Михайлович выпросил у Гарбуза лошадь и легкую пролетку; как-никак до деревни, где находился загородный дом Антонова, было не менее двадцати верст.

На следующий день, рано утром, Алексей, вооружившись винтовкой и револьвером, тронулся в путь. Сразу же за городом начинался лес. Узкая пыльная дорога извивалась меж огромных сосен. Алексей изредка понукал молодую кобылку, насвистывая что-то про себя и раздумывая о событиях, в которых он оказался прямым участником. Нет, многое ему еще не было ясно в этих круто развернувшихся событиях. Но, обладая природным умом и собственным чувством справедливости, он научился кое в чем разбираться, во всяком случае, четко отличал друзей от врагов. «Да, нам надо ухо держать востро с эсерами. Даже в Совете

у них большинство, и если бы не Михайлов да Мясников, они бы и милицию сделали эсеровской».

Его размышления прервала показавшаяся вдали встречная телега. Невольно нащупал лежавшую в соломе винтовку. В такое смутное время при встрече с человеком в глухом месте надо быть начеку. Худая лошаденка медленно тащила старую крестьянскую телегу. В ней на охапке соломы полулежал старик. Когда телеги поравнялись, Алексей приподнял картуз:

– Здравствуйте. Не скажете, далеко ли до Залужья?

– День добрый, – приветливо ответил старик. – Да нет, недалеко. Вот как свернете налево, там версты две всего и будет.

И действительно, проехав немного по узенькой, зажатой мелкоколесом дорожке, Алексей неожиданно очутился на высокой сухой опушке. Внизу привольно раскинулась довольно большая деревня. Чуть левее, на пригорке, он сразу же увидел меж деревьями сада остов сгоревшего двухэтажного здания. От огня уцелели только каменные стены. Закопченные, с пустыми глазницами окон, они на фоне бурной зелени выглядели неестественно, словно их кто-то специально разрисовал черной краской, чтобы подчеркнуть нелепость соседства двухэтажного каменного дома с покосившимися, крытыми соломой, ушедшими в землю хатками.

«Нет мужиков в деревнях, – грустно подумалось Алексею, – всех война подгрела. А дома хозяйства рук мужичьих требуют. Гляди, как деревня запустела». Напротив самой, может быть, убогой хатенки он натянул вожжи:

– Тпру!

Кобылка послушно остановилась и сразу же потянулась к росшей у плетня траве. Алексей, разминая затекшие ноги, направился к покосившейся калитке. Толкнул ее и оказался в заросшем травой дворе. Слева у небольшого хлева копошились куры, чуть поодаль виднелась собачья конура. Бросив на нее выжидательный взгляд, Алексей облегченно вздохнул: владельца

конуры явно не было. Вошел в полутемные сенцы и оттуда – в первую половину разделенной надвое хатки. Низкий, засиженный мухами потолок словно давил на него, и Алексей невольно пригнул голову. Прямо напротив двери – печь с густо закопченным зевом. У печи на перевернутом вверх дном бочонке – ведро с водой.

– Есть здесь кто?

Постояв немного и не дождавшись ответа, он сделал несколько шагов, потянул на себя некрашеную дверь и вошел в следующую комнату. Там на большой скамье сидела женщина и спокойно смотрела на гостя.

– Здравствуйте! – поздоровался Крылов и в нерешительности замер у порога.

– Добры день, человека! – ответила хозяйка. – Проходи, кали ласка.

Алексей подошел к скамье и сел рядом с хозяйкой. Это была старуха. В глубокие морщины на ее лице, казалось, навечно забились черная пыль. Она отложила в сторону ватную поддевку, которую держала в руках, и продолжала смотреть на Крылова маленькими слезившимися глазками.

– Одна живете, бабушка?

– Одна, сынок, одна. А у нас многие живут одни, мужиков на войну с германцами забрали.

– Кто ж у вас на фронте?

– Сыночки, их у меня двое, обоих забрали, и уже год весточки нема, усе вочы проглядела.

– А где ваш муж?

– Седьмой год, как умер.

Старушка говорила охотно, ничуть не стесняясь незнакомому человека. Постепенно речь зашла о делах деревенских, и вскоре Алексей знал о местных жителях больше, чем ему было нужно. Он решил, что настал момент поинтересоваться пожаром:

– Бабушка, когда я въезжал в деревню, то на пригорке увидел сгоревший дом. Чей он?

– Один богатый человек из Минска летом там жил. Однажды ночью дом сгорел. И женка того пана и дочь сгорели.

– Что ж это он сгорел?

– Разное болтають. Сначала люди говорили, будто дом подожгли наши мужики, которые служили у пана, – Малаш и Горбаченя. Но в прошлом году старый Мурашка поркался на попелище и нашел убитого Горбаченю. С дыркой в голове. Пошли разговоры, что наши мужики не виновны, их самих кто-то загубил.

– А в полицию сообщали?

– А кто его знает.

– Бабушка, а что говорят в деревне о хозяевах этого дома?

– Не ведаю, што говорят, – теперь уже сухо ответила старуха. Очевидно, любопытство гостя наконец-то показалось ей подозрительным.

Алексей не стал больше допытываться и, поблагодарив хозяйку, направился к следующему дому...

Весь день он ходил по дворам, крупицу за крупицей собирал сведения об Антоновых и пожаре.

Уже почти стемнело, когда добрался до Мурашки. Это был седой как лунь старик. Алексей вежливо поздоровался и спросил:

– Степан Иосифович, я приехал из Минска. Как бы нам поговорить?

Старик ответил сдержанно, но в хату пригласил.

– Вы, наверное, удивились, что я вас назвал по имени-отчеству, – начал Алексей. – Дело в том, что я – из милиции и приехал сюда по вопросу, связанному с пожаром в доме Антонова.

– А что это – милиция? – в голосе старика прозвучало любопытство.

– Милиция? Это вроде как полиции, только наоборот. Полиция прижимала рабочих и крестьян, а милиция сама состоит из рабочих и крестьян и, стало быть, борется за их интересы. С богачами борется, а заодно и с ворами, убийцами, жуликами. Вот даже о пожаре, как видите, не забыли, поэтому я и приехал. Но сперва хочу на ночлег попроситься, а то ночь на носу. Если в сарае сено есть, я там и пересплю. Вот только как бы

кобылу во двор загнать? У меня в пролетке винтовка осталась. Казенная.

— У нас, хлопец, красть некому, так что цела твоя дубальтовка будет, — спокойно проговорил старик и направился к двери. — Пошли твою кобылу пристроим, а после и потолкуем.

Дед Мурашка оказался только на первый взгляд хмурым и неразговорчивым. Вскоре он охотно рассказывал Алексею о себе, о деревне, не скрывал радости, что царю «дали по шапке».

— Степан Иосифович, а вы помните Антонова?

— А как же. Бывало, у него случалось подзаработать. Неплохой человек, спокойный, обходительный.

Чем дальше, тем больше разговор принимал непринужденный и откровенный характер. Вскоре Мурашка даже предложил гостю поужинать. Только сейчас Крылов понял, как он голоден, что с утра ничего не ел.

— А чего ж, давайте повечеряем. — Алексей подошел к небольшой, темной от времени скамейке, на которой лежал его вещмешок, достал из него несколько кусочков сахара, полбуханки хлеба и выложил все на стол. — Вот, кое-что у меня есть с собой.

Старик подошел к печи, кряхтя, взял ухват и вытащил на загнетку небольшой черный горшок.

— А у меня — бульба. — Он поставил горшок прямо на стол, молча вышел в сени и через минуту принес небольшой кусочек сала. — И сальца трошки найдется.

Сели за стол, и хозяин пододвинул гостю жестяную миску с тонко нарезанным салом:

— Угощайся, хлопец. Сало с бульбой силы чалавеку придает.

— Спасибо, — ответил Алексей и с удовольствием принялся есть. Но через минуту, видя, что хозяин съел одну картофелину и больше не берет, спросил:

— Степан Иосифович, как вы думаете, отчего в доме Антоновых пожар случился?

Старик не торопился с ответом. Заскорузлыми пальцами взял небольшую картофелину, откусил и, задумчиво глядя мимо гостя, заговорил:

— Я так скажу, хлопец: тут дело темное. Следчий говорил, будто мужики наши подожгли. Неправда. Другими людьми это сделано. — Старик опять надкусил картофелину, прожевал и, подумав, продолжил: — Кому-то другому этот пожар был нужен!

— Как вы думаете, кому?

Старик опять замолчал, пауза настолько затянулась, что Алексей хотел уже повторить вопрос, но старик заговорил чуть раньше. Он впервые посмотрел в глаза гостю и тем же спокойным и ровным голосом сказал:

— Думаю, хлопец, что тут баба замешана.

— Почему вы так считаете, дедушка?

На лице старика появилось некое подобие улыбки. Он доел картофелину, хотел взять следующую, но передумал и вытер пальцы.

— Ты что, думаешь, я ничего в жизни не кумекаю? — Он посерьезнел, придвинулся ближе к Алексею. — Мы, старые, тут потолковали меж собой и решили, что не зря к нам в деревню одна дамочка несколько раз навещалась, каких-то двух мужиков с собой в тарантасе привозила, домом Антонова интересовалась. Мужики перед самым пожаром, вечером, видели этих двух недалеко от деревни, в лесу. Скажи мне, чего бы им хотаться в кустах? В ту же ночь и сгорел дом.

— Я слышал, что у Антоновых была хорошая собака. Она же чужих бы близко не подпустила. Что вы на это скажете?

— А то и скажу, хлопец, что надо собаку искать. И скорее всего — в колодце. Я прикидывал: негде ей больше быть.

Алексей отметил про себя следовательскую хватку старика, но, на всякий случай, переспросил:

— В колодце? Почему вы так думаете?

— Да она поначалу брехала, а потом слышу — скулит. Долго скулила — не иначе плавала, пока силы были.

— А что, воду из колодца не вычерпывали?

— С нами следчий и говорить не захотел. А зря, многое узнал бы.

– А что, если мы завтра вычерпаем воду из колодца? – загорелся Алексей. – Сразу же и проверим вашу версию.

– Как это – версию?

– Ну, вашу догадку, что те двое мужчин, которых видели в лесу, причастны к пожару.

– Можно, – махнул рукой старик, – колодец там не глубокий, воды много не будет.

«Если нам удастся обнаружить в колодце труп собаки, – размышлял Алексей, – то версия Мурашки подтвердится. Ни Малашу, ни Горбачене убивать собаку никакого смысла не было: она их хорошо знала и на них не лаяла».

Назавтра у колодца собралось четверо стариков и двое подростков лет по пятнадцать. Первым делом они отремонтировали ворот и прикрепили к нему новую веревку с большой деревянной бадьей. Один из парней встал у ворота с одного конца, а с другого – седой широкогрудый старик. Остальные ждали своей очереди. Получилось так, что Крылов и Мурашка на некоторое время превратились в зрителей. Алексей попросил:

– Степан Иосифович, покажите, пожалуйста, где вы нашли останки Горбачени.

Старик молча кивнул и зашагал к пожарищу.

По крутой каменной лестнице спустились на уровень подвала. Здесь было сумрачно, сыро и прохладно. Мурашка остановился у кучи старой, обгорелой мебели.

– Вот тут я нашел старую железную кровать и хотел было ее вытащить. Стал тащить и чуть не обомлел: человек обгорелый! Позвал людей, свечки принесли. Одним словом, это и был Горбаченя. А череп проломан. Если б поискать, здесь бы и Антона Малаша нашли.

– Следователь знал об этом?

– Куда там! – хмуро промолвил Мурашка, подымаясь по лестнице. – Им надо было скорей объявить, что Малаш и Горбаченя по пьянке дом спалили, а сами сбежали. Этим все и кончилось.

– Ясно. А труп Горбачени вы позже нашли?

– Известно, позже.

В этот момент у колодца послышались возбужденные голоса: багром со дна извлекли полусгнивший труп собаки. Алексей посмотрел на Мурашку:

– Кажется, вы правы: Малаш и Горбаченя тут ни при чем. – И он начал выяснять, как выглядели те двое мужчин, которых видели накануне пожара. Затем расспросил о женщине, приехавшей в деревню вместе с этими мужчинами. По всем приметам, речь шла о нынешней жене Антонова.

ТАКТИКА – ВЫЖИДАНИЕ

Как только возвратившийся с фронта Михайлов прошел в свой кабинет, первый его вопрос был о банде Венчикова.

Антон Михайлович Крылов обстоятельно доложил о проделанной работе и в конце сказал:

– Решили мы, Александрыч, не торопиться с захватом бандитов, а дождаться, когда среди них появится сам Данила. О нем у нас пока никаких сведений. Не знаем даже, где он обитает.

Михайлов сидел за столом и задумчиво теребил бородку. Он прекрасно понимал, что Крылов прав. Банду обезвредить нужно, но непременно – вместе с ее главарем. Однако не допустят ли они ошибки, оставив на свободе бандитов, каждый шаг которых может обернуться новыми грабежами, убийствами?

«Делать нечего, – наконец решил он, – надо еще немного потерпеть, чтобы наверняка захватить и самого Данилу Венчикова».

– Хорошо, Антон Михайлович, подождем. Но завтра утром организуйте мне встречу с Алимовым. А что будем делать с Антоновой?

– Тут такая картина. Алексей несколько дней назад побывал в деревне, где была дача Антонова и где погибли его жена и дочь. Не зря, скажу тебе, ездил.

И Крылов не без гордости за сына рассказал Михайлову обо всем, что Алексею удалось узнать.

— Я считаю, — заключил он, — что Антонов тоже не простая штучка. Он наверняка воспользовался смутным временем и нажился за счет народа. Журавкина, организовав поджог и убийство его жены и дочери, как видим, решила только первую часть задачи — получить доступ к награбленному. Теперь она хочет решить вторую часть — избавиться от самого Антонова и завладеть всем его движимым и недвижимым имуществом. Одна дача на Черном море чего стоит! Если мы ее сейчас просто арестуем, то она вряд ли признается во всех своих грехах и уж тем более не скажет, где хранятся ценности Антонова. Считаю, что затеянную с нею игру надо продолжить. В частности — выяснить, кто те двое мужчин, которые, надо полагать, участвовали в поджоге дома Антонова и убийстве Малаша и Горбачени. Чует мое сердце: разыскав их, мы будем не внакладе.

Михайлов слушал Крылова, а сам чуть заметно улыбался в бороду. Вспомнил он, как Антон Михайлович растерянно отказывался, когда они с Мясниковым предложили ему возглавить отделение по борьбе с преступностью. Прошло совсем немного времени, а он, потомственный рабочий, рассуждает, как настоящий розыскник-профессионал. А мысли-то как подает — дай бог иному следователю, который на этом собаку съел.

Увидев, что начальник улыбается, Крылов сконфуженно спросил:

— Ты что? Не дело говорю?

— Извини, Антон Михайлович, дело говоришь. А я, слушая тебя, горжусь, что у нас такие, как ты, люди есть. За что ни возьметесь — все вам под силу.

— Партия приказала — значит надо, — смущенно ответил Крылов.

— Да, ты прав. Надо — этим все сказано. Ну, а как Гарбуз?

— В наши дела он не вникал, но и не мешал. Даже кое-что подсказывал. Знаешь, мне кажется, что он на вели-

ком распутье. Мается, пытается разобраться во всем. Думаю, хорошо, что мы тогда не рубанули сплеча.

— Ну что ж, пусть разбирается. — Михайлов встал, задумчиво прошелся по кабинету. Остановился напротив Крылова, хотел что-то добавить, но не успел: в кабинет вошел Мясников. Они с Михайловым еще не виделись, и, конечно, разговор сразу перешел на фронтовые дела.

— Обстановка в армии складывается в нашу пользу, — говорил Михайлов, — хотя Временное правительство и делает все, чтобы подавить в войсках революционный дух, продолжить войну. Милюков направил Англии и Франции ноту, где клянется в верности России царским договорам, в том, что война будет доведена до «победного конца». Большевики и эсеры поддерживали эту ноту. Что скажешь, Александр Федорович?

— Это нота от 18 апреля? Знаю. И мы кое-что приняли.

— Что именно?

— Мы сумели убедить Минский Совет выступить с протестом против ноты Милюкова. В ближайшие дни текст протеста опубликуем.

— Молодцы! У меня есть еще идея. Как ты смотришь на то, чтобы организовать и провести под эгидой Минского Совета радиосъезд солдат Западного фронта?

— А как ты это себе представляешь?

— Очень просто: подготовим доклад и передадим его всем воинским частям фронта по телеграфу. Надо пользоваться новыми средствами связи.

— А что, интересная идея. Листовки еще печатать, да пока они до окопов дойдут... Когда думаешь провести?

— Медлить не стоит. Сразу же после собрания инициативной группы большевиков по Апрельским тезисам Ленина и проведем радиосъезд.

— Хорошо, будем готовиться. — Мясников возбужденно заходил по кабинету. — Да, деньки приближаются жаркие. Наконец-то мы сможем порвать с меньшевиками и эсерами. Кстати, Миша, есть еще одна новость.

Вчера я встречался с Онищуком, он сообщил, что меньшевики, эсеры, националисты и прочая буржуазная шваль хотя бы использовать первомайские демонстрации для укрепления доверия народа к Временному правительству.

— Ишь чего захотели! — возмутился Михайлов. — Нам надо провести соответствующую работу с членами партии, среди солдат и рабочих. Думаю, настал момент, когда мы можем диктовать свою волю на всех направлениях. Как это говорит Ленин в статье «О задачах пролетариата в данной революции»: «Сейчас задача партии большевиков заключается в том, чтобы осуществить переход от первого этапа революции, который дал власть буржуазии, ко второму, который передаст власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». — Он присел рядом с примолкнувшим после появления Мясникова Крыловым, обнял его за плечи.

— Вот так, дорогой Антон Михайлович, начинается второй этап. Будем готовиться к социалистической революции!

ПРИГЛАШЕНИЕ... НА ПОМИНКИ

Революционный прибор нарастал. Радиосъезд солдат Западного фронта еще раз обнажил антинародную политику Временного правительства и соглашательских партий, ратовавших за продолжение братоубийственной войны. На собрании инициативной группы большевиков было принято решение добиваться выхода из объединенной с меньшевиками организации. Собрание избрало Минский Временный партийный комитет, который стал главным руководящим центром городской партийной организации большевиков.

22 мая в Минске открылся съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. На съезд прибыли делегаты прифронтовой полосы, а также представители Минской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний.

В избранный на съезде исполком Северо-Западного областного Совета прошло двадцать три большевика. Двадцать три из тридцати шести. Это был огромный успех! Это был мощный удар по соглашательским партиям, еще больше изолировавший меньшевиков, эсеров, белорусских, польских, еврейских националистов от трудящихся масс Белоруссии.

Но и во время этих бурных политических событий Михайлов уделял внимание охране правопорядка, борьбе с преступностью, укреплению рядов милиции. Она, милиция, все более становилась живым воплощением идеи Ленина о создании миллионной армии для защиты социалистического отечества. Михайлов умело пользовался указаниями Ленина, изложенными в знаменитых «Письмах издалека». В кругу товарищей он не раз подчеркивал мысль Владимира Ильича о том, что «для борьбы с реакцией, для отпора возможным и вероятным попыткам Романовых и их друзей восстановить монархию и собрать контрреволюционное войско необходимы... организация, расширение и укрепление пролетарской милиции». И Михайлов делал все, чтобы создать такую милицию.

Он, в частности, понимал, сколь велика в борьбе с реакцией роль таких людей, как Жихарев, продолжавший служить в Ставке. Как Онищук, знавший все, что происходило в губернском комиссариате. Это позволяло своевременно реагировать на заговоры политических врагов и наносить ощутимые и эффективные ответные удары. Когда Жихарев через посыльного передал о мерах военного командования по проведению среди солдат агитационной работы в поддержку Временного правительства с его лозунгом войны до «победного конца», большевики Минска через своих представителей в войсках предприняли контрмеры. А когда Онищук сообщил, что губернский комиссариат на тайном совещании с участием меньшевиков, эсеров и представителей националистической буржуазии принял решение под тем предлогом, что милиция не справляется со своими обязанностями, направить

для службы в ее рядах большую группу бывших полицейских и реакционных армейских офицеров, большевики, не мешкая, осуществили новый широкий призыв своих, преданных делу партии людей. Городская дума, эсеры, кадеты и националисты простить этого Михайлову не могли: они ответили провокациями, еще активнее принялись распространять среди населения враждебные слухи о милиции и о нем, Михайлове, лично. Дело дошло до того, что в газете «Минский голос» махровый националист Смолич опубликовал клеветническое письмо, в котором называл Михайлова «врагом народа» и требовал предать его суду.

...Михайлов был в кабинете один, когда туда вошли Мясников, Крылов и Гарбуз. Мясников бросил на стол «Минский голос» и с возмущением спросил:

– Ты читал эту грязную писанину?

Михайлов улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой:

– Конечно, читал. – И вдруг обратился к Гарбузу: – А ты, Иосиф, читал?

– Да. Это черт знает что! Провокатор этот Смолич, ублюдок. Его ж за клевету надо судить!

Михайлов с какой-то спокойной грустью в голосе сказал:

– Не горячись, Иосиф. Я просил бы тебя хорошенько подумать над всей кампанией травли и беспардонной лжи, которая в последнее время обрушилась на милицию. Это ведь тщательно организованная политическая провокация против нашей партии. На что они быют? На то, что милиция, мол, бессильна, что она, принимая сторону неимущих классов, поощряет преступность. Мы, конечно, не переметнемся на сторону толстосумов, но с преступностью, со всякими нарушениями правопорядка будем вести борьбу. Непримируемую борьбу! Это наше святое партийное дело. – Михайлов словно не замечал краски, залившей лицо Гарбуза. – Ну а что касается этого Смолича, лично я считаю его слепым орудием в руках наших врагов. Таких смоличей сейчас можно встретить, к сожалению, немало.

– Ты знаешь, что мне пришло в голову? – перебил Михайлова Мясников. – Считаю, что тебе надо поручить еще одно дело.

– Какое?

– Создать газету. Нашу, большевистскую газету. И стать ее редактором.

– Ого! – рассмеялся Михайлов и тут же серьезно сказал: – Я уже думал над этим, Александр. Нам надо иметь газету. И если мы с тобой вдвоем будем ее редактировать, то, полагаю, дело у нас пойдет. Кстати, ответим этим буржуазным прихвостням на всю их омерзительную стряпню.

Он взял двумя пальцами листок «Минского голоса» и швырнул в корзину, стоявшую под столом.

Крылов, до этого молчавший, вдруг обратился к Мясникову:

– Александр Федорович, наши милиционеры хотят выступить с письменным протестом против гнусной клеветы в адрес милиции и Михаила Александровича. Что им посоветовать?

– Я считаю, было бы недемократично мешать людям свободно высказывать их мнение.

– Ладно, товарищи, – решительно сказал Михайлов, – давайте лучше прикинем, с чем я поеду на Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Все уселись вокруг стола, но тут дежурный доложил, что в штаб пришла большая группа людей, требуют начальника.

Михайлов озабоченно посмотрел на Мясникова. У обоих, должно быть, мелькнула одинаковая мысль: возможно, люди недовольны какими-либо действиями.

– Вы посидите, а я выясню, в чем дело, – сказал Михайлов, направляясь к двери. Все, не сговариваясь, последовали за ним. Но беспокойство оказалось напрасным. Милиционер на вокзале задержал на месте преступления вора, укравшего у одного из пассажиров котомку с вещами. Вор и его двое дружков стали сопротивляться. Тогда пассажиры вступились за милиционера и даже помогли ему доставить жуликов в

милицию. Пассажиры – а их было человек сорок – шумели, требуя, чтобы воры были наказаны самым суровым образом. «В каталажку их! А еще лучше – к стенке без суда и следствия!» – кричал средних лет мужчина в солдатской шинели. «Пиявки на теле народа. Люди мучаются от голодухи, разруха кругом, а они последнее отбирают!» – возмущался другой.

– Тише, тише, граждане! – поднял руку Михайлов. – В том, что в стране разруха и голод, эти люди, конечно, не повинны. Посмотрите, деревни хиреют без мужиков, в городах беспризорщина, на фронте гибнут тысячи наших солдат. И во имя чего? Во имя толстого кошелька богатых, которые хотят за счет русского народа, за счет его крови и тысяч жизней «сдержать слово» перед богачами Франции и Англии. Вот они настоящие виновники всех наших бед! Что же касается задержанных вами воров, то я вас заверяю, граждане: они ответят по всей строгости закона. Вам же всем большое спасибо за помощь!

Толпа поутихла, слышались смущенные голоса: «Чего уж там!», «Сами понимаем, что одному с троими не справиться».

Михайлов вышел проводить добровольных помощников, а когда вернулся в дежурное помещение, узнал, что в кабинете его ждет Алимов: для того с некоторых пор существовал только черный ход.

Мясников спросил:

– Милиция не возражает против моего присутствия?

– Милиция не боится гласности, – тоже шуткой ответил Михайлов.

Вчетвером поднялись наверх. Алимов встал им навстречу. Мясников первым протянул ему руку:

– Ну, рассказывай, Роман, кого ты успел с друзьями обворовать, ограбить?

– Ох, доведет меня Михаил Александрович со своим заданием до греха, – засмеялся Алимов. Но тут же лицо его стало серьезным, и он деловито начал докладывать: – Обстановка сейчас такова: с цыганами я со-

шелся близко. Уверен, что они мне доверяют полностью. Сашка откровенно рассказывает все, что знает о Венчикове. – Специально для Мясникова повторил: – Венчиков, как выяснилось, – бывший офицер жандармерии, длительное время работал в охранке. Сашка не раз помогал ему выявлять революционеров, чем, будь он не ладен, очень гордится.

– А ты не пробовал через него завести знакомство с Данилой? – спросил Гарбуз.

Михайлов и Мясников незаметно обменялись взглядами.

– Послезавтра вечером попытаюсь это сделать.

– А каким образом? – поинтересовался Михайлов.

– Сашка меня на поминки пригласил. Полагаю, что там будет и Данила.

– На чьи поминки?

Алимов улыбнулся:

– Он хочет послезавтра свинью заколоть. Так и сказал: «Рома, приходи послезавтра вечером. Я свинью зарежу, помянем грешную душу». Я еще спросил, чего это он на лето глядя свинью колет? А он хвастает, что они, мол, и на зиму, и на лето всегда по свинье колют. И с таким смаком он мне это говорит, аж глаза горят.

– Ну, а для чего у него бандиты лошадей брали, не рассказывал? – спросил Крылов,

– Нет. Попытаюсь осторожно завести разговор и об этом. – Алимов помолчал немного, потом спросил Михайлова: – Михаил Александрович, а не могли бы мы что-нибудь продать Сашке? Ну, такое... ценное.

– Зачем?

– Понимаете, мне кажется, это укрепило бы мои, так сказать, позиции. Я уже думал об этом. К примеру, появится Шяштокас с его авторитетом крупного бандюги и предложит купить вещь какую-нибудь. А потом намекнет, что у него на примете богатый дом, который можно ограбить.

– Венчиков кого попало грабить не пойдет, – заметил Гарбуз. – Тем более идейных союзников. Ему какого-нибудь обывателя подавай.

– Это верно, – живо поддержал Михайлов. – А если намекнуть, что речь идет о человеке, который отошел от борьбы, скажем, из тех, кто хочет за границу уехать? Очень даже могут клюнуть. Вряд ли они упустят возможность еще раз нам насолить и заодно хорошо поживиться. Но что бы такое им предложить?

– А что, если сделать так... – задумчиво проговорил Мясников и вдруг загорелся: – Да, именно так!

Он, попеременно обращаясь то к одному, то к другому, изложил суть своего предложения. Оно было единодушно одобрено, и вскоре Алимов, выйдя из штаба опять-таки через черный ход, направился на свою окраину. Михайлов вернулся к разговору о предстоящей поездке в Петроград.

НЕ СТОИТ ТОРОПИТЬСЯ, МАДАМ

Встреча, как всегда, была назначена в Губернаторском саду. Антонова и на этот раз пришла вовремя. Она с обворожительной улыбкой взяла Шяштокаса под РУКУ.

– Голубчик, вы знаете, я без вас уже начинаю скучать. Боюсь, как бы мне всерьез не увлечься. – С вызовом посмотрела ему в глаза. – А что, вы мужчина интересный и вполне можете нравиться. Я женщина, еще не старая, и мне, как говорят, ничто земное не чуждо. – Вдруг ее лицо стало серьезным и даже грустным. – Тем более что супружеская жизнь у меня не удалась. Если вы поможете мне... Поверьте, я умею быть благодарной. Во всяком случае ваше будущее на многие годы будет вполне обеспеченным.

«Вот стерва!» – еле скрывая злость, подумал Шяштокас, но заставил себя улыбнуться:

– Я рад, что вы мне доверяете, – это уже, считайте, полдела. Но ради полного успеха нашего предприятия я хочу попросить: не торопите меня. – Увидев ее испуганный и недоуменный взгляд, сам взял ее под руку. – Поймите, я хочу, чтобы было как лучше. Что-

бы избежать трудностей в оформлении наследства да и следствию не дать никакого повода подозревать вас. Ведь вы заинтересованное лицо, и, согласитесь, как бы удачно все ни прошло, останутся сомнения: не говорили ли вы кого-нибудь? Понимаете?

Этот довод произвел на Антонову огромное впечатление. Она растерянно кивнула:

– Да, конечно. Что же делать?

– Довериться мне и не жадничать, когда дело будет сделано. А план такой. Димка, мой дружок, недавно поступил на курсы автомобилистов. Как только он научится управлять автомобилем – а речь идет о двух-трех неделях, – однажды ночью мы похищаем автомобиль и «случайно» наезжаем на вашего благоверного. Затем автомобиль прячем, например, топим в каком-нибудь глухом озере, а сами навсегда исчезаем из этих мест. Скажите, какие после этого могут быть претензии к бедной вдове, муж которой во время прогулки был случайно сбит украденным автомобилем?

Настороженность в глазах Антоновой сменилась восторгом:

– А что, пожалуй, неплохо придумано. Вы молодец... Постойте, как вас хоть зовут-то?

Шяштокас сделал вид, будто колеблется, и махнул рукой:

– Альгис меня зовут. А вас?

– А меня – Людмила.

Шяштокас понял: с этой минуты Антонова доверяет ему полностью.

– Извините, Людмила, но я спешу – дела.

Он не кривил душой: в этот же день ему предстояло выполнить еще одно важное поручение Михайлова.

Алимов был дома и с нетерпением дожидался прихода Шяштокаса.

– Где ты запропастился? – нервно спросил он. – Мне уже пора быть у соседей.

– Свидание затянулось, – шутливо ответил Альгис. – Выкладывай твои планы.

Договорились, что Шяштокас останется дома, а Алимов пригласит Сашку для разговора сюда.

Поминки по свинье были в разгаре, в доме стоял шум и гам. Когда Роман вошел, все задвигались, приглашая его к столу. Он, как и было задумано, устроился рядом с Сашкой. Пили спирт, и Роман, боясь опьянеть, набросился на закуску. Он сразу понял, что Данилы среди пирующих нет, но расспрашивать о нем не стал. Когда наступил подходящий момент, тихонько сказал Сашке:

– От Альгиса привет.

– А где он?

– Да объявился. Дома сидит.

– Что ж ты его не взял с собой?

– Неудобно, – замялся Роман. – Хотя вообще-то у него к тебе дело есть.

– Какое?

– Хочет продать картину какого-то знаменитого художника.

– Откуда она у него?

– Не говорит. Только намекнул, что у одного человека много этого добра. Если хочешь, пойдем посмотрим.

Расчет был точен. Сашка поспешно сказал:

– А что, можно и сходить. Давай только еще по одной.

Альгис, увидев промелькнувших под окном Сашку и Романа, лег на кровать и сделал вид, что спит. Роман растолкал его.

– Это ты? – проговорил Альгис, протирая глаза. – А я немножко соснул. – Только после этого он «увидел» цыгана: – А, Саша, здорово, друг! Как живешь?

– Хорошо живу: пью, гуляю. Мне вот Роман сказал: ты хочешь кое-что продать?

– Да, но надо знающего человека найти, у меня необычный товар. – И Альгис достал из-за иконы холст. Развернул его.

Сашка посмотрел на картину без интереса:

– Не нашенская какая-то.

– В том-то ее и ценность.

Роман понял по выражению лица цыгана, что тому не приходилось иметь дела с произведениями искусства, и спросил:

– Альгис, сколько, ты говоришь, она стоит?

– Мне сказали тысяч сто – сто двадцать золотом.

– Сколько? – удивленно переспросил Сашка. – Тысяч сто? Золотом?

– Золотом. А за границей она стоит еще дороже.

– Ого!

Сашка уже более заинтересованно, даже с некоторым уважением смотрел на картину. Альгис, чтобы еще больше подогреть его, сказал:

– Ох, братцы, если б вы знали, сколько у одного типа этого добра! Хочет все за границу вывезти, говорит, что в Париже или в Америке он миллионером станет.

– И где же он это все хранит? – поинтересовался Сашка.

– Дома. Но у него там дай бог охрана – человек пять. Да еще псы здоровые, как шакалы, злые, – хрен возьмешь.

– А как тебе удалось достать эту картину? – спросил Роман.

– О, мне ее за одну услугу дамочка симпатичная презентовала. Сашка ее знает. Сказала, если продам – богачом стану. Вот тогда я вас, мужики, угощу – ахнете!

– Но ты сначала продай ее, – засмеялся Роман, – а потом уж угощай.

– Так ты говоришь, в том доме есть чем поживиться? – спросил Сашка. – Вот что, хлопцы. Потерпите до завтра, я попытаюсь встретиться кое с кем. Может, что-нибудь и придумаем. А теперь айда ко мне, погуляем.

Альгис, сославшись на то, что его ждет знакомая, отказался и направился к выходу. Роман вышел проводить его до калитки.

– Передай нашим, пусть не прозевают Сашку, – он наверняка к Даниле пойдет.

Альгис ушел, а Роман и Сашка вернулись к «поминальному» столу. Там уже все перепились. Роман попытался еще кое-что узнать о банде.

– Ты что, хочешь с помощью Данилы избавить богача от лишних ценностей?

– Ага. Данила любит наказывать таких, как этот буржуйчик. Нахапал, гад, добра и теперь в Америку захотел. А кто будет воевать с большевиками?

– Кстати, а лошадей тебе Данила возвратил?

– А как же. Он человек надежный, умеет слово держать.

Роман хотел спросить, для чего Даниле понадобились лошади, но передумал. Во-первых, это может вызвать подозрение, а во-вторых, Сашка сам вряд ли мог ответить на этот вопрос. Спросил о другом:

– Саша, а когда ты пойдешь к Даниле?

– Завтра. Сейчас уже ночь, а добираться надо, поди, верст двадцать.

– Ого, как далеко он забрался.

– Зато надежно.

Больше Роман вопросов задавать не стал. Перевел разговор на другую тему и вскоре, попрощавшись, ушел.

ГДЕ ВЗЯТЬ БОГАЧА?

Михайлов и Крылов прекрасно понимали: если Данила и клюнет на приманку, то, несомненно, захочет проверить, действительно ли существует такой богач и верно ли, что он собирается уехать из России. Срочно нужен был подходящий человек.

Михайлов как председатель исполкома Совета крестьянских депутатов Белоруссии готовился к отъезду в Петроград на Всероссийский съезд и поэтому торопил Крылова и Гарбуза с подготовкой операции по разгрому банды Данилы Венчикова. Он скрупулезно и придирчиво обдумывал предложения, старался предусмотреть любую мелочь, подолгу уточнял дета-

ли. А вопросов и неясностей было хоть отбавляй. Положим, бандитов удастся заманить в ловушку, но как сделать, чтобы туда обязательно попал и главарь? С другой стороны, было очевидно, что Венчиков не поведет на «дело» всю банду, – значит, надо установить максимум адресов, явок, чтобы одновременно захватить как можно больше бандитов. Поэтому Михайлов, на котором лежали десятки больших и малых партийных дел, не жалел времени на подготовку операции. В конце концов на роль богача был определен Андрей Минович Фурсов, которого специально вызвали из Могилева. По легенде, Фурсов появился в Минске после того, как продал в Шуче мануфактурную фабрику, иначе говоря – превратил ее в ценности. На роль охранников и прислуги выделили пятерых сотрудников милиции. Нашли и подходящий дом для «богача». Он ранее принадлежал хозяину пивзавода, который переехал на жительство в Москву, а дом пока не продал. Михайлов и Крылов рассчитали, что Венчиков вряд ли попытается установить какие-нибудь проверки в Шуче, так как все должно было произойти быстро. Немало времени ушло на то, чтобы должным образом обставить дом. Пошли в дела реквизированные у крупных жуликов, расхитителей государственного и военного имущества мебель и ценности – картины, хрусталь, золото. От Фурсова требовалось только проявить артистические способности: из простого рабочего на время превратиться в изнеженного, с изысканными манерами буржуа.

...Беседу Михайлова с Антоном Михайловичем Крыловым перебил телефонный звонок. Звонил Онищук.

– Здравствуйте, Михаил Александрович, я из комиссариата. Вырваться не могу, да и время не терпит. Только что у губернского комиссара было принято решение: отстранить вас от должности начальника милиции. На ваше место подготовили две кандидатуры. Один из кандидатов вам знаком.

– Кто это? – спросил Михайлов. Онищук выждал некоторое время, потом ответил:

– Венчиков.

– Кто-кто?! – Михайлов вскочил со стула.

– Да-да, Михаил Александрович, Венчиков. Правда, о его нынешних занятиях не было сказано ни слова.

– А сам он присутствовал? – уже спокойно спросил Михайлов.

– Не могу сказать – я ведь в лицо его не знаю. Поди тут разберись, кто есть кто. Но какие же сволочи, им наплевать на все, лишь бы кошельки свои уберечь.

Онищук был так взволнован, что у Михайлова возникло беспокойство, как бы он не сорвался.

– Спокойно, Вячеслав Дмитриевич, спокойно. Поверьте, немного осталось ждать и терпеть этих людей рядом с собой. Прошу вас, будьте осторожны, помните, что ваша помощь партии неоценима. Мы подумаем, что предпринять по вашему сообщению. Сегодня я выезжаю в Петроград, так что связь держите с Мясниковым.

Михайлов положил трубку и, задумчиво теребя бородку, прошелся по кабинету. Нет, он был уверен, что отстранить его от должности начальника милиции ни Дума, ни комиссариат, ни даже армия не смогут, но преуменьшать опасность нельзя. Надо дать проискам заговорщиков решительный отпор. И не только по этому конкретному поводу. «Мы потребуем осуществления общих, далеко идущих мер, – думал Михайлов, – причем заставим участвовать в этом Думу и комиссариат, эсеров и меньшевиков».

Он отпустил Крылова, сел за стол и придвинул к себе чистый лист бумаги: «Итак: о судьях и юристах в целом. Поскольку мы не можем доверять старому, царскому суду, исполком городского Совета должен предложить комиссариату войти к министру юстиции с ходатайством о том, чтобы Городской думе совместно с исполкомом было разрешено избирать из среды присяжных временных судей – честных граждан, имеющих юридическое образование. На совместном заседании Городской думы и городского исполнительного комитета избрать дополнительное число временных

мировых судей при штабах милиции для немедленно-го разбора возникающих ежедневно дел. Каждого судью, прежде чем допустить к исполнению обязанностей, тщательно проверить – не жулик ли, не является ли тайным монархистом?»

Затем Михайлов набросал текст протеста в адрес комиссариата и Думы о том, что некоторые чины этих облеченных доверием общественных органов занимаются незаконной деятельностью, участвуют в тайных заговорах против ответственных сотрудников милиции, пытаются шельмовать их, организывают провокации...

Взяв исписанный лист, Михайлов спустился на первый этаж и прошел к себе. Соня, увидев мужа, оторвалась от пишущей машинки, поднялась навстречу. Он попросил:

– Сонечка, будь добра, отложи на время статью, я должен тебе кое-что продиктовать.

Соня села, быстро заложила чистый лист и вопросительно посмотрела на мужа.

Михайлов продиктовал окончательный текст протеста, затем – предложения о судьях.

– Теперь, Сонечка, заканчивай статью, а я побежал – дела. – У двери он обернулся: – Да, я сегодня уезжаю в Петроград, так что собери там, что нужно.

– Хорошо, – поспешно ответила Соня.

Михайлов спохватился, быстро вернулся, неловко поцеловал жену в макушку, вдохнул запах ее волос.

– Извини, милая, мне даже недосуг с тобой поговорить. Но это же не вечно, правда?

– Как знать, – сквозь слезы улыбнулась Соня.

– Там должен прийти Иосиф.

Еще утром Гарбуз спросил, в котором часу Михайлов мог бы принять его для очень важного разговора. Было видно, что Гарбуз сильно взволнован, но раньше шести вечера свободной минуты не нашлось. Сейчас стрелки часов показывали без трех минут шесть. Михайлов поднялся в свой кабинет и только успел распахнуть окно, как пришел Гарбуз. Начал без предисловий:

– Нелегко мне было решиться на этот разговор. Понимаю, вы вправе мне не доверять. Какое уже доверие после того, как я отпустил Чарона. Но поверь, Михаил, для меня роковую роль сыграла моя собственная формула: революцию надо делать чистыми руками. Чистыми от крови и от дерьма – от крови идейных противников и от дерьма, в которое поневоле влезешь, взвалив на себя заботы по очистке общества от воров, грабителей и другой нечисти. Сейчас я понял: все это не более чем красивые слова. Те, кого я считал идейными противниками, раскрыли себя, предстали в своей отвратительной наготе. Для них нет ничего святого! Когда Чарон упал передо мной на колени и стал молить о пощаде, он, сукин сын, не преминул напомнить, что, мол, большевиков от старой власти должно отличать милосердие. Я взял с него честное слово, что он не будет впредь вести с нами никакой борьбы, и отпустил. А он, сволочь... Мне сейчас стыдно перед тобой, стыдно перед товарищами по партии, и я готов понести любое, самое строгое наказание. – Гарбуз горел от возбуждения, он то садился на стул, то вскакивал и нервными, быстрыми шагами мерил кабинет. – И не только случай с Чароном помог мне во всем разобраться. Тут многое одно к одному. Скажем, тот же Венчиков... Бандит состоит на службе у правительственных органов! Что же это за правительство, что за народовластие? Словом, я решил прийти к тебе и честно рассказать обо всем, попросить лично у тебя прощения. И теперь, сделав это, я вздохну облегченно, как бы ни решено было со мною поступить...

Михайлов слушал с непроницаемым лицом, но в душе у него все ликовало: «Верный старый друг, какое счастье, что ты нашел в себе силы разобраться в обстановке, понять свои ошибки и честно сказать об этом! Правда, еще немало в твоей голове путаницы и словесной шелухи, но самый трудный шаг сделан, и я верю: ты пойдешь с нами до конца!» Михайлов встал, обошел вокруг стола и сел напротив Гарбуза:

– Ты знаешь, Иосиф, я рад за тебя! Честно, по-

товарищески, по-партийному рад. Вот тебе моя рука! – Они обменялись крепким, долгим рукопожатием. Михайлов взглянул на часы: – Ого, время-то бежит, а мне еще надо быть в исполнительном комитете, затем встретиться с Мясниковым. Мой наказ тебе, Иосиф. Сегодня ночью я уезжаю в Петроград. Ты останешься вместо меня. Помни: в первую очередь на тебе общие вопросы, политическое руководство. Но не забывай и о банде Данилы. На этом будь здоров, до моего отъезда мы не увидимся.

– Увидимся. Я провожу тебя, Михаил.

– Ну что ж, – улыбнулся Михайлов, – тогда до вечера...

НА ТАЧКАХ ЗА ВОРОТА

Антон Михайлович Крылов получил срочное задание. Утром позвонил Мясников и взволнованно попросил Крылова никуда не отлучаться до его прихода. Через четверть часа Мясников быстро вошел в кабинет.

– Дело есть тебе, Антон Михайлович. В Минск прибыл махровый монархист и погромщик Пуришкевич. Местные монархисты, эсеры, кадеты, меньшевики и прочая политическая сволочь встретили его на вокзале с большой помпой. Преподнесли цветы и даже хлеб-соль. Недавно Пуришкевич побывал в Городской думе, а теперь находится в комиссариате. Как сообщил Онищук, этот деятель привез с собой целую свору помощников, огромную сумму денег на подачки рабочим и провокационную литературу. Он намерен выступить на многих заводах, фабриках, в мастерских, а затем выехать на фронт. Там, естественно, будет агитировать против нашей партии и склонять солдат к войне до «победного конца». Вчера вечером, кстати, приезжал человек от Жихарева. Тот сообщает, что, по всем признакам, командование фронтом ведет активную подготовку к летнему наступлению. И, конечно, Пуришкевич грязными книжонками, посулами

и елейными речами может обмануть немало людей. Наш комитет большевиков считает, что надо дать ему организованный отпор, да такой, чтобы отбить у него желание встречаться с рабочими и ехать на фронт. Первая встреча у него с рабочими железнодорожных мастерских. Поскольку ты, Антон Михайлович, многие годы там работал, партийный комитет поручает тебе провести среди рабочих контрагитацию, разъяснить им, что из себя представляет Пуришкевич. – Мясников достал из кармана часы. – Он, между прочим, уже в мастерских, ведет переговоры с некоторыми из инженеров и членами эсеровской и меньшевистской партий – хочет через них преподнести рабочим деньги и свои программные книжонки. Так что откладывай все свои дела и жми в мастерские.

– Ясно. Только забегу к Гарбузу – надо доложить.

– Хорошо. У подъезда тебя ждет автомобиль. Возьми кого-нибудь из своих хлопцев для связи.

Через полчаса Крылов в сопровождении милиционера Галкина был уже в мастерских. Увидев знакомого рабочего, окликнул его:

– Здорово, Иван! Что не признаешься?

Лицо рабочего расцвело в улыбке:

– Ба, кого я вижу! Антон Михайлович, здравствуй!

Они обменялись крепкими рукопожатиями, и Крылов спросил:

– Иван Степанович, где вы, большевики, собираетесь по своим делам?

– Когда холодно – на участке ремонта паровозов, а в теплое время – во-он под тем навесом. – Он показал рукой в глубь двора. – Там даже скамейки стоят.

– Отлично. Кликни всех членов партии – есть очень важный и срочный разговор.

– Ясно, побежал объявлять сбор! – И рабочий быстро зашагал к большому строению с закопченными стенами. Крылов и Галкин двинулись к навесу. Почти все, кто попадался им навстречу, оживленно здоровались с Крыловым: чувствовалось, что его здесь хорошо знают и уважают. Рабочие-большевики собра-

лись быстро, и Крылов, взобравшись на перевернутую вверх дном бочку, рассказал им, кто такой Пуришкевич и с какой миссией он приехал. Возмущенные рабочие уже хотели было разойтись по своим местам и начать разъяснительную работу, но тут слова попросил Иван Степанович – тот самый, который «объявлял сбор». Он, кряхтя, взобрался на бочку и зычным голосом заговорил:

– Товарищи, я предлагаю другое. Мы знаем, что Пуришкевич со своей командой уже здесь, а наши инженеры в это самое время принимают от них иудины сребреники, причем делают это от нашего имени. Поэтому я предлагаю в знак протеста прекратить работу, собраться на митинг, позвать туда Пуришкевича с его холоуями и сказать им по-нашенски, по-рабочему, что мы думаем о них.

Все зашумели: «Правильно! Правильно!», «Общий сбор!»

Тут же группа большевиков направилась к контроле, чтобы пригласить на митинг Пуришкевича с его свитой и администрацию мастерских. Крылов накричал делегатам:

– Только вы, братцы, не обещайте им тумачков и вообще не выдавайте наших намерений. Пусть считают, что рабочие желают их поприветствовать.

Как только делегация ушла, Крылов обратился к оставшимся:

– А к вам, товарищи, просьба: идите в мастерские и, пока рабочие будут собираться, постарайтесь разъяснить им, что к чему.

Активисты разошлись; несколько человек направились в депо, чтобы пригласить на митинг и депо-ских рабочих. Через полчаса во дворе мастерских гудела многосотенная толпа. Здесь были и большевики, и представители администрации, и, конечно, Пуришкевич со своими помощниками. Пуришкевич, стоя в кузове грузовика, улыбался во весь рот. Он весело смотрел вниз, где толпились рабочие. Они, очевидно, уже знают, что он, Пуришкевич, приехал не с пустыми ру-

ками, что Временное правительство в его лице проявило заботу о нуждах тех, кто кует здесь оружие победы. Пуришкевич в уме готовил речь, а пока ждал от толпы слов горячей благодарности и заверений в преданности Временному правительству.

Крылов стал на подножку грузовика. Зычным голосом, перекрывая гул, начал:

– Товарищи! Мы только что узнали, что к нам в мастерские пожаловал известный монархист, запятнавший себя черносотенной деятельностью – господин Пуришкевич. Вот он, полюбуйте, собственной персоной.

Толпа захохотала, а лицо Пуришкевича, бледнея, медленно вытянулось.

– Чего же нужно от нас этому господину? – продолжал Крылов. – Ни мало ни много: за денежную подачку он хочет купить нашу рабочую честь и совесть. Он настолько самоуверен, что пришел сюда в надежде услышать от нас слова верности ему и его хозяевам и, конечно, наше рабочее спасибо за окропленные нашей же кровью и потом денежки. Деньги господин Пуришкевич уже передал вот этим господам, – он указал на кучку заводских инженеров, каждый из которых сейчас норовил спрятаться за спину Пуришкевича, – нашим инженерам, которые дошли до такой наглости, что взяли на себя право говорить и решать от нашего имени.

Толпа зароптала, слышались голоса: «Позор!», «Гнать их всех в шею!», «В ржавые тачки их!»

Крылов поднял руку:

– Тише, товарищи! Скажите, знаете ли вы меня? Доверяете ли мне ответить за вас этим господам?

Люди дружно закричали: «Говори!», «Давай, Антон Михайлович, скажи им наше рабочее слово!» Кто-то весело предложил:

– Михалыч, ты их понятным языком, чтоб вернее дошло!

Крылов посмотрел в сторону Пуришкевича. Тот затравленно озирался: как бы сбежать. Но вокруг авто-

мобиля сотни людей, и, чтобы сбежать, надо спуститься к ним и пройти сквозь их ряды.

– Вот вам наш рабочий сказ, господа-граждане. Запомните: рабочий человек никогда не поддастся ни на сладкие речи, ни на деньги, ни на другие посулы. – Крылов обратился к рабочим: – Товарищи, я предлагаю принять резолюцию, осуждающую провокационную затею Пуришкевича, и направить нашу резолюцию в исполнительный комитет Минского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Все зааплодировали и одобрительно закричали.

Крылов в который уже раз взмахом руки потребовал внимания:

– И еще предлагаю от нашего имени обратиться ко всем рабочим города Минска и солдатам фронтовых частей, чтобы они не поддавались на враждебную революции агитацию Пуришкевича, не вступали ни в какие сделки с темными элементами буржуазно-монархических реакций. – Он повернулся к Пуришкевичу. – Вот так, господин Пуришкевич! Не советуем вам больше приходить к рабочим, а то вряд ли вам понравится уезжать каждый раз со двора на грязной тачке. – И – к рабочим: – А что, братцы, неужто у нас для уважаемого господина подходящей тачки не найдется?

Из последних рядов слышались громкие голоса:

– Как не найдется? Давно готова, даже не одна!

Пришлось Пуришкевичу, кое-кому из его помощников и двум или трем заводским инженерам пропутешествовать в грязных тачках под свист, улюлюканье и хохот за ворота мастерских.

По дороге в штаб милиции Галкин, восхищенно качая головой, сказал Крылову:

– Ну, Михалыч, и оратор ты! И где только научился?

– Где, где... В специальном университете.

– В каком же университете? Что за университет?

– Революция, братец. Революцией этот университет называется.

КОЕ-ЧТО ОБ АНТОНОВОЙ

Крылова срочно вызвал Гарбуз. В кабинете, кроме него самого, был Алексей. Гарбуз взглянул на Крылова-младшего:

– Ну вот, теперь, когда пришел твой непосредственный начальник, докладывай.

Алексей скупно кивнул отцу и заговорил:

– Все эти дни я занимался Антоновой. Встретился с женой полковника Гриденберга. Та уверена, что Антонова причастна к ее ограблению. Я, конечно, не мог не воспользоваться этим и поэтому не стал до поры до времени разяснять, что к чему. Она, оказывается, знает об Антоновой очень многое. Знакома, например, с ее любовником. Он действительно служит в банке. Имя его, – Алексей заглянул в бумажку, – Злобич Игорь Сергеевич. Так вот, если верить мадам Гриденберг, то Антонова очень искусная интриганка. Прежде они дружили и веряли друг другу тайны, в том числе и сердечные. Антонова влюбилась в Злобича и уговорила Гриденберг, чтобы та помогла ей поссорить Злобича с его невестой. – Алексей громко рассмеялся. – Они настоящий заговор устроили. Однажды, когда муж Антоновой уехал по делам в Москву, та позвонила в банк и попросила Злобича прийти к ней домой: ей якобы требовалась консультация по какому-то важному вопросу. Злобич, конечно, пришел, дал нужную консультацию, а хозяйка в благодарность щедро угостила его. Злобич опьянел. Она затащила его в постель, а сама подала знак мадам Гриденберг. Та послала служанку к невесте Злобича: не хотите ли взглянуть, чем занимается ваш будущий супруг? Невеста пожелала взглянуть. Ну и увидела... Свадьба расстроилась. Антонова же, обещая Злобичу золотые горы, молочные реки и кисельные берега, сумела его увлечь.

– Где он сейчас? – спросил Гарбуз.

– Злобич? Здесь, в Минске. Приехал недавно. Она, видно, и торопилась убрать мужа до его приезда.

– А зачем ей вообще убивать? – Гарбуз словно бы задал вопрос самому себе.

– О, эта дамочка сначала вышла замуж за состоятельного, а теперь хочет женить на этом состоянии милого ее сердцу молодого человека. – Алексей на минуту задумался. – А что, если мне поговорить со Злобичем?

– Да ты что! – махнул рукой Гарбуз. – Если у них любовь, то это гиблое дело. Вся наша работа пойдет прахом.

– Да никакой любви у них нет. Просто запутала она его. Если верить мадам Гриденберг, то он сам ломает голову, как отбрыкаться. Посудите сами: ей пятый десяток, ему тридцать или около этого.

– А какие у Гриденберг основания считать, что он хочет расстаться с Антоновой? – заинтересовался Крылов-старший.

– Злобич докопался через служанку, что вся та история... Ну, когда невеста его застучала в чужой постели, была подстроена.

– И все-таки не порвал с Антоновой, – словно сделал пометку для себя Антон Михайлович.

– К этому моменту он уже по уши был в долгах у Антоновой. Возникни перед ним перспектива избавиться от долгов и заодно сбежать от этой дамочки, он, думается, пойдет на все.

Антон Михайлович вопросительно посмотрел на Гарбуза:

– Если дело обстоит именно так, то, может, действительно рискнуть?

Гарбуз в последнее время чувствовал недоверие к себе со стороны многих сотрудников. Нет, никто из них прямо об этом не говорил и вида не подавал, но Гарбуз улавливал холодок отчужденности. Что поделаешь, сам дал повод.

И вот теперь ему было боязно сделать неверный шаг, взять на себя ответственность. Антон Михайлович видел это. И он принял решение:

– Хорошо. Поручаем тебе, Алексей, поговорить со Злобичем.

– А может, мы вместе? – несмело предложил Гарбуз.

– И то дело, – согласился Антон Михайлович. – Давай, Алексей, приглашай его прямо в штаб, здесь и по толкуем.

Было решено сегодня же встретить Злобича после работы у выхода из банка: зачем сослуживцам знать, что его приглашали в милицию. Алексей заторопился. Он не знал Злобича в лицо, поэтому надо было сперва забежать к Гриденберг домой и уговорить ее на совместную прогулку. Возле банка она дождется Злобича, заговорит с ним, а там Алексей уже будет знать, что делать. «О, Злобич очень заметный мужчина. Высок, строен, глаза голубые, шатен».

Алексей не знал, что такое «шатен», а уточнять постеснялся.

Тем не менее все сошло как нельзя лучше. На выходе из банка Гриденберг остановила Злобича, они обменялись несколькими фразами и разошлись в разные стороны. Алексей какое-то время держался в отдалении, потом резко прибавил шагу.

– Игорь Сергеевич?

Злобич словно споткнулся, удивленно посмотрел на незнакомца.

– Гражданин Злобич, я из милиции. Хочу вас попросить пройти со мной в штаб для разговора.

– А в чем дело? – испуганно спросил Злобич. – Что случилось?

– Мы вам все объясним, а теперь, прошу, пройдемте со мной, здесь недалеко.

Злобич недоуменно пожал плечами и молча пошел рядом с Алексеем. В штабе дожидавшийся их Антон Михайлович сразу приступил к делу:

– Игорь Сергеевич, скажите, с какой целью вы ездили в Москву?

Злобич смутился, Крылов же озадаченно подумал: «Странно, я ему задал такой простой вопрос». Но ответ Злобича заставил его еще больше удивиться.

– Я не был в Москве.

– Как так не были? Нам же сказали в банке, что вы...

– Да, так считают в банке, но ведь я должен говорить правду. Не так ли?

– Совершенно верно.

– Мне хотелось сначала бы узнать причину моего ареста.

– Ну что вы, Игорь Сергеевич, – успокоил его Крылов, – никто вас не арестовывал. Мы просто рассчитываем на вашу помощь, но для начала хотелось услышать ответ на наш вопрос.

– Хорошо, я отвечу. Меня попросила одна знакомая, имени которой я не хотел бы называть, да оно вам ни к чему, съездить в Смоленск.

Было очевидно, что Злобич имеет в виду Антонову, а значит, все, связанное с его поездкой, представляет немалый интерес. «Но как у него все это вытянуть? – с тоской думал Антон Михайлович. – А что, если называть имя дамы? Эх, была ни была!»

– Я забыл сказать вам, Игорь Сергеевич: многое из того, что нам нужно, мы уже знаем. В доказательство назову имя дамы, которая вас посылала в Смоленск. Хотите?

Злобич, улыбаясь, кивнул:

– Ну-ну, интересно.

– Людмила Андреевна Антонова, супруга бывшего управляющего банком, а ныне любовница одного из банковских служащих, которого, если вам угодно, я тоже могу назвать.

Лицо Злобича побледнело, на нем была теперь растерянность. Наступила очередь улыбнуться Крылову:

– Ну как, я не ошибся?

– Боже мой! Откуда вам все это известно?

– Такая уж у нас работа. Продолжим?

– Да-да. Меня попросила Людмила Андреевна Антонова съездить в Смоленск, разыскать там двух мужчин и передать от нее письмо. Она подсказала, как мне отпроситься в банке: требуется, мол, съездить по личным делам в Москву.

– И вы нашли этих двух мужчин?

– Нет. Один из них в начале нынешнего года уехал куда-то на юг, второй оказался обыкновенным разбойником и в апреле при попытке ограбления был убит. Я еще удивился, что у Людмилы Андреевны такие друзья.

– Фамилии их помните?

– О да, конечно. Тот, который уехал из Смоленска, – Писляк Георгий Андронович, а погибший – Проскурин Виктор Евгеньевич.

– Значит, письмо вы привезли обратно?

– Естественно.

– Где оно?

– Возвратил Людмиле Андреевне.

– Что в нем было?

– Я не читаю чужих писем.

Антон Михайлович уже несколько присмотрелся к Злобичу и поэтому сразу же уловил фальшь в его последних словах. «Нет, голубчик, здесь ты, скорее всего, сбрехнул. Ты же сам голову ломаешь, как от нее отвязаться, и, конечно, тебе далеко небезынтересно было знать содержание письма».

– Игорь Сергеевич, нам доподлинно известно, как вы оказались в ее сетях, и даже то, что вы ей задолжали немалую сумму.

– Если бы я мог отдать ей долг... – грустно начал Злобич, но Антон Михайлович его перебил:

– Может случиться, что вам, Игорь Сергеевич, и не надо будет его отдавать.

– Как это – не отдавать?

– А вот так, без малейшего морального урона. Однако вы должны понять, что нам нужна от вас только правда. Поверьте, это нужно не только нам, но и лично вам. Поэтому прошу, скажите, что было в письме?

Злобич, смущенно ломая пальцы, выдавил из себя:

– Да, знаете... я рискнул прочесть его. Согласитесь, выглядело странным, что она сорвала меня с работы и превратила в письмоносца. И ради чего? Чтобы я отыскал в Смоленске двух темных типов, адреса которых она даже не знала. Я, конечно, долго колебался, но потом рискнул и осторожно вскрыл конверт.

– И что же?

– Письмо было до подозрительности коротким: «У меня для вас за очень хорошую плату есть работа. Что делать, вы уже знаете. Приезжайте. Если дома буду не одна, скажите, что вы паркетчики и явились по моему вызову». Ну, и еще адрес.

– И что дальше? – спросил Антон Михайлович.

– Что дальше? Я же вам сказал, что людей этих не нашел и, запечатав письмо, вернул его Людмиле Андреевне.

– Какие у вас дальнейшие планы в отношении Антоновой?

– Никаких.

– А у нее?

– Насколько я понимаю, она не хочет со мной расставаться. Делает прозрачные намеки на то, что-де наступит момент и мы с нею станем мужем и женой. Только не пойму, на что она надеется. Любомир Святославович крепок здоровьем и уходить в мир иной не собирается. Если же она сама уйдет от него – что я полностью исключая, зная ее страсть к роскоши, – то останется нищей.

– А как у вас сейчас отношения с невестой?

– Елизавета полностью порвала со мной. Я пытался после того – вы же знаете? – ужасного случая объяснить, пошел к ней домой, но она захлопнула передо мною дверь и даже в дом не пустила.

Отец и сын Крыловы переглянулись, словно мысленно советовались друг с другом, и Антон Михайлович обратился к Злобичу:

– Игорь Сергеевич, если вы согласитесь нам помочь, то мы со своей стороны обещаем помочь вам наладить отношения с невестой.

– Что я должен сделать?

– Согласны ли вы безоговорочно выполнять все наши требования?

– Согласен, – твердо ответил Злобич. – Итак, что от меня требуется?

– Пока только одно – молчать, – сказал Антон Михайлович Крылов.

К моменту возвращения Михайлова из Петрограда обстановка в Минске еще больше накалилась. Город и окрестности были забиты войсками, направляющимися на фронт. Городские комиссариат и Дума, с одобрения засевших там меньшевиков, пытались использовать эти войска в своих целях. Пребывание большевиков в одной объединенной организации с меньшевиками становилось все более нетерпимым. Большевики города поддержали предложение инициативной группы о немедленном проведении общегородского партийного собрания. Первого июня такое собрание состоялось. Обсуждался один вопрос: о выходе из объединения с меньшевиками и образование Минского комитета большевиков. Собрание единодушно приняло решение о немедленном разрыве отношений с меньшевиками. Сразу же был избран Минский комитет РСДРП (б) во главе с Александром Федоровичем Мясниковым. Михайлов, Кнорин и Ландер стали членами комитета. В борьбе против меньшевиков, эсеров и разного рода оборонцев комитет большевиков стал играть роль партийного центра. Особое внимание уделялось установлению немедленных контактов с большевистскими организациями вновь прибывающих воинских частей. В то же время велась огромная подготовительная работа по организации Областного Совета рабочих и солдатских депутатов и Областного комитета РСДРП (б).

Дня не хватало. На поздний огонек в кабинете Михайлова пришел Гарбуз. Он был в приподнятом настроении.

– Мясников просил передать: сегодня получены сообщения из Гомеля, Борисова и Бобруйска. Там последовали нашему примеру – большевики вышли из «объединенки» и создали самостоятельные организации.

– Отлично! Важно было начать! – радостно воскликнул Михайлов. – А где Мясников?

– Собирался к тебе. Заканчивает проект Манифеста Минского комитета РСДРП (б).

– Хорошо. Пока он придет, давай, Иосиф, подумаем, как нам наладить дело политического образования сотрудников милиции. У меня подготовлено кое-что из

литературы. Первое занятие проведу я, следующее – ты. Вообще же надо создать пропагандистскую группу из наиболее подготовленных большевиков. Взгляни-ка, – Михайлов пододвинул к сидевшему через стол Гарбузу несколько исписанных листов бумаги и вырезки из газет. – Здесь кое-что из высказываний Владимира Ильича Ленина о милиции. Вот, например, – он взял лежавшую сверху вырезку из газеты, – его статья, опубликованная в «Правде» еще 20 апреля. Послушай: «Введение рабочей милиции... есть мера, имеющая огромное – без преувеличения сказать можно: гигантское, решающее – значение, как практическое, так и принципиальное. Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее невозможно, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца...» – Михайлов на секунду оторвал взгляд от бумаги. – Посмотри, как четко Ленин определяет задачи милиции: «Всенародная милиция – это значит, что контроль (за фабриками, за квартирами, за распределением продуктов питания) обязан остаться не на бумаге... Всенародная милиция – это значит, что распределение хлеба пойдет без «хвостов», без всяких привилегий для богатых». Короче говоря, бери изучай. А сейчас – ко мне. Мясников найдет нас там. Я тут набросал одно заявление. Так вот, пока Соня будет его печатать, а я диктовать, ты, дружище, вскипятишь чай.

– Михаил, но ведь ночь на дворе. Твоя жена накостыляет нам по шее и вытурит вон, – взмолился Гарбуз.

– Ты плохо знаешь мою жену, Иосиф. Тем более где я сейчас, в два часа ночи, машинистку возьму?

– Что за заявление?

Пока они спускались на первый этаж, шли по длинному коридору, Михайлов объяснил:

– Ты же знаешь, после того как я отказался по требованию этой соглашательской публики уйти с поста начальника милиции, Минский губернский комиссариат состряпал даже обвинение против меня, вызвал специальную правительственную комиссию из Петрограда и подобрал кандидатов на мое место...

– А фигу они не хотят? – на ходу бросил Гарбуз.

– Конечно, не хотят, но они ее получают в виде этого самого заявления.

Он отпер дверь и тихо сказал Гарбузу:

– Обожди минутку, я разбужу Соню. Он прошел в спальню, зажег свет. Соня спала, свернувшись под одеялом калачиком. Вдруг стало жалко будить ее. Но что поделаешь, заявление к утру должно быть отпечатано, да и Мясников придет не в гости – надо срочно печатать Манифест.

Михайлов наклонился и губами прикоснулся к щеке жены. Соня вздрогнула, открыла глаза и, увидев мужа, обвила руками его шею:

– Пришел? Сейчас встану, напою тебя чаем.

– Я не один, Сонечка, со мной Иосиф.

– Обоих напою.

– Этим займется Иосиф, а тебя я хочу попросить о другом.

– Понимаю. Только ты ступай к Иосифу, я оденусь и приду.

Михайлов позвал из прихожей Гарбуза и проводил его на кухню:

– Вот, дорогой Иосиф, аппарат под названием печь, вот вода, чайник, дрова за печкой. Приступай, а мы пошли работать.

Гарбуз молча принялся возиться у печи, а Михайлов через несколько минут уже диктовал. Гарбуз невольно прислушался к его ровному, неторопливому голосу: «Ныне все более и более обнаруживается тенденция превратить милицию в административный полицейский аппарат типа старой полиции. Ей навязываются чуждые по существу функции политического сыска и органа политической борьбы... Губернский комиссариат делает определенные попытки подчинить милицию комиссариату...»

В этот момент в коридоре послышались шаги и вошел Мясников. Как всегда, аккуратный, подтянутый, бодрый.

– Вот они чем занимаются! – весело проговорил он. – Как будто нет дела более приличествующего данному времени и месту.

– Что ты имеешь в виду? – отвечая на рукопожатие, спросил Михайлов.

– Ну, сон хотя бы. Что вы тут сочиняете? – Мясников склонился через Сонино плечо и прочел то, что она успела напечатать. – Так, «работники милиции отказываются подчиняться представителям центральных властей и выполнение их требований считают для себя необязательным». Правильно. И еще обязательно напиши, Михаил, что работники милиции видят свою задачу в организации общественной безопасности и в поддержании революционного порядка, а отнюдь не в политическом сыске.

– Так и напишу, – мягко улыбнулся Михайлов. – А чтобы тебе не было скучно, пока я тут закончу, иди на кухню и помоги Иосифу готовить чай.

– Охотно! – ответил Мясников. Через минуту с кухни послышался его голос: – Эй, хозяйка, а где заварка?

– В столике слева, – громко ответила Соня.

Вскоре Михаил Александрович закончил диктовать, прочитал текст и поцеловал Соню:

– Ни одной ошибочки! Ну что, пойдем чаевничать?

– Нет, давайте уж все разом. Что там у Александра Федоровича? Отпечатаю, накрою на стол, а сама, извините, пойду спать.

Михайлов громко позвал:

– Саша, твоя очередь.

Мясников начал диктовать:

– «Мы, как передовой отряд рабочего класса, стремимся к социалистическому строю путем твердой классовой борьбы пролетариата; мы сплачиваем рабочих, как единый класс, вокруг нашего верного знамени. Революционный класс должен иметь и революционную тактику. Соглашение с буржуазией, хотя бы временное, в корне вредит интересам пролетариата...»

К тому времени, когда Соня отпечатавала подпись: «Минский комитет Российской социал-демократической

рабочей партии большевиков», в кухне уже вовсю кипел чайник. Соня собрала на стол, а сама удалилась в спальню. Оказалось, что все изрядно проголодались: с аппетитом ели хлеб с салом, в сосредоточенном молчании пили чай. Но долго так продолжаться не могло. Поговорка: когда ем – глух и нем, не для людей, которых денно и нощно обуревают заботы. Первым не выдержал Гарбуз:

– Вчера ко мне приходил бывший надзиратель. – Он повернулся к сидевшему рядом Михайлову. – Тот самый, ты должен помнить, что помог нам выяснить фамилию Данилы. Так вот, он сообщил, что его и многих его коллег по решению губернского комиссариата направили опять работать в тюрьму.

– Безобразие! – бросил Мясников. – Немедленно надо вмешаться.

– Я знаю, чем это вызвано, – отставил в сторону стакан с чаем Михайлов. – Вчера мне по этому поводу звонил Онищук. Дело в том, что и тюрьму, и многие казармы, и даже монастырские помещения готовят для содержания под арестом солдат, выступающих против продолжения войны.

– Это серьезно, – озабоченно сказал Мясников. – Они арестуют многих большевиков...

– И сделают это как можно скорее, – согласился Михайлов. – Поэтому я предлагаю утром направить нашего человека к Жихареву с письмом. Необходимо предупредить товарищей.

– Согласен, – кивнул Мясников и задумался. – Хотя не думаю, чтобы мы могли полностью избежать арестов. К тому же, насколько мне известно, в тюрьме и сейчас содержатся солдаты, арестованные якобы за дезертирство.

– У меня есть предложение, – нетерпеливо вмешался Гарбуз. – Воспользоваться тем, что в числе тюремных надзирателей будут наши люди, и организовать агитационную работу среди арестованных солдат.

– Неплохая мысль! – поддержал Михайлов. – А если еще узнать через Жихарева и других наших представителей в войсках фамилии арестованных солдат-

большевиков, то мы можем наладить связь с этими товарищами, создавать из числа арестованных группы агитаторов и направлять их во фронтовые части.

– Да, к таким агитаторам будут прислушиваться, – кивнул Мясников. – Утром подберем человека и направим его к Жихареву. Но нам надо довести до логического конца и вопрос разрыва с меньшевиками, ведь формально «объединенка» продолжает существовать. Поэтому я предлагаю разработать специальный план общего собрания с меньшевиками. Комитет большевиков обеспечит явку всех своих членов, в том числе и представителей военных организаций гарнизона. Таким образом, мы сможем гарантировать подавляющее большинство на собрании «объединенки». От имени большевистской фракции выступишь ты, Михаил Александрович. Раскроешь сущность наших разногласий и предложишь проект резолюции о полном разрыве с меньшевиками. Собрание надо провести не позднее четвертого июня. Я понимаю, Миша, что тебе трудно подготовиться за столь короткий срок, но ты ведь только что прибыл из Петрограда, встречался с Лениным, слушал его выступление, получил необходимые материалы и инструкции. Тебе, как говорится, и карты в руки.

– Что ж, надо – значит надо. Будем готовить собрание, – сказал Михайлов и по-хозяйски осведомился: – Как вам понравился завтрак?

– И верно, – рассмеялся Гарбуз, – садились за стол ужинать, а встали после завтрака. Самое время приступить к работе.

Михайлова в его кабинете дожидался дежурный судья: хотел посоветоваться по не совсем обычному делу. Милиционер и какой-то пожилой крестьянин доставили в штаб милиции молодого парня. Крестьянин утверждал, что парень украл у него котомку, в которой были две буханки хлеба, кусок сала и почти фунт сахара.

– Понимаете, – говорил взволнованно судья, – этот парень, конечно, личность подозрительная, но в краже не сознается, да и улики – той же котомки с продуктами – тоже нет. Что делать?

– Милиционер подтверждает факт кражи?
– Нет, он привел подозреваемого по настоянию крестьянина.

– Ваше мнение? – спросил Михайлов.

– Может, задержать парня?

– Если у вас нет доказательств его вины, то нет и права его задерживать или арестовывать. Но тут случай особый. Давайте так: я позвоню Гарбузу, чтобы он или кто-нибудь из сотрудников уголовного отделения помогли вам разобраться.

Судья ушел. Михайлов вызвал по телефону Гарбуза.

– Слушай, Иосиф, тут у меня был судья. У него казусный случай: вроде бы простое воровство и в то же время... Займись-ка ты этим делом. Надо, чтобы и крестьянин не остался в обиде на нашу власть, и чтоб все по закону...

На часах было шесть утра. До встречи с Алимовым и Крыловым-старшим оставался ровно час. Михайлов запер дверь на ключ, подошел к окну, открыл его. После этого расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки и сел на кожаный диван, стоявший в углу кабинета. Час для человека, привыкшего считать время на минуты, – это очень много. Он расслабился, тут же уснул, но ровно через шестьдесят минут проснулся. Вышел в коридор. Там в углу был водопроводный кран. Умылся холодной водой, причесался и – готов снова работать. Словно по сигналу появились Крылов и Алимов.

– Ну-ну, входите, шерлоки холмсы, – приветствовал их Михайлов. – Извините, что так рано встречу назначил: в восемь тридцать я должен быть в маршевом батальоне, которому завтра – на фронт. А потом пойдет карусель на весь день.

Крылов начал докладывать:

– В общем, Михаил Александрович, мы приняли решение. Альгис и Роман пойдут в логово бандитов.

– Как пойдут? – забеспокоился Михайлов.

– Ну, примут участие в ограблении известного вам «богача». Но сейчас речь идет о создании отряда для захвата банды. Надо также подумать, как наших хлопцев подстраховать, они же прямо зверю в пасть лезут.

– Понимаю, – озабоченно сказал Михайлов, – это действительно очень опасно. Что ты, Антон Михайлович, предлагаешь?

– Я думал создать группу из числа наиболее опытных наших работников, которые бы с этой минуты неотступно следовали за Алимовым и Шяштокасом. Да теперь уже и не знаю. – Крылов сделал небольшую паузу и, кивнув в сторону Алимова, сказал: – Вот он – против.

– Почему? – спросил Михайлов у Алимова.

– Понимаете, Михаил Александрович, чем больше мы привлекаем на данном этапе людей, тем меньше шансов сохранить операцию в тайне. К тому же посудите сами: туда, где нам грозит опасность, товарищи вместе с нами не войдут. Люди нужны больше для связи – два, максимум три человека. Пока мы не узнаем, где находится каждый бандит, не доберемся до самого Данилы, приступать к завершению операции не следует.

Михайлов слушал Романа и не мог скрыть радости. «Дорогие мои! До чего ж вы замечательные люди! Учитесь на ходу, а уже размышляете, как профессионалы. А Крылов-то, Крылов... Не всякий вот так запросто поступится самолюбием ради пользы дела. Да с вами можно горы своротить!»

На какое-то время он даже отвлёкся от сути разговора, но, уловив, что Крылов и Алимов продолжают начатый, видимо, еще на улице спор, легонько хлопнул по столу ладонью:

– Ладно, братцы. Принимаем предложение Романа. Только я попрошу тебя, Михалыч, вместе с ними, конечно, с Альгисом еще раз тщательно продумайте каждую деталь. Торопиться не будем, но и медлить нельзя: каждый день может принести новое убийство или ограбление. Помните, что Венчиков и его дружки – не простые бандиты, а, я бы сказал, бандиты с политическим уклоном. Каждая наша неудача в этом деле – радость для наших политических врагов.

ВДОВСТВО НЕ СОСТОИТСЯ

Утром Крылову-старшему позвонили железнодорожники и сообщили, что поездом убит неизвестный мужчина. Это навело Крылова на дерзкую мысль, и он немедленно направил на станцию сына. Алексей задание отца выполнил четко: труп был доставлен в морг ближайшей от штаба больницы. Теперь этому трупу предстояло сыграть немалую роль в деле разоблачения Антоновой. Но тут вдруг вмешалось непредвиденное обстоятельство: на следующее утро в морге случился пожар. Снова Алексей поехал в больницу. Возвратившись, он успокоил впавшего было в уныние отца:

– Труп здорово обгорел, но, я думаю, он нам тем более пригодится. Ты строил расчеты на том, что Антонова не захочет видеть убитого. А теперь можем и показать – все равно не узнает.

– Хорошо, – сказал Антон Михайлович. – Давай связывайся с Шяштокасом и Дмитриевым...

К вечеру в том же кабинете собрались уже вчетвером.

– Михайлов и Гарбуз одобрили наше предложение. Так что на деле Антоновой будем ставить точку, – сказал Крылов-старший.

– Кого даете нам в помощь? – спросил Шяштокас.

– Выделено семь милиционеров и грузовой автомобиль.

– Автомобиль – это хорошо. Он у меня запланирован. – Шяштокас обернулся к Дмитриеву. – Кстати, ты умеешь водить автомобиль?

– Нет, ты же ей сказал – учусь.

– Хуже... – Шяштокас на секунду задумался. – А знаешь, как мы сделаем? Попросим шофера подогнать автомобиль к Губернаторскому саду, ты сядешь за руль, а я дам Антоновой возможность на тебя взглянуть. Думаю, этого будет достаточно...

Через полчаса Шяштокас уже прохаживался у входа в Губернаторский сад. Антонова появилась минута в минуту.

– Ну, как дела?

– Дела у прокурора, а у нас маленькие и притом темные делишки. Где покойник?

– Какой покойник? – переспросила Антонова, но тут же спохватилась: – Ах, Альгис, ну и шутки! Любомир дома. А вы что, уже готовы?

– Естественно, мадам. Если угодно, я вам кое-что покажу.

Они направились к стоявшему за углом сада автомобилю, и Антонова сразу же узнала Дмитриева.

– Великолепно! – От радости она даже хлопнула в ладоши. – Когда приступите к делу?

– Если не возражаете – немедленно.

– Господи! Я так долго ждала этого момента. Что я должна делать?

Шяштокас оглянулся и уже серьезным тоном сказал:

– Ступайте домой и любыми средствами вытащите своего Любомира на улицу. Придумайте сами, что ему сказать.

– Не беспокойтесь, я просто выведу его на прогулку. Только скажите: где вы хотите это сделать?

Шяштокас решил покуражиться:

– Помнится, у нас был на этот счет разговор. Но, если хотите, все произойдет у вас на глазах.

– Здесь? Прямо на улице? Альгис, голубчик, а нельзя ли где-нибудь подальше? Я, скажем, поведу его гулять на тот берег Свислочи, а там отлучусь, ну, вроде как по нужде...

Шяштокас сделал вид, будто задумался, а затем предложил:

– Я хотел, чтобы вы сами видели нашу, так сказать, работу. Ладно, сделаем иначе. Вы с ним прогуливаетесь, мы подходим и говорим, что мы из полиции...

– Из милиции, голубчик, из милиции, – поспешно поправила его Антонова.

– Да-да, из милиции. Предлагаем ему пройти с нами, садим в автомобиль и увозим. Но это несколько усложнит дело... Понимаете?

Шяштокас играл вдохновенно: он явно выторговывал дополнительную плату. Антонова, не мешкая, нервно согласилась:

– Хорошо, хорошо, я учту это при расчете.

– О, мадам, заранее вам благодарен. Тогда идите и не забудьте сунуть ему в карман какой-нибудь документ.

– А это зачем?

– Дорогая, – усмехнулся Альгис, – не будете же вы настаивать, чтобы труп, весь в крови, в грязи, мы в качестве доказательства, что дело сделано, везли к вам прямо домой?

– Да-да, вы правы. Я придумаю что-нибудь.

– Ну, тогда в путь. Когда мы его увезем, идите домой и готовьте наш гонорар, после чего можете приступить к подготовке похорон.

Антонова ушла. Шяштокас, убедившись, что Алексей Крылов и еще два товарища последовали за ней, быстро направился к автомобилю.

Дмитриев встретил его озабоченным вопросом:

– Слушай, а как же мы его увезем, когда я даже не знаю, как эта железная телега заводится?

– Ручкой, дорогой, ручкой. За руль сяду я. И до конца квартала как-нибудь доеду. А там, за углом, меня сменит шофер, которого ты сейчас пойдешь предупредишь.

Дмитриев быстро исполнил поручение и присоединился к Шяштокасу. Потянулись томительные минуты ожидания. Полчаса, час... Шяштокас начал уже жалеть, что не оговорил с Антоновой запасный вариант – на случай, если муж откажется пойти с нею на прогулку. Но тревога оказалась напрасной: они одновременно увидели шествующую вдоль ограды Губернаторского сада парочку. Перешли на другую сторону с тем, чтобы пропустить Антоновых вперед. Шяштокас тихо сказал:

– Глядя на них со стороны, можно подумать, что это благополучнейшая в мире чета.

– А что такое «чета»?

– Ну, супруги, муж и жена.

– Ага, ясно. Ну что, пошли?

Они перешли улицу. Шяштокас сел за руль, а Дмитриев взял рукоятку и начал заводить мотор. Крутить пришлось долго. Дмитриев уже начал выходить из себя, а тут еще, вытирая со лба пот, увидел расплывшееся в улыбке лицо Шяштокаса. Не выдержал – и чертыхнулся. Как будто именно от этого мотор чихнул и наконец заработал. Дмитриев сел рядом с Шяштокасом:

– Что, смешно?

– Очень. Ты сорок два оборота сделал. Запомни это число: следующий раз продолжишь счет.

– Нет уж, извини, следующего раза не будет – твоя очередь. Альгис, стой! Мы уже их обогнали.

– Вижу.

Машина резко затормозила – это Шяштокас неумело ее остановил. К счастью, мотор не заглох. Они оба пошли навстречу приближающейся парочке. Шяштокаса в который раз поразило лицо Антоновой: спокойное, улыбающееся. Держа под руку мужа, она, казалось, внимательно слушала его и никого вокруг не замечала. Шяштокас, тронув за локоть Антонова, вежливо спросил:

– Простите, вы будете Антонов Любомир Святославович?

Тот остановился и недоуменно ответил:

– Да, я. А в чем дело?

– Мы – сотрудники Минской городской милиции. Вам надо срочно проехать с нами в штаб, есть очень важный разговор. Извините, что останавливаем на улице. Мы были у вас дома, служанка сказала: пошли на прогулку. Пришлось догонять.

Не давая Антонову опомниться, Шяштокас жестом пригласил его в автомобиль. Антонова, сделав удивленное лицо, спросила:

– Господа, что случилось? Я его супруга.

– Ничего, мадам, не случилось. Просто нам надо переговорить с Любомиром Святославовичем.

– А мне можно поехать с вами?

– О, с удовольствием разрешил бы, но у нас только два места в кабине. А приглашать вас в кузов неловко. Так что, извините, гражданочка, но вам придется пройти пешком.

– Ничего, дорогая, – Антонов успокаивающе дотронулся до руки жены. – Не волнуйся, иди домой, я скоро приду. Здесь какое-то недоразумение.

И он с хмурым лицом направился к автомобилю. Шяштокас сел за руль, а Дмитриев устроился на подножке. Мотор заурчал громче, и автомобиль, дернувшись несколько раз, покатил по улице. Дмитриев видел, как Антонова, проводив машину взглядом, повернулась и быстро зашагала в сторону своего дома.

За углом к машине подбежал водитель. Шяштокас молча уступил ему место за рулем, а сам встал на свободную подножку. Через несколько минут автомобиль въезжал во двор штаба милиции. Черный ход был открыт, и Антонова провели в кабинет Антона Михайловича Крылова. Тот уже ждался.

– Любомир Святославович, у нас к вам серьезный разговор. Мы вынуждены были привезти вас сюда, ибо вашей жизни угрожает опасность.

– Меня хотят убить?! За что?

– Кое-кому захотелось завладеть вашим имуществом.

– Господи, кому я понадобился?

– Да говорю же вам, не вы понадобились, а ваше имущество: деньги, драгоценности.

– Нет, здесь что-то не то.

– То, Любомир Святославович, к сожалению, то.

Антон Михайлович сначала не собирался говорить Антонову, что заговор против него подготовила собственная жена, но теперь пришел к выводу, что лучше сказать правду. Он отодвинул в сторону телефонный аппарат, словно тот мешал ему видеть собеседника, и продолжил:

– Наберитесь терпения и выслушайте: убить вас собирается ваша нынешняя жена Людмила Андреевна...

– Чуть какая-то, – нервно повел плечами Антонов. – Да вы знаете, как она меня любит?

– Знаем. Но еще сильнее она любит небезызвестного вам Злобича Игоря Сергеевича.

– Не может быть. Это просто чудовищно, это оговор честной, порядочной женщины...

– Перестаньте, Любомир Святославович, – перебил Крылов. – Помолчите немного и послушайте. Скажите, как погибли ваша первая жена и дочь?

– У меня было небольшое имение. Ну, скажем, дача. В четырнадцатом году двое пьяных крестьян подожгли дом. В огне сгорели моя супруга и дочь. Поджигатели скрылись. Вы можете сами в этом убедиться, если обратитесь к следственным архивам.

– Мы обратились. И пришли к выводу, что следствие велось из рук вон плохо и пошло по ложному следу. Наш сотрудник побывал в деревне, где было ваше имение, и разыскал крестьян, которые уже после отъезда следователей обнаружили трупы тех людей, которых сочли поджигателями. А настоящие убийцы – Людмила Андреевна Журавкина и ее двое дружков Писляк и Проскурин, которых она специально для этой акции привезла из Смоленска, – остались безнаказанными. Более того, Журавкина добилась своей цели: вышла за вас замуж и получила доступ к вашему состоянию. А теперь она решила пойти до конца. Нашла молодого симпатичного человека – я вам уже о нем говорил, его фамилия Злобич – поссорила его с невестой, опутала долговыми сетями и рассчитывает после расправы с вами выйти за него замуж. Каково?

– Уму непостижимо. – Антонов опустил голову и на какое-то время задумался. В кабинете наступила гнетущая и тревожная тишина. Наконец Антонов спросил: – А откуда вы все это знаете?

Вместо ответа Крылов поинтересовался:

– Скажите, вы ведь знакомы со Злобичем?

– Конечно. Но с его стороны я ничего подозрительного не наблюдал. Вот в отношении пожара кое-что припоминаю: Людмила Андреевна, тогда еще на пра-

вах друга семьи, возила туда своих знакомых. Я хотел сделать ремонт дома, и она сказала, что эти люди могут быть мне полезны. Они действительно были из Смоленска.

— Да, у меня еще вопрос, — оживился Антон Михайлович. — Дело в том, что за ваше убийство Людмила Андреевна сегодня же обязалась выплатить вознаграждение. Но лишь после того, как ей будет предъявлено доказательство вашей смерти. Не уговаривала ли она вас, когда вы собирались на прогулку, взять с собой какой-нибудь документ?

— Да, я еще не мог сообразить, зачем это понадобилось, — растерянно пробормотал Антонов. — Взял только рецепт, его вчера выписал мне доктор. Мы договорились, что во время прогулки зайдем в аптеку и получим это лекарство. — Антонов достал из кармана большой кожаный кошелек, извлек из него рецепт и положил на стол. — Вот. Господи, где взять силы, чтобы пережить все это?

— Крепитесь, силы вам действительно понадобятся. Ради вашей же безопасности мы вас пока, до завершения операции, оставим здесь. Ну, а чтобы вам было о чем на досуге подумать, перейдем ко второму вопросу. Мы предлагаем вам рассказать обо всех махинациях и аферах, которые были вами осуществлены в бытность управляющего банком, и возратить присвоенные деньги. — Крылов увидел, что Антонов хочет возразить, поднял руку. — Подождите, выслушайте меня внимательно. Во-первых, вы сами видите, что мы уже кое-что знаем. Добавлю: компетентные люди, которым мы это поручили, несколько дней тщательно и не без успеха изучают банковские документы. Во-вторых, мы изобличили гражданку Журавкину в поджоге и убийстве вашей супруги и дочери, а также в подготовке еще одного убийства — речь идет о вас. Ей нечего терять, она сама выдаст нам деньги, драгоценности и, конечно, расскажет о вас все, что ей известно. Так не лучше ли вам чистосердечным признанием облегчить свою судьбу? Вот над этим подумайте хорошенько. С учетом военного времени.

Едва Шяштокас и Дмитриев сдали Антонова дежурному, как появился запыхавшийся Алексей Крылов.

— Ну, Альгис, и заставил же ты нас поволноваться, когда машина вдруг начала дергаться и прыгать, как коза.

— Зря волновался, дорогой: если понадобится, я и паровоз поведу, даже в аэроплан сяду.

— Ну, расхвастался! — махнул рукой Алексей и тут же стал докладывать подошедшему Антону Михайловичу: — Товарищ начальник отделения...

— Ладно, не валяй дурака, — одернул отец сына. — Итак, чем занималась вдова после того, как увезли на смерть ее мужа?

— Не стала терять времени. Пришла домой, выпроводила служанку и с полчаса чем-то там занималась. Затем появилась во дворе с эмалированным ведром и лопатой. Пошла в сад и в дальнем углу закопала это ведро. После этого вошла в дом и минут через двадцать появилась уже в другой одежде. В руках у нее был небольшой чемоданчик. Возле банка ее дожидался уже знакомый нам Злобич. Пошли к нему домой, оттуда она вышла минут через пять одна и уже без чемоданчика. Быстро возвратилась к себе и показала на улице только минут через пятнадцать. В руках — опять-таки небольшой чемоданчик. Направилась по Петропавловской вниз, в сторону реки. Хлопцы пошли за ней, а я — сюда, как и было приказано.

— Прячет что-то у своих знакомых, — задумчиво проговорил Антон Михайлович. — Даже Злобича не забыла. Интересно, скажет он нам об этом или нет?

— Поживем — увидим, — отозвался Шяштокас. — Я думаю, Антон Михайлович, что торопиться не надо. Пусть побеждает по знакомым, а когда набегается, мы пойдем по этим адресам.

— Я тоже так думаю, — согласился Крылов-старший. — А когда вы явитесь к ней с докладом, что дело сделано?

— Я считаю, завтра или даже послезавтра.

КОНЕЦ «ОБЪЕДИНЕНКИ»

Последнее совместное с меньшевиками собрание состоялось точно в назначенный день и час. Выступивший с докладом Михайлов подверг уничтожающей критике враждебную деятельность меньшевиков и внес предложение о выходе большевиков из «объединенки», которую — как организацию — он назвал «политическим трупом». Меньшевики пытались сопротивляться, но на выступление каждого из их ораторов отвечали два-три большевистских. В конце концов меньшевики под общий смех покинули зал. После этого председательствующий Мясников поднял руку, требуя тишины.

— Товарищи! Недавно Михаил Александрович Михайлов как председатель Совета крестьянских депутатов и председатель его исполнительного комитета принимал участие в работе Всероссийского съезда крестьянских депутатов. На съезде он встречался и беседовал с товарищем Лениным. Попросим товарища Михайлова выступить.

Зал на секунду притих, а затем вздрогнул от бурных аплодисментов. Михайлов, взволнованный, шел к трибуне и в последний раз прикидывал, что он скажет.

На Всероссийском съезде большевики были в меньшинстве, однако избранный в президиум Михайлов попросил слова и внес на рассмотрение проект резолюции о неотложной безвозмездной передаче земли крестьянам и необходимости создания правительства, пользующегося абсолютным доверием народа. Эсерам и меньшевикам, практически руководившим съездом, удалось эту резолюцию отклонить. Михайлов, расстроенный и злой, сел на место, и тут кто-то тронул его за плечо. Обернулся и не поверил своим глазам: перед ним стоял Ленин. Михайлов не видел Ленина одиннадцать лет, но отметил про себя, что Владимир Ильич изменился мало: тот же внимательный, чуть прищуренный взгляд, та же улыбка, излучавшая

доброжелательность и тепло. «Владимир Ильич! — прошептал изумленно Михайлов и тут же, перебив очередного оратора-меньшевика, возгласил: — Товарищи! На наш съезд прибыл Владимир Ильич Ленин». Делегаты встретили это сообщение громом аплодисментов и одобрительными криками. Ленину вынуждены были предоставить внеочередное слово. После выступления Владимир Ильич беседовал с Михайловым.

И вот теперь Михайлов, поднявшись на трибуну, начал именно с этого — с его разговора с Ильичом. Потом остановился на событиях в Минске:

— Мы с вами сегодня навсегда положили конец сотрудничеству с соглашателями-меньшевиками. Но это не значит, что нам станет легче в нашей борьбе — наоборот, меньшевики, эсеры и всякие прочие националистические, буржуазные и монархические элементы с еще большим остервенением ополчатся против нас. В «Апрельских тезисах» товарищ Ленин дает нам новую ориентировку, вооружает конкретным планом борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. В экономическом плане сегодня вопрос стоит так: конфискация всех помещичьих земель, национализация всех земель в стране, передача права распоряжаться землей местным Советам крестьянских депутатов. Далее. Товарищ Ленин призывает нас, большевиков, не делать никаких уступок так называемому «революционному оборончеству». Он подчеркивает, что Временное правительство не даст народу ни хлеба, ни мира, ни свободы. Закончить войну справедливым миром невозможно без свержения буржуазии. Ленин указывает нам на необходимость улучшения разъяснительной работы среди рабочих, солдат и крестьян с тем, чтобы добиться революционного большинства в Советах, сделать Советы большевистскими. Поэтому, товарищи, необходимо крепить единство наших рядов, готовиться к еще более жарким боям за социалистическую революцию.

СВИДАНИЕ В ЛЕСУ

Прямо с собрания Михайлов направился в штаб. Первым делом заглянул к Антону Михайловичу Крылову. Сегодня Роман Алимов и Альгис Шяштокас пошли на встречу с главарем банды. Крылов-старший поспешил ответить на его молчаливый вопрос:

– Пока никаких сведений нет.

Михайлов прошел к себе, сел за стол, просмотрел несколько бумаг, но сосредоточиться не мог. «Как они там, наши хлопцы? Хоть бы выдюжили...»

А Шяштокас и Алимов в это время шли, куда вел их Сашка-цыган, и непринужденно болтали о пустяках. На самом же деле нервы у обоих были напряжены до предела: они, совершенно безоружные, шли прямо в пасть безжалостному, хитрому врагу. Сашка, наоборот, был весел: он рассчитывал получить с Данилы плату за лошадей. Алимов успел заметить, что главная черта Сашкиной натуры – жадность. При виде денег, даже при разговоре о них его глаза начинали блестеть. «Деньги – это сила, – говорил он. – Когда я держу золотые в руках, то чувствую себя самым сильным человеком на земле».

Алимов искоса посматривал на Сашку. В профиль лицо его выглядело совсем иссохшим, острый кадык и длинный крючковатый нос придавали ему хищное выражение.

«А что, такой может за золото родного отца отправить на тот свет». Алимов вспомнил: когда Сашка спросил у Шяштокаса, есть ли у богача золотишко, и получил утвердительный ответ, он цокнул языком и заявил: «Пойду-ка и я с вами – люблю такую работу». «Ты хладнокровно, – думал Роман, – и революционеров продавал охранке. Ничего, посмотрим, как ты заvertишься, когда придется отвечать перед законом».

Сашка неожиданно улыбнулся;

– Чего молчите, мужики?

– А о чем говорить? – хмуро бросил Шяштокас. – Разве что спросить: куда мы идем?

– Мне сказано прийти с вами в лес, там нас встретят.

– Боятся нас Данила по-домашнему принимать, – усмехнулся Роман. – Он, наверное, и с тобой так играет?

– Не обижайтесь на него, хлопцы, конспирация есть конспирация. Человек головой рискует.

– А брось ты! – махнул рукой Шяштокас. – Ничем он не рискует. Полиция разогнана, а что возьмешь с этой милиции? Бегают с повязками на рукавах вчерашние рабочие и солдаты. Что они сделают с настоящим вором или жуликом?

В этот момент они вошли в лес, и почти сразу же из кустов вышла группа людей. Один из них – высокий и худой – спокойно сказал:

– Ну, здравствуйте, странники, с прибытием вас. «Венчиков! – догадался Алимов. – Конечно, он. Высокий, худой, залысины, вон и зубы золотые – все приметы сходятся».

Венчиков поздоровался с каждым за руку и предложил:

– Пойдемте со мной. А вы, – он посмотрел на своих людей и на Сашку, – подождите здесь.

Он, повернувшись, шагнул в орешник. Шяштокас и Алимов молча двинулись за ним. Пройдя десяток шагов, Венчиков остановился, присел на пенек. Шяштокас и Алимову пришлось сесть прямо на траву.

– Ну что ж, рассказывайте, кто вы, откуда и так далее.

Алимов, как они с Шяштокасом и договорились, повел речь первым:

– Послушай, господин-товарищ, надеюсь, мы не на допросе у следователя? Мы же тебе вопросов не задаем. Думаем, что и ты не любишь время даром терять.

Этот тон несколько озадачил Венчикова, но не вывел из себя. Он подумал: «Сморчки, считают меня овец с одного с ними огорода, где им знать, кто я на самом деле».

Снисходительно улыбнулся и довольно миролюбиво сказал:

— Ладно-ладно, не буду. Тем более что я о вас знаю в сто раз больше, чем вы обо мне. Итак, у вас есть дельце неплохое по части экспроприации экспроприированного. Свои вопросы я снимаю и жду предложений.

Алимов кивнул Шяштокасу:

— Давай, Альгис, говори.

Шяштокас не торопясь, красочно рассказал о «богаче», который собрался дать деру в Париж или даже в Америку.

Венчиков долго расспрашивал Шяштокаса о Лурикове, как они нарекли Фурсова, об охране дома.

— Как ты получил доступ в этот дом?

— Меня свела с хозяином одна мадам, которой я оказал небольшую услугу. Сперва хотела отделаться какой-то картиной. А я говорю: мне бы что-нибудь постоянное. Словом, теперь там работаю.

— Чем именно занимаешься?

— Слежу за исправностью водопровода, электричества. А вчера, например, ремонтировал крышу мансарды: третьего дня, если помнишь, был дождь, и она протекла.

— Узнал, где они хранят деньги и драгоценности?

— Конечно, узнал: в сейфе сумасшедшей конструкции. Четыре сложнейших замка, в том числе один цифровой.

— Не думал, как открыть?

— Думал, и не раз, — усмехнулся Шяштокас. — Если бы смог я один или вот с ним, — он кивнул в сторону Алимова, — то сейчас здесь не сидел бы. — И он прилег на правый бок.

— А что у него за драгоценности?

— Сам я не видел, но, если верить горничной, она же и домработница, то особенно много бриллиантов, жемчуга и червонного золота.

— Где он хранит ключи от сейфа?

— Поди спроси, — чуть заметно улыбнулся Шяштокас. — Да и что толку, он же код от цифрового замка в башке хранит.

— Выходит, если мы, к примеру, повяжем охрану, пе-

ребьем собак, то все равно в сейф не залезем. Что же ты предлагаешь?

— Я вижу единственный путь. — Шяштокас сел прямо. — Хозяин — человек очень боязливый, прямо сказать, трус. Если поприжать его, предложить выбор — уверен, он предпочтет жизнь. Тем более что всего он наверняка не отдаст, кое-что останется.

Венчиков задумался. Дело идет к тому, что с большевиками в ближайшее время будет покончено и он сможет выйти из подполья. А если верить этим двум простакам, которых привел не раз проверенный на деле цыган, то у него есть реальный шанс разбогатеть. Настолько реальный, что встает вопрос: как упустить по возможности меньшую часть добычи? Для этого надо принять участие в нападении самому. «А если хозяин запомнит меня в лицо? Хотя нет, оставлять его в живых я не собираюсь. Как и этих двоих, которые тоже потребуют свою долю».

— Хорошо, — сказал он, вставая, — через четыре дня жду вас на этом же месте. Тогда и примем окончательный план действий.

— А чего ждать? — пожал плечами Алимов. — За четыре дня много воды утечет.

— Золото — не вода, не утечет.

Не мог же Венчиков сказать, что на ближайшие три дня у него свои планы: готовилось несколько акций против большевиков. Да и что касается плана, он тоже не соврал: дело требовало изучения, проверки. Не хватало еще угодить в западню. Хотя, честно говоря, никаких дурных предчувствий у него не было.

«Я НЕ ХОТЕЛА ЕГО СМЕРТИ»

Уже третий час стояли Шяштокас и Дмитриев у входа в Губернаторский сад: Антонова задерживалась. Это было настолько необычно, что в голову лезли догадки и предположения. Однако делать было нечего — оставалось только ждать.

Шяштокас поинтересовался:

– Николай, ты Антона Михайловича о Злобиче не спрашивал?

– Как же. Мужик оказался честнее, чем я думал. Вчера сам пришел к Крылову и рассказал, что Антонова принесла ему чемоданчик: в нем, мол, ее и его, Злобича, будущее.

– Он не открывал чемоданчик?

– Тоже скажешь. Интеллигент. А ключик-то она себе оставила.

В этот момент Шяштокас тронул Дмитриева за рукав:

– Идет!

Дмитриев обернулся и увидел вдалеке одинокую фигуру.

– Да, она. Но не из дому идет. Потому, наверное, и опаздывает.

– Ничего, наши хлопцы не спускают с нее глаз. Куда бы ни зашла – будем знать.

Антонова спешила.

– Здравствуйте, извините, что задержалась. Ну, как дела?

– Ваши дела в ажуре, – хмуро ответил Шяштокас.

– Что, все? – ломающимся голосом спросила Антонова.

– Мы слов на ветер не бросаем, но это было не так просто. – Шяштокас достал из кармана рецепт. – Это единственное, что оказалось у него в кармане.

Антонова взяла рецепт, руки у нее мелко дрожали.

– Он сам не захотел брать с собой документ. Тогда я настояла, чтобы он взял с собой рецепт: ему накануне врач выписал лекарство.

– Значит, этого достаточно? Если нет, мы готовы показать труп. Правда, он несколько обгорел, как, впрочем, и автомобиль.

– Не понимаю.

– Пришлось пожертвовать автомобилем. Полиция, простите, милиция, наверняка, уже засвидетельствовала автомобильную катастрофу.

– Почему ж мне ничего не сообщили?

– Скорее всего потому, что единственный документ, что помог бы при опознании, находится у вас в руках.

– Да-да, верно. – Антонова вдруг оживилась. – Вы не обижайтесь. И не подумайте, что я не хочу рассчитаться с вами. Мне просто надо самой убедиться...

– Тогда вот что, – вступил в разговор Дмитриев, – вам надо немедленно пойти в милицию и заявить о пропаже мужа.

– И вы так считаете? – Антонова вопросительно взглянула на Шяштокаса.

– Конечно. Во-первых, если вы станете тянуть, у них может возникнуть вопрос: почему вы молчали? Во-вторых, как же они догадаются, что погибший есть не кто иной, как ваш супруг? И, в-третьих, не в ваших интересах, чтобы он числился в пропавших. В этом случае, насколько я понимаю, вы не сможете получить наследство.

– Да-да, я немедленно сообщу в милицию. Пойду домой и позвоню. А с вами давайте встретимся завтра в семь вечера здесь же. Надеюсь, к тому времени все уже прояснится.

– Завтра так завтра, – ответил за двоих Шяштокас и, выждав, чтобы Антонова немного отошла, посмотрел на Дмитриева. – Коля, ты легче на ногу. Давай в штаб. Предупреди дежурного и возвращайся.

Едва Дмитриев свернул за угол, как к Шяштокасу с недоуменной миной подошел Алексей Крылов.

– Зачем вы отпустили ее?

– Не захотела рассчитываться. Подавай ей более веские доказательства.

Шяштокас рассказал о разговоре и в свою очередь спросил, что делала Антонова до встречи с ними.

– Одиннадцать адресов посетила. Наверное, боится у кого-либо одного ценности оставить, прячет по разным точкам. – Крылов вдруг сменил тему: – Альгис, а ты слышал, что контра вытворяет?

– Что?

– Выпустили на улицы банды, которые срывают большевистские воззвания и обращения. Я, когда про-

ходил мимо городского Совета, заскочил и позвонил Михайлову. Он рассказал, что обстановка в городе резко обострилась. Контрреволюционные силы объединились и пытаются перейти в атаку. Вчера спровоцировали срывы собраний на шести заводах и фабриках, организовали несколько своих сборищ.

– Никто и не ожидал, что они будут сидеть сложа руки.

– И то правда, – согласился Алексей. – Ладно, бегу догонять своих хлопцев – они за Антоновой пошли.

– Давай. Я дожусь Николая, а потом подойду к вам.

Шяштокас остался один. Он вдруг поймал себя на том, что завидует Алексею; хорошо, когда рядом отец, мать. Его, Альгиса, родные тоже недалеко, но такова уж доля профессионального революционера: не то что повидаться с ними – даже письма не мог получить, точно так же, как и сам им написать.

В этот момент появился Дмитриев. Часто и тяжело дыша, стал рассказывать:

– Вовремя прибежал. Только объяснил дежурному, как тому вести себя и что говорить – она тут же позвонила. Дежурный пригласил ее в штаб, а я, повидавшись с Антоном Михайловичем, – прямо сюда. Приказано, чтобы мы с тобой ждали в третьем отделении: он туда будет звонить.

Антонова тем временем была уже у дежурного. Сквозь слезы рассказывала, что уже более суток как ее муж ушел из дому и пропал и она очень волнуется, как бы с ним чего не случилось.

– В больницы не обращались? – спросил дежурный.

– Нет, как-то не пришло в голову, – машинально ответила Антонова и мысленно выругала себя: «Дура, надо было для видимости хоть в пару больниц обратиться».

Дежурный, действуя по инструкции, недавно полученной от Дмитриева, доложил о происшествии Крылову. Тот приказал привести гражданку к нему. Антонова, поминутно прикладывая к глазам платочек,

повторила свой рассказ. Антон Михайлович тут же позвонил начальнику третьего отделения. Трубку взял Дмитриев. Произошел заранее отрепетированный разговор:

– Леонид Леонтьевич, ты сегодня присылал телефограмму, что в автомобильной катастрофе погиб неизвестный. Не выяснили фамилию? – выслушав ответ, Крылов уточнил: – А как он был одет? Да... Да... Ну ладно, все.

Положил трубку на рычаг и некоторое время молча продолжал смотреть на аппарат.

– Надеюсь, это не мой муж? – тихо спросила Антонова.

– Трудно сказать. Понимаете, какие-то злоумышленники похитили автомобиль, принадлежавший автомобильным курсам. Вчера этот автомобиль был обнаружен за городом, недалеко от деревни Узборье. Он лежал на боку и почти весь сгорел. А рядом с автомобилем обнаружили сильно обгоревший труп неизвестного мужчины. У нас две версии. Первая – что погибшим является похититель автомобиля. Не имея достаточных навыков, он перевернулся, получил травму и не смог спастись, когда загорелся автомобиль. Вторая версия: похититель совершил наезд на неизвестного гражданина и при этом автомобиль перевернулся. Бензин вспыхнул, вор убежал, не подумав даже оказать помощь своей жертве.

– Нет-нет, – с жаром заговорила Антонова, – мой муж никогда не был вором. К тому же он ни разу не сидел за рулем.

– Ну что вы, я и не думал обвинить в краже вашего супруга, – успокоил ее Крылов. – Но вот одну неприятную формальность нам придется соблюсти. Надо пройти в больницу и взглянуть в морге на труп. Я не хочу верить, что это ваш супруг, но сами понимаете...

– Да-да, я понимаю, пойдемте.

По дороге Крылов как бы между прочим сказал:

– Правда, труп настолько обгорел, что его практически не узнать.

– А одежда?

– Одежда сгорела почти полностью.

Антонова не сомневалась, что речь идет о ее муже. Она уже и не пошла бы в морг, но давать обратный ход было поздно. Спустились в темное, пахнущее карболкой, хлоркой и еще чем-то сладковатым помещение. Там их дожидались врач – высокий пожилой мужчина – и старушка-санитарка. Врач открыл дверь в боковую комнату, где в углу на сооружении, напоминавшем топчан, лежало нечто черное, продолговатое. У Антоновой закружилась голова, и ей чуть не стало плохо на самом деле.

Крылов негромко спросил:

– Ничего не видите схожего?

– Он, он, – также тихо ответила она и пошатнулась. Ее подхватил под руку врач и вывел из комнаты. На лестнице она прибавила шагу, чтобы скорее выйти на улицу – к солнечному свету и чистому воздуху.

Пряча глаза, спросила у Крылова:

– Когда я могу забрать его?

– Мы вам скажем. Думаю, завтра-послезавтра.

Возвратились в штаб, где Крылов поручил одному из работников составить акт опознания.

Домой Антонова летела как на крыльях: все задуманное осуществилось как нельзя лучше. В этот день она никуда больше не пошла. Обзвонила знакомых и друзей, у которых были телефоны. Не забыла позвонить и Злобичу в банк. Поведав ему о смерти мужа, удрученным голосом сказала:

– Милый, мне тяжело, что так с ним случилось. Он был неплохим человеком, и, видит бог, я не хотела его смерти. Меня только что вызывали в милицию и показали его. Он выглядит ужасно. Сначала друзья просто сказали мне, что он попал под автомобиль. Они пощадил мои нервы и умолчали о том, насколько ужасной была его смерть. Оказывается, автомобиль перевернулся и загорелся. Бедный Любомир Святославович...

Надо же: убила человека и делает вид, что ей жаль его! О, как хотелось Злобичу высказать Антоновой все,

что он о ней думает. Но он дал слово в милиции молчать. Поэтому только и спросил:

– Когда похороны?

– Я думаю, не раньше, чем через два дня, скорее всего, послезавтра. Эти дни мы с тобой, конечно, не встретимся. Но ты потерпи, скоро мы сможем быть вместе. Я увезу тебя отсюда. Поверь, мы будем счастливы.

Злобич не выдержал:

– Ты извини, я ведь на службе... К тому же здесь уже три человека ждут очереди позвонить.

Положив трубку, Злобич постоял немного словно в забытии и снова потянулся к аппарату...

Звонок Злобича прозвучал для Крылова-старшего как бы сигналом: в деле Антоновой пора ставить точку. Требовалось только согласие начальства.

В кабинете у Михайлова шло совещание. Увидев в приоткрытую дверь Мясникова, Кнорина, Ландера и других – почти все руководство минских большевиков, – Крылов хотел было вернуться, но Михайлов жестом остановил его:

– Входи, входи, Антон Михайлович. Мы не хотели тебя отрывать от дела, а коли ты пришел – садись и слушай.

Обсуждался проект протеста, который Минский комитет большевиков решил вынести губернскому комиссариату. Затем перешли к другому вопросу: о мерах по организации работы с солдатами, арестованными за отказ идти в наступление. Докладывал Жихарев. В нем – высоком, стройном – и без офицерской формы легко угадывался военный.

– В новом наступлении буржуазия видит единственную возможность покончить с революцией – раздавить большевиков, смять Советы и твердо взять власть в свои руки. Сейчас по всему Западному фронту командование, эсеры и меньшевики создали настоящий наступательный бум. На фронт прибыли Керенский и шеф французской миссии Жонкен. Идут повальные аресты.

— Оно и видно, — кивнул Мясников. — В Минске забиты тюрьма, гауптвахты, казармы, даже Доминиканский костел и женская гимназия.

— Да, многие арестованы, среди них немало большевиков, активистов. Мы уже начали чувствовать их отсутствие. Это вызывает тревогу. Тем более что на фронт в ближайшие дни прибудет еще одна делегация: командующий Черноморским флотом адмирал Колчак послал к нам группу провокаторов во главе с неким Баткиным. Баткин выдает себя за матроса, но он такой же матрос, как я папа римский. Эта банда разъезжает по всем фронтам и от имени моряков Черноморского флота призывает к наступлению. Предусмотрено и посещение Минска для проведения собрания с участием представителей гарнизона.

Михайлов спросил у Онищука:

— Вячеслав Дмитриевич, а в губернском комиссариате знают об этом?

— Да, сегодня пришло указание Временного правительства организовать тщательную подготовку этого собрания. Просят проект резолюции прислать в Петроград.

Михайлов, обедая поочередно всех присутствующих взглядом, спросил:

— Не будет возражений, если я тоже приму участие в этом собрании?

— Считаю это поручением комитета, — тут же ответил Мясников. И, заметив, что Жихарев сел на свое место, продолжил: — Я думаю, что, помимо письменного заявления, текст которого мы с вами обсудили, необходимо в ближайшие две недели подготовить и провести в городе массовую демонстрацию протеста, а в разных районах и кварталах города — митинги. Это станет смотром революционных сил.

— За подготовку демонстрации надо взяться всем членам комитета, — заметил Кнорин. — Каждого из наших товарищей закрепим за конкретным заводом, фабрикой, мастерской.

— Правильно. — Мясников выждал, пока Михайлов откроет окно — в кабинете стало душно, — и говорил дальше: — Комитет принимает энергичные меры по укреплению партии. Вы уже знаете, что в городе созданы и начинают действовать районные комитеты большевиков, на заводах и фабриках увеличивается количество партийных ячеек. Мы можем на них опереться. У кого есть вопросы?

— У меня, — встал Онищук. — Насколько мне известно, губернский комиссариат учитывает возможность проведения в Минске массовой демонстрации. В ближайшие дни по всему городу будут расклеены воззвания партии кадетов, готовят большую группу агитаторов, которые должны отговаривать население от демонстрации под тем предлогом, что она может перейти в вооруженное столкновение. Разработан план травли большевиков в газетах. Кроме этого, они хотят, если демонстрация состоится, устроить ряд провокаций, в том числе вооруженных.

Мясников обеспокоенно посмотрел на Михайлова:

— Михаил Александрович, сможет ли одна милиция взять на себя ответственность за порядок и безопасность демонстрации?

— Мы принимаем меры. Ряды милиции пополняются. На всех крупных заводах и фабриках, в железнодорожных мастерских созданы рабочие дружины. Принято решение многие из них вооружить, чтобы они под руководством работников милиции обеспечили охрану колонн и митингов. Создаем несколько ударных отрядов для отпора вооруженным провокаторам. Думаю, мне удастся на следующей неделе освободить из-под ареста человек сто пятьдесят — двести солдат-большевиков. Считаю целесообразным не направлять их сразу во фронтовые части, а привлечь к участию в охране демонстрации.

На этом совещание закончилось. Вскоре в кабинете остались только Михайлов и Крылов.

— Извини, Антон Михайлович, — сказал Михайлов. — Я готов тебя выслушать, только сперва еще одно

дело. — Он позвонил дежурному и попросил разыскать Гарбуза. — Вот теперь слушаю.

Крылов обстоятельно доложил о том, к чему пришли его работники в деле Антоновой. Михайлов, немного подумав, сказал:

— Несколько неэтичным выглядит то, что мы вынуждены обманывать эту даму. Но, как я понимаю, иного выхода нет. Когда вы намерены ее арестовать?

— Завтра, в момент встречи с нашими хлопцами.

— Хорошо, держи меня, Михалыч, в курсе. Сам видишь, руки не доходят.

— Не только вижу, — улыбнулся в пышные усы Крылов, — но и диву даюсь, как тебя на все это хватает.

Дверь бесшумно отворилась, и в кабинете появился Гарбуз.

— Звал, Михаил Александрович?

— Звал, — Михайлов сразу же приступил к делу. — Нам стало известно, что меньшевики и прочие сторонники войны до «победного конца» заслали в места, где содержатся арестованные солдаты, своих агитаторов. Надо проникнуть в тюрьму, в казармы — словом, куда только можно, и нейтрализовать их работу. Подумайте вдвоем, что можно сделать. У Иосифа на этот счет опыт есть, так что давайте, братцы, займитесь.

Возвратившись к себе, Крылов первым делом позвонил в третье отделение и переговорил с Шяштокасом. Речь шла о деталях предстоящей операции, а точнее — о том, как обставить завтрашний арест Антоновой.

Назавтра все было разыграно точно по плану. Шяштокас и Дмитриев по лицу приближающейся Антоновой видели, что она на седьмом небе от счастья. Подошла, поздоровалась с обоими за руку и оживленно заговорила:

— Спасибо, теперь я вижу, что вы — люди дела. Хочу немедленно с вами рассчитаться. — Она открыла свою сумочку. Шяштокас сделал вид, будто стряхивает пыль с брюк, и по этому сигналу из-за угла выехал легковой автомобиль. Остановился. Из него вышли мужчина и женщина. Мужчина сказал:

— Мы из милиции, прошу в автомобиль.

Женщина взяла растерявшуюся до немоты Антонову под руку и, слегка подталкивая, повела ее к автомобилю.

А спустя каких-нибудь десять минут Антон Михайлович Крылов уже начал допрос:

— Гражданка Антонова, мы располагаем неопровержимыми доказательствами вашей преступной деятельности. Речь идет об убийстве бывшей супруги Любомира Святославовича Антонова, его дочери и, наконец, о попытке убить его самого. Надеюсь, вы понимаете, что чистосердечное признание может отчасти облегчить вашу участь?

Антонова, как и ожидалось, не стала спешить с признанием. Она возмущенно воскликнула:

— Это произвол! Как вы смеее говорить мне такие вещи! Я требую прокурора, я немедленно обращусь к властям, в газеты! Как вы смеее так вести себя с женщиной, которую знает и уважает все общество?

— Успокойтесь, Людмила Андреевна, — не повышая голоса, прервал ее Крылов. — Ваши знакомые это еще не все общество. Коль вы не хотите рассказать правду, придется во всем разбираться по порядку. Итак, первый вопрос: знаете ли вы жителей Смоленска Писляка Георгия Андроновича и Проскурина Виктора Евгеньевича?

Это был первый удар. Антонова хотела что-то сказать, но так и осталась сидеть с отвисшей челюстью.

— Что же вы не грозите нам больше властями и газетами? — улыбнулся Крылов и, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос. — Возможно, вас не затруднит сказать, с кем вы посещали деревню Залужье незадолго до того, как там сгорел дом вашего нынешнего супруга? Я имею в виду неких двух мужчин, которые якобы брали на себя ремонт этого дома. А заодно поясните, с какой целью вы обрабатывали двух мужчин, в обществе которых были задержаны, и за какую услугу принесли им монеты из червонного золота? Может, хватит вопросов?

Антонова, бледная как полотно, во все глаза смотрела на Крылова. А он между тем позвонил дежурному.

— Пришлите ко мне старшего группы по изъятию ценностей.

Вошел Крылов-младший. Антон Михайлович протянул ему лист бумаги:

— Вот тебе список. Разбей своих хлопцев на четверки, пусть пойдут по этим адресам и, допросив хозяев, потребуют с них то, что оставила Людмила Андреевна на хранение.

— Да, но тут же семнадцать адресов, — возразил Алексей. — У меня людей не хватит.

— Зайди к Гарбузу, он выделит из резерва.

Алексей ушел, а Антон Михайлович снова обратился к Антоновой:

— Итак, семнадцать человек. Мы никого не упустили? — Он взял со стола копию списка и протянул ей. — Вот, извольте проверить.

Антонова механически протянула руку, взяла бумагу. Пробежала ее глазами и положила на стол.

— Господи, что ж мне делать?

— Говорить правду. Пожалуй, в этом единственное для вас спасение.

— Скажите, а как вы узнали про пожар? — Этот вопрос означал, что заpiresательство кончилось.

Крылов чуть заметно улыбнулся:

— Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

— У меня еще один вопрос. Стало быть, вы знали, что готовится убийство Антонова?

— Как видите, знали.

В этот момент ожил телефон. Звонил Шяштокас:

— Антон Михайлович, имей в виду, что мы нашли то самое письмо Антоновой в Смоленск. Оно лежало в дамской сумочке в ее спальне.

— Хорошо. А он как ведет себя?

— Кто, Антонов? Говорит, что теперь ему не о чем жалеть и он готов дать любые показания.

— Хорошо. Продолжайте обыск. — Крылов положил трубку, посмотрел на Антонову. — Письмо, которое вы писали в Смоленск, найдено.

— Это что же, обыск в мое отсутствие? — снова деланно возмутилась Антонова. — Вы же можете все что угодно вписать в протокол. Насколько мне известно, присутствие кого-либо из хозяев при обыске в их доме всегда было обязательным.

— И сейчас обязательно.

— Но я же сижу здесь, а ваши сыщики переворачивают мой дом.

— Обыск производится в присутствии хозяина.

— Какого еще хозяина? Что вы мелете чепуху? Вы же сами знаете, что он мертв.

— Да нет, на этот счет у нас другие сведения, — улыбнулся Крылов.

— Так что, он жив?

— Конечно. Неужели вы думаете, что мы могли бесстрастно наблюдать, как вы будете расправляться с человеком? Мы же не царская полиция и не охранка. Любомир Святославович жив. Вы, Людмила Андреевна, явно поторопились распылять ценности. Итак, я спрашиваю: согласны ли вы дать правдивые показания? Повторяю: это будет учтено при определении меры наказания.

— Да-да, я согласна. — Антонова закрыла лицо руками.

— Тогда у меня к вам вопрос: откуда вы знаете Данилу?

— Я его знаю по Смоленску... Теперь уже все равно. Мы с ним были дружны.

— Как его звали тогда?

— Кузьма Константинович Венчиков. Он был жандармский офицер. Кажется, ротмистр.

— А почему вы его искали у цыган?

— Мне сказали, что он под кличкой Данила выполняет какое-то задание. А он, насколько я знала, нередко прибегал к услугам цыган.

— Вы хотели, чтобы он помог вам избавиться от мужа?

— Да.

— За плату?

- Конечно, у него всегда была слабость к золоту.
- Хорошо. Вот вам бумага, присаживайтесь поближе к столу и пишите.
- Да, но как я объясню, какие мотивы?..
- Пишите: черт попутал. Не забудьте о Венчикове.

ПО ПРАВУ СВОБОДЫ

Гарбузу и Крылову пришлось изрядно потрудиться, чтобы выполнить поручение Михайлова: добиться доступа в места, где находились арестованные солдаты, и организовать там соответствующую работу. Труднее всего пришлось в тюрьме. Меншевикам удалось вернуть на прежнюю службу многих бывших тюремщиков, и те ревностно несли службу – ни дать ни взять голодные псы, дорвавшиеся до еды.

Стоило Гарбузу или Крылову появиться у ворот тюрьмы, как начиналась волокита. Тюремщики с плохо скрываемым удовольствием гоняли их от одного начальника к другому, а когда они в конце концов проникали в тюрьму, то за ними по пятам ходили соглядатаи.

Неожиданно добрую службу им сослужил уже знакомый Гарбузу надзиратель – тот самый, что в свое время помог установить настоящую фамилию Данилы. Именно благодаря ему удалось наладить связь с арестованными солдатами-большевиками и даже направить в тюрьму небольшую группу агитаторов. Постепенно работа в тюрьме наладилась и пошла даже лучше, чем в других местах. Тогда Гарбуз предложил хитроумный план: перевести в тюрьму наиболее активных и подготовленных большевиков из гауптвахт, казарм, Доминиканского монастыря и женской гимназии, чтобы в дальнейшем освободить их всех вместе.

Осуществить первую часть этого плана не составило труда. Подействовало само магическое слово «тюрьма»: конечно же, за тюремными стенами большевики будут в самой надежной изоляции.

Готовя второй этап операции, Гарбуз исходил из собственных многолетних наблюдений: тюремщикам при всем их служебном рвении больше, чем кому-нибудь, свойственны тупость и отсутствие разумной инициативы.

– Понимаешь, – с жаром убеждал он Михайлова, – у всех тюремщиков есть одна общая черта: они, когда видят начальство, теряют способность мыслить и беспрекословно выполняют любой приказ. Предлагаю воспользоваться этим.

Михайлов задумался. Приближалось 18 июня – день, на который была назначена грандиозная демонстрация рабочих, крестьян и солдат. Большевики знали, насколько сложно будет обеспечить безопасность демонстрации и митингов, и заранее строили расчеты на том, что в помощь милиции и рабочим дружинникам будут привлечены освобожденные из-под ареста революционные солдаты. Но их предстояло еще проинструктировать, научить, как действовать в той или иной ситуации. А времени оставалось в обрез. И Михайлов принял план Гарбуза...

Ранним утром 15 июня со двора штаба Минской милиции выехали три грузовика. В кузовах стояли вооруженные милиционеры. Впереди ехал легковой автомобиль. Рядом с шофером сидел Гарбуз, на заднем сиденье – Михайлов и Крылов. Перед массивными железными воротами тюрьмы колонна остановилась. Из боковой калитки выкатился маленький, пузатенький охранник. Как таракан, шевеля усами, вытянулся перед начальством, сидевшим в легковом автомобиле, взял под козырек и пронзительным, срывающимся до хрипоты голосом выкрикнул:

– Здравия желаю, граждане начальники! Он не знал, кто перед ним, кому из сидящих в автомобиле надо рапортовать, и от этого совсем растерялся, был почти в панике.

Михайлов небрежно бросил: – Я – начальник городской милиции. Отвори-ка, братец, ворота.

Охранник козырнул и опрометью бросился исполнять приказание. Через несколько минут автомобили уже были в просторном дворе тюрьмы. Здесь перед Михайловым предстал толстый, с жирным лицом и узкими глазками-щелками старший надзиратель. Михайлов протянул ему несколько исписанных листов (пригодились списки, полученные через Жихарева!) и тем же спокойным, негромким голосом сказал:

– Здесь значится двести тридцать два человека. Немедленно распорядитесь вывести их сюда, во двор, и построить.

– Но, господин... простите, гражданин начальник, у меня нет предписания, а у вас – разнарядки.

Михайлов достал из нагрудного кармана сложенный пополам листок:

– Вот мое удостоверение. Читайте: «Все граждане и должностные лица обязаны выполнять...»

Гарбуз вышел из автомобиля и, приблизившись к надзирателю, взял его за локоть:

– Потрудитесь выполнить приказ начальника милиции, если не хотите проехать с нами.

– Я, конечно, выполню, – вяло залепетал тюремщик, – но...

– Никаких «но»! Прикажете доставить этих людей сюда.

Старший надзиратель протянул бумаги двум своим подчиненным, навытяжку стоявшим у входной двери, и приказал выводить арестованных во двор. К этому времени милиционеры по команде Крылова выстроились в две шеренги по сторонам площадки, на которой обычно проводилось построение.

Примерно через полчаса арестованные были во дворе. Гарбуз провел перекличку и доложил Михайлову:

– Все налицо.

– Действуйте дальше, – тихо сказал Михайлов и повернулся к тюремщику. – Обращаю внимание на вашу личную недисциплинированность и нерасторопность. Вынужден поставить об этом в известность губерн-

ский комиссариат. Хотя в общем-то я вправе был поступить по закону военного времени.

Видимо, старший надзиратель на миг представил себя стоящим у тюремной стены, а напротив с винтовками наизготовку – строй этих вооруженных милиционеров. Лицо его стало мертвенно-белым, и он еле слышно пролепетал:

– Виноват... исправлюсь.

Колонна между тем уже была готова двинуться в путь. Впереди легковой автомобиль, за ним – грузовики, а затем в колонну по четыре – солдаты. По сторонам строя – цепочки вооруженных милиционеров. Михайлов в сопровождении подобострастно семенящего старшего надзирателя прошел к своему автомобилю, неторопливо устроился на заднем сиденье. Гарбуз сел рядом и приказал:

– Отворите ворота.

Старший надзиратель козырнул и ринулся к воротам. На бегу визгливо прокричал:

– Отворить! Что спите, мать вашу!..

Михайлов и Гарбуз весело переглянулись. Колонна медленно вытянулась с тюремного двора. Замыкал шествие Антон Михайлович Крылов. Он слышал, как тюремщики переговаривались между собой: «В расхороше повели большевичков».

Через некоторое время, попетляв по улицам, колонна на небольшой площади остановилась. На грузовики залезли милиционеры и принялись раздавать недавним арестованным винтовки. Вооружившись, солдаты снова с готовностью построились. Михайлов встал в машине и громко сказал:

– Товарищи, на ближайшие несколько дней вы поступаете в распоряжение милиции города Минска. После выполнения специального задания все получают от Минского комитета большевиков направления для дальнейшей работы. А сейчас вас проводят туда, где вы сможете отдохнуть. – Он отыскал глазами Крылова. – Товарищ Крылов, ведите людей. – Наклонился к шоферу и коротко бросил: – В штаб!

Едва Михайлов успел войти к себе в кабинет и по телефону доложить Мясникову об успехе операции, как позвонил Солдунов:

— Михаил Александрович, уже второй день люди Данилы шастают вокруг нашего дома. Расспрашивают соседей о хозяине.

— Откуда ты звонишь?

— Из Совета. Я в кабинете Кнорина.

— Наши встречают их?

— Да. Пока все идет нормально.

— Альгис и Роман ходили к Даниле на встречу?

— Только что возвратились. Данила снова отложил нападение: говорит, что у него много забот с большевиками. Альгис уверен, что люди Данилы действительно по горло заняты провокациями против нас и подготовкой к 18 июня.

— Значит, они откладывают — и мы отложим?

— Да, Альгис и Роман считают, что у Данилы сил для нападения в настоящий момент действительно нет, и поэтому он пока проводит разведку, проверяет наших. Предлагают ждать.

— Ну что ж, давайте подождем. Тем более что у нас есть дела поважнее. Как себя чувствует наш капиталист?

— Нормально. Шутит, что, если надо, в своей роли он может пребывать сколько угодно.

— Хорошо, — рассмеялся Михайлов. — Скажи ему, что за каждую лишнюю чашку шоколада ему придется платить из своего кармана, так что пусть экономит.

В хорошем настроении Михайлов положил трубку, но тут снова пронзительно зазвонил аппарат. На другом конце провода был губернский комиссар. Задыхаясь от гнева, он кричал:

— Гражданин Михайлов, это вы освободили из тюрьмы арестованных солдат?

— Да, гражданин комиссар.

— По какому праву?

— По праву свободы.

— Но они же арестованы военными властями.

— Есть основания предполагать, что кто-то из военачальников, желая ослабить нашу боевую мощь, с умыслом арестовывает солдат и отправляет их в тыл.

— Вы хотите сказать, что стоите за укрепление фронта?

— Я всегда был за это, гражданин комиссар. А вы что, против?

— Я?.. — Чувствовалось, что комиссар смутился и ему понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Наконец он нашелся: — Нет, конечно. Но ведь вы, освобождая солдат, отпускаете их на все четыре стороны, и они безвозвратно утрачиваются для наших войск на фронте.

— Гражданин комиссар, вам, как всегда, кто-то клеветает на меня. Смеем вас заверить: все освобожденные нами из-под ареста солдаты направляются на фронт. Хотелось бы знать имена клеветников, которые сознательно подрывают авторитет милиции и мой лично. Я поставлю вопрос о привлечении их к ответственности за клевету.

Губернский комиссар, видно, смутился еще больше, пообещал разобраться и положил трубку. Михайлов взглянул на часы и вышел из кабинета: он спешил на расширенное заседание комитета большевиков.

Заседание открыл Мясников:

— Товарищи! В нашей работе принимают участие председатели районных комитетов большевиков, представители партийных организаций заводов, фабрик, командиры боевых рабочих дружин. В связи с тем, что с ораторами и агитаторами, которым предстоят выступления на митингах 18 июня, Минский комитет большевиков уже провел совещание и инструктаж, на сегодняшней повестке дня стоит только один вопрос: «О мерах по обеспечению порядка и безопасности во время проведения демонстрации и митингов трудящихся масс и солдат минского гарнизона 18 июня». Слово по этому вопросу предоставляется начальнику гражданской милиции товарищу Михайлову...

ГОЛОС НАРОДА

Так получилось, что Михайлову, как и его товарищам, в канун 18 июня пришлось принять участие в ряде волостных митингов и собраний крестьян. Кроме того, рано утром 17 июня Михайлов выступил перед солдатами одного из полков. Полк отправлялся на фронт, и по этому поводу так называемая делегация Черноморского флота во главе с лжеморяком Баткиным затеяла митинг. Полковой комитет обратился за помощью к городскому комитету большевиков.

Что ж, митинг так митинг. Михайлов разбил доводы «делегации» о том, что «спасение революции в немедленном и победоносном наступлении», и под аплодисменты солдат доказал, что среди подпевал Баткина нет ни одного настоящего моряка. Затея провокаторов была сорвана.

А на завтра ровно в два часа тишину прорезали гудки фабрик, заводов, паровозов, железнодорожных мастерских. Работа остановилась. Для руководства демонстрацией Михайлов и Мясников заранее создали штаб. Каждая колонна демонстрантов, помимо охраны, располагала двумя конными, в обязанности которых входило поддерживать надежную связь со штабом. Вскоре по центральным улицам города потянулись нескончаемые людские потоки. Над головами демонстрантов развевались красные флаги. Люди несли сотни транспарантов и лозунгов: «Долой войну!», «Контроль рабочих за производством и распределением!», «Долой преследования за революционные убеждения!», «Вся власть Советам!»

Почти сразу же в штаб начали поступать первые сведения о действиях меньшевиков и их союзников. Связной железнодорожных мастерских доложил, что путь их колонне перекрыла группа провокаторов – человек сорок-пятьдесят. Вооруженные винтовками, они потребовали, чтобы люди разошлись по своим рабочим местам. Но вперед колонны выдвинулась вооруженная рабочая дружина, в составе которой было

сто двадцать человек. Провокаторы тут же ретировались.

Вскоре прибыл связной от колонны демонстрантов Кошарского машиностроительного и черно-медно-металлургического заводов: в районе Архиерейской слободы колонну встретила большая группа провокаторов. По данным командира рабочей дружины Костикова их было до ста пятидесяти человек. Они перегородили улицу баррикадой и угрожали применить оружие, если рабочие не разойдутся. Михайлов тут же позвонил Крылова и, развернув на коленях карту города, сказал:

– Антон Михайлович, бери с собой первый, второй и четвертый отряды, посади людей на грузовики – они стоят на углу Богодельной и Подгорной – езжайте к Архиерейской слободе. Проведи людей вот здесь, – пальцем показал по карте маршрут, – через Губернаторский сад и выйдете к баррикаде с тыла.

Затем дал приказ связному:

– Передайте Костикову, пусть выдвинет в голову колонны боевую дружину. Я уверен, что, очутившись между двух огней, провокаторы не пойдут на вооруженное столкновение. Постарайтесь разоружить их, а руководителей арестовать.

Не успели Крылов и связной отойти, как на рыжем жеребце прискакал посыльный от рабочих завода «Энергия».

– Товарищ Михайлов, – громко доложил он, – в нашу колонну в районе улицы Коломенской с верхних этажей бросают камни, пустые бутылки, сделали несколько выстрелов. Два человека ранены пулями и четыре получили увечья от бросаемых предметов. Подворотни и подъезды домов наглухо закрыты. Командир боевой дружины и представитель партийной организации просят разрешения взломать двери.

Михайлов понимал: разреши он это сделать, контроль над событиями может быть упущен. Разгоряченные рабочие попытаются отомстить за пролитую кровь товарищей. Он позвонил Крылова-младшего:

— Алексей, возьми пять-шесть милиционеров и на легковом автомобиле подскочи на Коломенскую. Там провокаторы забрасывают рабочих завода «Энергия» камнями и бутылками. Связной говорит, даже стреляют. Раздели их боевую дружину на четыре-пять групп, во главе поставь наших милиционеров, вскройте двери домов, где укрылись провокаторы, и арестуйте их. Автомобиль сразу отправь сюда, назад доберешься пешком.

Михайлов взглянул на часы: пора было отправляться на Юбилейную площадь, где ему предстояло выступить на митинге. На Троицкой горе, куда еще раньше ушел Мясников, митинг, видимо, уже начался.

Подшли Любимов и Кнорин.

— Ну что, Михаил Александрович, мы на Привокзальную площадь?

По докладам связных Михайлов знал, что все колонны, которые двигались к Привокзальной площади, уже там.

— Давайте, братцы! Ни пуха!

Кнорин и Любимов зашагали к ожидавшей их пролетке. Михайлов спросил у Гарбуза:

— Иосиф, а Ландер где? Ему же выступать на Нижне-Ляховском рынке.

— А вот он, легок на помине. — И Гарбуз рукой показал в сторону небольшого сквера. Михайлов шагнул навстречу приближающемуся Ландеру.

— Ну что, Карл Иванович, твой час настал?

— Да, я только хотел сказать, что меня задержали какие-то мрачного вида субъекты, но я от них благополучно отделался и теперь иду на Нижне-Ляховский. — Он махнул рукой Гарбузу и свернул в переулок.

Михайлов подозвал Гарбуза:

— Иосиф, останешься за меня. Я возьму с собой группу связников и пятый отряд. С тобой останутся самый многочисленный третий, а также шестой и седьмой отряды. Давай руководи. И не забывай держать меня...

Договорить Михайлов не успел. К ним галопом приближался всадник. Гарбуз взволнованно сказал:

— Связник. Смотри, как гонит, наверное, случилось что-то.

И точно. Это был посыльный от колонны демонстрантов, в которую входили рабочие дрожжевинокурного и фарфорового заводов, пивзавода, а также кустарных мастерских. На всем ходу всадник осадил коня и ловко соскочил на землю:

— Товарищ Михайлов, беда! В районе Георгиевской улицы бандиты обстреляли нашу колонну. Убито три или четыре человека, в том числе командир боевой дружины товарищ Кисель. Колонна рассыпалась по ближайшим улицам. Люди не расходятся. Боевая дружина заняла позиции и ведет перестрелку.

Михайлов быстро развернул карту, коротко бросил:

— Дмитриев, выясни, сколько у нас на данный момент имеется грузовых автомобилей. — И — к посыльному: — Покажи, где эти сволочи засели?

Связной ткнул в карту пальцем:

— Вот здесь они перегородили улицу, засели вот в этом скверике за баррикадой и во дворах домов.

Михайлов быстро оценил обстановку и спросил у подбегавшего Дмитриева:

— Ну что, Николай?

— Семь грузовиков и две легковые. Я приказал шоферам заводить.

— Правильно. Бери третий отряд, сажай в автомобили и езжай вот сюда. — Михайлов четко и быстро изложил обстановку, показал на карте расположение сил провокаторов и место, где находятся демонстранты. — Разделишь отряд на три группы. Одна пусть зайдет со стороны Соборной площади в тыл, вторая со стороны Сторожевки, а третья от реки. Возьмите их в клещи. Постарайтесь обойтись без перестрелки. Оставив при себе один автомобиль, а остальные направь сюда в распоряжение Гарбуза.

Дмитриев и связной исчезли.

— Ну, Иосиф, кажется, на большее у них сил не хватит. Чует мое сердце, да и обстановка говорит о том,

что это последний серьезный очаг сопротивления. По мере прибытия наших отрядов, усиливай охрану мест, где проходят митинги. Имей в виду, что общий митинг в шесть часов на Соборной площади. Туда и прибудешь со всеми силами и штабом.

Теперь уже времени оставалось в обрез, и Михайлов верхом в сопровождении группы связников поскакал на Юбилейную площадь...

Бурлили улицы и площади города. Провокаторы были смяты, разбежались, забились в подворотни, смешались с демонстрантами, подавленные и растерянные: они воочию видели победное шествие революции.

Вечером в комитет большевиков, в Минский Совет стали поступать десятки резолюций солдатских и крестьянских митингов и собраний: «Не доверяем Временному правительству... Министрам-социалистам предлагаем выйти из состава правительства или перестать называть себя социалистами, чтобы не вводить народ в заблуждение. Требуем перехода власти в руки Советов солдатских, рабочих, крестьянских и батрацких депутатов».

То же было и назавтра, и послезавтра, и в последующие дни. Как снежный ком, разрастались митинги и демонстрации протеста народных и солдатских масс против войны и Временного правительства.

Из Могилева приехал Жихарев. Об этом сообщил Михайлову по телефону Мясников. Он предложил всем составом комитета послушать информацию Жихарева и обсудить, что делать дальше. Михайлов только и спросил:

– Когда соберутся люди?

– Да почти все здесь.

– Выхожу...

Жихарев охарактеризовал положение на фронте и, перейдя к обстановке в армии, сказал:

– Теперь нет ни одной роты, пожалуй, даже взвода, которые бы проголосовали за продолжение войны. Солдаты не подчиняются приказам. Мало сказать, не подчиняются. Вот что, например, сообщил 21 июня в

телеграмме командующему Западным фронтом начальник штаба 10-й армии: «Легких орудий подбито противником – 9, а выведено из строя самими солдатами – 18, подбито гаубиц – 3, а выведено из строя солдатами – 19, а также солдатами выведено из строя: шестидюймовых орудий – 6, сорокадвухлинейных орудий – 2, орудий «Шнейдера» – 1». – Жихарев спрятал бумажку в карман и продолжал: – В войсках наблюдается массовое дезертирство, братание с немецкими солдатами, среди которых, кстати, идет тоже сильное антивоенное брожение. Мы обязали солдат-большевиков проводить агитацию и разъяснительную работу не только в войсках, но и среди населения. Успех налицо, и мы считаем, что делаем очень полезное дело.

Кто-то задал Жихареву вопрос:

– А как к вам относятся солдаты? Вы же офицер.

– Как к любому офицеру. – Жихарев улыбнулся. – Ну, а те, кто знает меня по подпольной работе, относятся ко мне, как к большевику.

В прекрасном настроении возвращался Михайлов в штаб милиции. Он всегда испытывал подъем, когда думал о людях, подобных Жихареву, с ними связывал будущее революции. «Эрудит, прекрасно подготовленный офицер, обаятельный человек. Это великолепно, что такие люди идут с нами».

У входа в штаб Михайлова встретил дежурный:

– Вас тут дожидается какой-то гражданин. Вон он, на тротуаре стоит.

Михайлов сразу же узнал Онищука и сказал дежурному:

– Открой-ка, браток, черный ход.

Подожел к Онищуку, поздоровался и предложил:

– Вячеслав Дмитриевич, вы есть не хотите? А то пойдемте ко мне, Соня с удовольствием накормит.

– Нет, премного благодарен. Сегодня такой жаркий день, что только пить хочется, а вода у вас в кабинете, помнится, есть.

Когда вошли в кабинет, Онищук сразу же подряд осушил три стакана и начал рассказывать:

— В губернском комиссариате настоящий переполох. Никто из них не ожидал такой грандиозной и такой организованной демонстрации. Они уже подсчитали, что вами арестовано тридцать шесть их активистов, которые могут дать разоблачительные показания о деятельности комиссариата.

— Мы знаем это. Кстати, многие уже развязали языки.

Онищук вдруг что-то вспомнил и улыбнулся:

— Вы знаете, кто у них сегодня враг номер один?

— Нет.

— Вы, Михаил Александрович. Сегодня губернский комиссар написал донесение министру внутренних дел, в котором жалуется, что милиция по всей губернии не выполняет требований правительства и не подчиняется комиссариату. Он утверждает, что успешно работать с милицией, которая оспаривает прерогативы власти губернского комиссариата, невозможно. Особенно жалуется на Минскую милицию и в первую очередь на вас, Михаил Александрович.

— Ну и черт с ним, — небрежно махнул рукой Михайлов, — пусть жалуется.

— Это, конечно, так. Пусть жалуется, — кивнул Онищук. — Но, Михаил Александрович, они приняли решение избавиться от вас путем убийства. И, по-видимому, поручили или же поручат эту акцию Венчикову.

— Не волнуйтесь, Вячеслав Дмитриевич, меня уже не раз пытались убить и с помощью суда и без него. Тем более что, как я думаю, Венчиков просто не сможет уделить мне времени. А к вам, Вячеслав Дмитриевич, просьба. Как вы знаете, рабочие Минска в поддержку рабочих Петрограда объявили забастовку. По сведениям, поступившим из Петрограда, Временное правительство и его органы на местах совместно с националистами, соглашателями и военным руководством готовятся нанести по большевикам и рабочим удар. Помните это и все, что узнаете, немедленно сообщайте. Это очень важно.

— Я понял, Михаил Александрович.

Онищук ушел, Михайлов просмотрел материалы, поступившие в штаб во время его отсутствия и собрался спуститься к себе: последние дни они почти не виделись с Соней. В этот момент открылась дверь и в кабинет вошел Алимов, переведя дыхание, он сказал:

— Михаил Александрович, Данила назначил нападение на завтра.

КОНЕЦ БАНДЫ

Утром Сашка привел Шяштокаса и Алимова к Венчикову. На этот раз главарь банды принял их в том самом доме на окраине города, где у бандитов было что-то вроде перевалочной базы и куда пригонял однажды Сашка своих лошадей. С тех пор дом находился под наблюдением. Алимов невольно улыбнулся, представив себе, как чешут затылки хлопцы, которые в этот момент, конечно же, видят их.

«Чего доброго, решат, что мы играем в двойную игру», — подумал Роман и взглянул на Шяштокаса. Альгис тоже чуть заметно улыбнулся: очевидно, та же мысль появилась и у него.

Как только они приблизились к воротам, словно сама собой отворилась небольшая калитка. Во дворе их встретили двое хмурых мужчин и проводили в дом. В большой светлой комнате за столом, заставленным разной снедью и бутылками со спиртным, одиноко восседал Венчиков. Он сдержанно кивнул гостям, жестом отпустил своих и, едва те двое скользнули за дверь, предложил:

— Присаживайтесь, господа, позавтракаем.

Шяштокас и Алимов давно не видели такого обилия еды и, как по команде, сглотнули слюну. Отказываться от угощения не было никакого смысла. Сели. Выпили по стопке водки, закусили. Все это делалось в молчании. Каждый пил за успех своего дела. Затем Венчиков пересел на диван, потянулся, сосредоточенно поковырял спичкой в зубах, словно ничего на свете

для него не было важнее. И только после этого, изобразив какое-то подобие улыбки, заговорил:

– Хочу сегодня покончить с нашим делом. План я продумал лично, и поэтому обсуждать его не будем. Только оговорим, кто и что будет делать. Первое: вы с помощью троих моих парней подкарауливаете на улице Лурикова, садите в автомобиль, который я вам дам, и привозите сюда.

Такой ход не входил в планы милиции, и Шяштокас, словно забыв о сделанном Венчиковым предупреждении, возразил:

– Что-то больно сложно. Почему не явиться прямо к нему домой, как раньше думали?

– Тут есть психологический момент, – с видом превосходства заявил Венчиков. – Дома он может нам ничего не сказать или станет тянуть время в надежде на спасение. Когда же он окажется здесь и увидит, что все пути отрезаны, ему ничего не останется, как выкупить у нас свою жизнь. Но я отвлекся. Итак, дальше. После того как привезете Лурикова сюда, вы на этом же автомобиле поедете к нему домой. Автомобиль оставите где-нибудь поблизости за углом. Ты, – Венчиков оторвал взгляд от ногтей, которые он подпиливал пилочкой, и посмотрел на Шяштокаса, – должен под любым предлогом провести Сашку и еще одного моего человека в дом. Придумай там что-нибудь... Ну, например, что они помогут тебе крышу отремонтировать. После этого постарайся... Сколько там, говоришь, охраны? Четверо? Так вот, постарайся вывести двух охранников на улицу. Объясни им, мол, надо что-то там принести. На улице к вам подойдут мои люди. Скажут, что они из милиции, посадят вас в автомобиль и повезут за город. В лесу кончаете этих двоих и возвращаетесь опять к дому. Сводите счета с оставшимися. Потом кто-то из вас едет сюда за мной. Я постараюсь к этому времени выбить из старика шифр и заполучить ключи от сейфа...

Шяштокас, успевший уже прикинуть, как действовать в изменившейся обстановке, сказал:

– Не перестарайся со стариком. Прикончить его успеем, когда возьмем сейф. Он может со страху перепутать шифр или назвать выдуманные цифры, а нам потом маяться с сейфом.

– Толково рассуждаешь, – ухмыльнулся Венчиков. – Точь-в-точь как я.

На этом он закончил инструктаж и коротко мотнул головой: «Давайте за мной». Они вышли из дома, пересекли двор и оказались в большом сарае. Шяштокас и Алимов переглянулись. Сарай был приспособлен под временное жилье. Вдоль стен тянулись сбитые из досок и жердей нары. Это было вроде вагона третьего класса: сеники, подушки, одинакового зеленого цвета суконные одеяла. Дальняя часть сарая была просто завалена сеном, поверх которого лежало с полсотни таких же зеленых одеял. Людей было меньше – человек тридцать. При виде Венчикова они прекратили разговоры, а шестеро бандитов, игравших в карты на самодельном столе в центре сарая, прервали игру. Венчиков стал называть фамилии, бандиты один за другим выходили к центру. Шяштокас и Алимов обратили внимание, что все они были вооружены обрезами и наганями, кое у кого на поясе болтались гранаты. Венчиков отсчитал двенадцать человек и молча направился к выходу. На ходу кивнул Шяштокасу: и вы, дескать, тоже.

Устроились за домом на траве, и Венчиков повоенному четко поставил перед каждым задачу. Напоследок обратился к средних лет мужчине в кожаной куртке:

– Линяев, у тебя как с бензином?

– Полный бак.

– Документы в порядке?

– Так точно.

– Ну что ж, тогда двигайте!

Шофер поднялся:

– Кто со мной? Пошли! – И направился за сарай. Следом двинулись Сашка, Шяштокас, Алимов и еще трое бандитов. Алимов усиленно приглядывался к одному из них. Он где-то видел этого угрюмого, с тяжелым квадратным подбородком и злыми колючими глазами человека. «Но где же? – почему-то тревожно думал Алимов. – Может, до февральских событий?»

У задней стены сарая стоял легковой автомобиль. Он был без тента, блестел лакированными боками, выглядел празднично и нарядно. Шофер взял за локоть бандита, который показался знакомым Алимову.

– Стась, ты сидишь со мной, а остальные пусть устраиваются сзади. – Он достал из-под сиденья заводную рукоятку. – Только сперва крутани.

– Крутить, конечно, не водку пить, – пошутил бандит и пошел к передку машины.

Лоб Алимова покрылся холодным потом. Он вспомнил, где видел этого человека. Это было, когда группа бандитов во главе с Чароном напала на Михайлова и его жену. Этого самого Стася взяли живым. В штабе милиции на предложение Антона Михайловича Крылова рассказывать правду, он ухмыльнулся: «Правду говорить, не водку пить». «Почему он на свободе? – озадаченно думал Алимов. – Его же тогда судили и дали немалый срок, а он уже снова в банде. И главное – запомнил ли он меня?»

Однако Стась не присматривался к Алимову, не проявлял к нему особого интереса.

Стасю пришлось крутить долго, и в конце концов он, разразившись бранью, бросил ручку и обратился к низкорослому рыжему бандиту, сидевшему рядом с Алимовым:

– Храпун, иди-ка покрути, а то расселся как барин.

Рыжий молча вышел из машины, взялся за рукоятку. Крутнул разок – и мотор сразу же затарахтел. Рыжий победоносно взглянул на Стася, отдал рукоятку шоферу и сел на свое место. Автомобиль, стреляя кольцами дыма, покатило со двора.

До центра города ехали минут двадцать. В двух кварталах от нужного дома шофер остановил автомобиль и, не выключая мотора, обернулся:

– Выходите. Автомобиль я загоню вон в тот, видите, тупичок, там и буду вас дожидаться.

Стась спросил у Шяштокаса:

– Ну, где у нас будет свидание с этим Луриковым-Жмуриковым?

– Он обычно после завтрака идет на прогулку, заходит на почту, покупает газеты и возвращается к обеду домой. Возле дома и встретим.

Тем временем они подошли к дому, где обосновался Фурсов-Луриков, и Шяштокас рукой показал на другую сторону улицы:

– Ждите там. А я схожу на разведку: может, он еще дома.

– Один пойдешь? – подозрительно спросил низенький, с заметным брюшком и маленькими черными усиками человек. Его звали Филипп.

Шяштокас спокойно посмотрел на него:

– Если хочешь – пойдем вместе.

Но Филиппа одернул Стась:

– Не лезь куда не велено. Ты не у себя в кабинете.

Шяштокас пожал плечами и двинулся к воротам. Дернул за толстый шнур, свисавший слева от калитки, и стал ждать. Наконец калитка открылась, выглянул молодой мужчина. Это был Солдунов. Он посторонился и впустил Шяштокаса во двор. Там его встретили Дмитриев и молодой сотрудник Ярмолик. Поздоровавшись, Шяштокас спросил:

– Где Андрей Миронович?

– В штабе. Ты позвони ему.

Шяштокас поднялся по скрипучей лестнице и вошел в комнату, где у телефонного аппарата дежурил Алексей Крылов. Тот приветливо улыбнулся:

– Ну, как дела?

– Пока нормально, если не считать того, что они хотят заташить Фурсова в свое логово.

Тем временем Алексей успел соединиться с Михайловым. Шяптокас доложил обстановку. В трубке какое-то время только тихонько потрескивало – Михайлов думал. Еще бы! Андрей Миронович Фурсов в свои без малого шестьдесят должен идти прямо в пасть к бандитам, рисковать жизнью. Понимая состояние Михайлова, Шяптокас решился высказать свое мнение:

– Михаил Александрович, если действовать правильно, Андрею Мироновичу ничего не будет угрожать.

– О чем ты говоришь, Альгис? Мы же с тобой знаем этого бандита.

– Да-да, понимаю, но я имею в виду, что Венчиков не пойдет на крайность, пока не откроется сейф.

В трубке снова наступила тишина: Михайлов советовался с Фурсовым и Крыловым-старшим. Наконец он сказал:

– Альгис, мы решили согласиться с твоим предложением. Какая помощь нужна?

Шяптокас уточнил у Алексея, прибыл ли наряд милиции, который должен находиться в резерве в гараже позади дома. Получив утвердительный ответ, сказал в трубку:

– Здесь нам помощи не нужно, а вот к логову бандитов людей подбросить надо бы: их там не меньше двух десятков и не исключено, что после нашего отъезда стало еще больше.

– Хорошо, учтем. Что еще?

– Все, Михаил Александрович.

– Ну, тогда Андрей Миронович выходит. Шяптокас положил трубку и, собрав на первом этаже всех товарищей, которые под видом частной охраны находились в доме, изложил им свой план.

После этого он вышел на улицу и сразу увидел Романа с бандитами. Они выглядывали из-под арки на другой стороне.

– Кто пойдет со мной после того, как хозяина уведут?

Стась ответил вопросом на вопрос:

– А где он?

– Как я и предполагал, часа полтора назад вышел на прогулку. Думаю, есть смысл подогнать автомобиль и брать его здесь. Не забывайте: вы из милиции.

– Правильно, – согласился Стась. – Сгребем и – в машину. – Но вдруг насторожился: – А как же с охраной?

Ответ у Шяптокаса был готов:

– В доме сейчас их всего двое, таскаться с ними по отдельности нет нужды. Неужели с двоими не справимся?

– А где остальные?

– Знаю только одно: их сегодня не будет.

Стась принял решение:

– Старика повезут Сашка и ты, Роман, а мы пойдем в дом. – Он взглянул на Сашку и строго предупредил: – Автомобиль не задерживайте, сразу присылайте. – И тут же – снова цыгану: – Сбегай скажи шоферу: пусть подгоняет свой тарантас...

Шофер затормозил на противоположной стороне и, не выключая мотора, громко спросил:

– Разворачиваться или так стоять? Станислав махнул рукой, что обозначало «стой так», и посмотрел на Альгиса:

– Слушай, а ты чего все рвешься в дом? Неужто стесняешься хозяину в глаза посмотреть? Зря – он все равно пойдет в расход. – А сам в этот момент подумал, что ему, Стасю, приказано позаботиться, чтобы эти двое, Альгис и Роман, когда дело будет сделано, разделили участь старика.

Альгис пожал плечами:

– Мне все равно. Если хочешь – остаюсь с вами.

– А что, так оно, может, и лучше, – сказал Алимов. – Подтвердишь хозяину, что вот, мол, приехали из милиции. У него больше веры будет.

– Хорошо. Остаюсь.

В это время в конце квартала появилась одинокая фигура мужчины. Шяптокас тихо обронил:

– Он.

– Вижу культурного человека, – ухмыльнулся Стась, – он никогда не заставит себя долго ждать.

А Фурсов подходил все ближе и ближе. Лицо его было спокойным и даже скупающим. Шяштокас шагнул ему навстречу:

– Хозяин, вас спрашивают вот эти люди.

Фурсов посмотрел на стоявших в отдалении Алимова, Стася и Филиппа:

– Слушаю вас.

– Господин Луриков?

– Да, я Луриков.

– Мы из милиции. Вам нужно срочно проехать с нами.

– Куда проехать? Зачем? – удивленно поднял брови Фурсов.

Шяштокас восхищенно подумал: «Какой молодчина Андрей Миронович! Ни дать ни взять – артист!»

– Очень срочное дело, – грубо ответил Стась и, жестом указывая на автомобиль, предложил: – Прошу!

Андрей Миронович пожал плечами и молча пошел к автомобилю. Его посадили на заднее сиденье. Рядом сел Сашка, а Алимов устроился впереди с шофером. Стась коротко бросил:

– Храпун, помоги завести.

Храпун взял из рук шофера рукоятку. Ему опять повезло. После нескольких оборотов мотор заработал, и через мгновение автомобиль, обдав оставшихся клубами дыма, сорвался с места. Глядя ему вслед, Шяштокас улыбнулся:

– Вот бы начальник милиции узнал, что мы от его имени действуем. Его, поди, бедного, кондрашкахватила бы.

– Его и так скоро кондрашкахватит, – буркнул Стась.

– Это почему же? – спросил Шяштокас, первым направляясь к дому.

– А потому, что вообще каюк скоро большевикам.

– А помнишь, ты уже раз обжегся на этом начальнике? Как его фамилия? Михайлов, что ли? – не без ехидства встрял в разговор Филипп.

– Михайлов, – ответил Стась. – Этому Еське Страмбургу не терпелось счеты с ним свести. И Данила сдуру согласился ему помочь. Все можно было иначе сделать: и Страмбург не схлопотал бы пулю в лоб, и этот Михайлов давно бы землю парил. Да ничего, считанные деньки ему осталось начальствовать.

Шяштокас слушал бандитов, затаив дыхание, и молил судьбу только об одном: чтобы удалось сохранить в живых Стася. Чувствовалось, что этот бандит много знает. Но пока нужно было действовать. Он сказал:

– Я найду и попытаюсь обоих мужиков отвлечь, а потом открою калитку.

Возражений не последовало. Шяштокас подошел к воротам, дернул за веревку, и спустя минуту калитка открылась. Он вошел во двор и шепнул Солдунову:

– Запри и иди в дом.

Сам же направился к сараю. Весь резерв во главе с Галкиным был на месте. Милиционеры, сжимая в руках винтовки, сидели кто на чем. Шяштокас отобрал четверых:

– Пойдемте со мной в дом. Задача такая: берем сначала двух бандитов, разводим по разным комнатам и после этого приглашаем третьего.

– А что нам делать? – спросил Галкин.

– Сидеть и ждать. На то вы и резерв.

Вместе с отобранными четырьмя милиционерами Шяштокас направился в дом. Договорились, что брать бандитов будут прямо в прихожей. Завесили единственное окно, чтобы Станислав и Храпун, с которых было решено начинать, не сразу огляделись после яркого солнца. Расставив людей, Шяштокас попросил Солдунова и Ярмолика оставаться во дворе.

– На случай, если третий бандит, – объяснил Альгис, – что-нибудь заподозрит и вздумает сунуться за нами, вы его схватите.

Солдунов и Ярмолик укрылись во дворе: один присел за большой бочкой, другой схоронился в кустах сирени. Шяштокас еще раз окинул взглядом двор и вы-

шел на улицу. Вся троица разом подалась к нему. Он ткнул пальцем в грудь Филиппу:

– Ты остаешься здесь дожидаться автомобиля, вы, – кивнул он Стасю и Храпуну, – быстро за мной. Надо успеть, пока эти два оболтуса втаскивают на крышу трап...

И, не дожидаясь ответа, пошел к воротам. Стась и Храпун молча последовали за ним. Открыв калитку, Шяштокас оглянулся: Филипп стоял на месте.

Когда взойшли на веранду, Шяштокас с облегчением произнес:

– Успели! – Открыл дверь в прихожую и пропустил бандитов вперед.

Едва те переступили порог, с двух сторон, словно тени, мелькнули фигуры людей. Через минуту бандиты лежали на полу, связанные по рукам и ногам, и обезумевшими глазами смотрели на милиционеров. Шяштокас спокойно сказал:

– Вот так-то, господа. Вы, вероятно, уже догадались, что имеете дело с милицией. Предупреждаю: если хоть один из вас пикнет, пусть пеняет на себя.

Бандитов перенесли в разные комнаты на втором этаже. Шяштокас снова вышел на улицу, подозвал Филиппа и сказал:

– Иди. А я подожду наших.

– Что, готово дело?

– Да что там – двое всего. Чисто сработали, увидишь.

Филипп чуть не испортил дело. То ли от любопытства, то ли от врожденной подозрительности он почему-то не пошел сразу в дом, а направился... к сараю. Открыв дверь, оторопел: на него смотрели полтора десятка вооруженных людей. Филипп издал что-то похожее на поросятчий визг и бросился назад. Хорошо, что Солдунов и Ярмолик сориентировались и быстро подскочили к сараю...

Немного позже Шяштокас хорошенько отчитал Галкина. Но так или иначе трое бандитов были уже обез-

врежены. С минуты на минуту можно было ждать самого Венчикова: Сашка и Роман, конечно, скажут ему, что в доме только два охранника и, значит, дело здесь не затянется. Подумав, Шяштокас часть милиционеров из резерва направил на улицу, чтобы они спрятались в подъездах и арках близлежащих домов и были готовы к возможной перестрелке. В душе росла тревога за Фурсова. Как он там? Не переиграет ли? Не вздумают ли бандиты его пытаться?

...В это самое время Андрей Миронович с недоуменным видом стоял перед злобно ухмыляющимся Венчиковым. Тот, не повышая голоса, говорил:

– Мне нужна правда. Но, по совести говоря, не хотелось бы вытягивать ее из тебя, старая рухлядь, на огне или каким-нибудь еще инструментом. – Он встал с дивана и подошел к Фурсову. – Итак, господин Луриков, первый вопрос: где ключи от вашего сейфа?

– Какого сейфа? – вроде бы не понял Андрей Миронович.

– Сейфа, который стоит у тебя дома. Нечего прикидываться. Небось сообразил уже, что находишься не в милиции. Так что отвечай по-хорошему, говорю тебе. Отвечай!

– Зачем вам ключи от моего сейфа?

– Ишь, наивный какой, – опять ухмыльнулся Венчиков и, взяв двумя пальцами Андрея Мироновича за подбородок, приподнял его так, чтобы заглянуть в глаза. – Поясняю: нам нужно содержимое твоего сейфа. Таким образом ты купишь у нас свою жизнь.

– Но это же самый настоящий разбой! – с возмущением произнес Андрей Миронович. – Я требую, чтобы вы немедленно принесли извинения и отвезли меня домой. Я буду...

Но Венчиков не дал ему договорить. Все с той же ухмылкой на губах, не меняя позы, он неожиданно нанес сильный удар кулаком Андрею Мироновичу в живот. Ойкнув, тот опустился на пол. Продолжая стоять над ним, Венчиков громко позвал:

– Гуляев!

В комнату поспешно вошел заросший верзила. Вытянулся у дверей.

– Чего изволите, ваше благородие?

– Принеси-ка, братец, инструмент.

– Все готово, – ответил верзила и исчез за дверью. Через минуту возвратился еще с одним бандитом. Они принесли стул и длинную веревку. Венчиков приказал:

– Посадите господина Лурикова на стул и привяжите покрепче.

Верзила и его напарник легко подхватили Андрея Мироновича и быстро привязали его по рукам и ногам к стулу. В этот момент Венчиков насторожился:

– Гуляев, посмотри, кто там ходит.

Гуляев выглянул в первую комнату, которая была одновременно и кухней, и доложил:

– Никого нет, ваше благородие.

– А мне показалось, что дверь скрипнула.

Нет, Венчиков не ослышался. Это в кухню проскользнул Алимов. Он успел юркнуть за старый буфет, в образовавшийся за стеной угол, где стояло несколько ведер, а на вбитых в стену гвоздях висели чьи-то пальто и полушубки. Роман понимал, какая опасность грозит Фурсову, и не мог оставаться безучастным. Он приготовил револьвер: «Если начнут измываться над Андреем Мироновичем, перестреляю бандитов, развяжу его, возьмем их оружие и будем отбиваться. Наши же рядом, должны понять, в чем дело, и прийти на помощь».

Между тем Фурсов продолжал игру. Что ж, он согласен отдать какую-то часть суммы, вырученной за фабрику. Но Венчиков был неумолим. Приказал поднести пленника вместе со стулом к двери. Освободил немного от пут его левую руку и, вставив пальцы в щель между дверью и коробкой, начал медленно прикрывать дверь. Фурсов застонал:

– Не надо, отдам я вам ключи, изверги!

– Вот так бы сразу. – В который раз на жестоком лице Венчикова появилась хищная ухмылка. Было видно,

что он упивается властью над беззащитным человеком. – Ну, где ключи?

– Развяжите меня.

– Скажи, где ключи, тогда развяжу.

– Они при мне, развяжите.

Венчиков коротко бросил:

– Развязать!

Через минуту Фурсов встал со стула и начал растирать затекшие от веревки места. Затем снял рубашку: на спине, пониже ворота, были в рядок пришиты три небольших ключа. Венчиков обрушился на своих:

– Раззявы! Как же вы его обыскивали?

– Так мы же оружие искали, ваше благородие... – пытался оправдываться верзила.

– Оружие искали? Вшей вам искать...

Он взял ключи, убедился, что все они от разных замков.

– А теперь шифр четвертого замка.

Фурсов надел рубашку, пересек комнату и сел на лавку.

– Не знаю, как вас величать, но подумайте сами: вы же меня на старости лет оставляете нищим. Если хотите – любую половину, по-божески. Слово дворянина, я не обижу вас.

– Ты что, опять за старое? Да я тебя, гада, на медленном огне поджаривать буду, пока не скажешь шифра. Я тебя инвалидом сделаю! – Венчиков угрожающе приблизился к Андрею Мироновичу. – Говори, старик, шифр говори. – Глаза его налились кровью, под кожей запрыгали желваки: вот-вот схватит руками за горло.

– Хорошо, запоминайте: тысяча восемьсот пятьдесят семь.

– Не путаешь?

Андрей Миронович хотел сказать, что эти цифры он никак не может перепутать или забыть: это год его рождения, но вовремя спохватился: «Нет, нельзя так отвечать. Если он мне поверит, это конец».

– Не должен перепутать. Приедем – увидите.

– Никуда ты, голуба, не поедешь. Поеду я сам, проверю твою память. – Венчиков повернулся к своим помощникам. – Ты, Гуляев, останешься здесь, будешь присматривать за старикашкой до моего возвращения.

Верзила спросил:

– Кто с вами, Кузьма Константинович? По его тону Алимов понял, что знакомы эти двое давно. Но ответа дожидаться не стал, – сдерживая дыхание, осторожно, на цыпочках направился к двери. Вышел во двор, присел на скамейку. К нему подошел Сашка, сел рядом:

– Где ты пропадал? Полчаса ищу – как сквозь землю провалился.

– Плохо искал.

В этот момент из дому вышел Венчиков. Увидев цыгана и Алимова, сказал:

– Оба останетесь здесь.

– Вы что, хотите без меня поехать? – удивился Алимов. – Как же вы дом найдете?

– Не волнуйся, найдем. – Венчиков повернулся к подошедшему коротконогому, в галифе и сапогах, бандиту: – Зови людей, поехали.

По знаку коротконогого из-за сарая выкатил автомобиль. Венчиков сел рядом с водителем, сзади втиснулось еще четыре человека. Стреляя дымом из выхлопной трубы, автомобиль выехал со двора.

События развивались не по плану, но Алимов уже знал, что делать.

– Да, Сашка, чует мое сердце: останемся мы с носом.

Цыган в ответ только растерянно хмыкнул.

– Что хмыкаешь? Посуди сам: откроют они сейф, выгребут все оттуда и станут, думаешь, голову ломать, как с нами поделиться? Накоса выкуси!

Сашка какое-то время молчал, потом не выдержал:

– Считаешь, плакала наша доля?

– Даже не сомневаюсь.

– Так это же нечестно. Вы богача раскопали, я Данилу с вами свел, а он нас побоку. Нет, как только явится, я ему скажу...

– Что ты ему скажешь? Да он тебе просто голову, как петуху, отвернет и – тьфу – на помойку выбросит.

– Что же делать?

– А может, нам поприжать этого старикашку? Ему все равно каюк, Данила живым не выпустит. Вдруг скажет, где у него есть еще золотишко.

– Головой рискуем. Гуляев, как пес, предан Даниле, сразу же донесет. Вот тогда уж точно каюк нам.

– А если и его в долю взять?

– Пустое дело, – махнул рукой Сашка.

Но Роману любой ценой нужно было посмотреть, что делается в доме: ему не давала покоя мысль, что Фурсов остался один на один с Гуляевым.

– Слушай, Сашка, давай так: ты постой у входа и никого не выпускай. Скажешь, если что, нельзя, мол, Данила приказал, чтоб ни ногой. А я попытаюсь с Гуляевым поговорить. Мне-то бояться нечего. Если сболтнет Даниле – не беда. Мне с ним детей не крестить.

Соблазн для цыгана был велик. Он, ничем не рискуя, мог получить изрядный куш.

– Не дрейфь, – наступал Роман. – Ты же, в случае чего, в стороне. Тебя охранять вход никто не заставлял. Мне просто важно, чтобы никто не помешал вести разговор один на один с Гуляевым.

И Сашка не выдержал, отчаянно крутнул головой:

– Ах, была не была, давай!

– Вот и лады!

Не мешкая, Роман взбежал на крыльцо, осторожно прошел в сени и тихонько открыл дверь. В кухне, где он недавно прятался, – никого. Во второй комнате была тишина. «А вдруг эта заросшая образина что-нибудь сделала с Фурсовым?» И Роман, не таясь, распахнул дверь. Андрей Миронович сидел в центре комнаты на стуле, к которому крепко был привязан веревкой. Из уголка рта тоненькой струйкой текла кровь.

– Тебе чего? – вскочил Гуляев.

– Мне Кузьма Константинович велел присмотреть, чтоб ты тут мордобоя не устраивал. А ты, вижу, проявляешь инициативу.

Запросто произнесенные имя и отчество главара возымели действие. Гуляев успокоился и ворчливо бросил:

– А чего с ним цацкаться? Все равно в расход.

– Ну, это не нам решать, – неопределенно ответил Роман, ощупывая глазами каждый предмет в комнате: чем бы оглушить этого верзилу? Железная кочерга, рядом – топор. Но как до них дотянуться, если этот цербер настороженно следит за каждым его движением? Вот он, словно чуя опасность, перешел поближе к печке. Справиться с ним голыми руками нечего было и думать. А Шяштокас через час-полтора даст команду окружившим дом милиционерам начать штурм. Кто знает, как поведет себя этот бандит. А вдруг у него инструкция – сразу же убить Фурсова? Мысль Романа лихорадочно искала приемлемое решение. Так, Сашка по собственной инициативе в дом не войдет и постарается никого сюда не впускать. Фурсову худо, надо избавить его от мучений. И Роман решил. Подошел поближе к двери, чтобы отрезать бандиту путь, и резким движением выхватил из-под рубахи револьвер.

– А ну, гад, развяжи человека!

Гуляев выкатил глаза:

– Ты что, сдурел? Ну-ка, убери пушку!

Роман понимал, что назад пути нет, – нужно заставить бандита беспрекословно подчиниться. Он прикрыл свободной рукой дверь, – чтобы, если придется стрелять, не так было слышно во дворе, – и властно приказал:

– Сядь! Если ты без моего разрешения шевельнешь пальцем, – стреляю. Понял, образина?

Смысл происходящего только сейчас начал доходить до сознания Гуляева. Да-да, он понял. В этот момент Фурсов негромко застонал.

– Гадина! – еле сдерживая себя, процедил Роман. – За что ты над стариком измываешься?

– Так я ж... мне же Кузьма Константинович приказал... Сказал, что его все равно пристрелим.

– Сперва твоего Кузьму Константиновича пристрелим и тебя заодно! А ну, ложись, сволочь!

Гуляев неловко бухнулся на пол всем своим огромным телом, а Роман, не отдавая себе отчета, зачем он это делает, подошел к печи, взял кочергу и так огрел бандита по спине, что тот взвыл от боли. Роман спохватился, отошел к двери, приказал:

– А теперь развяжи его.

Гуляев медленно поднялся, стал развязывать Фурсова. Тот уже открыл глаза и, молча наблюдая за происходящим, попытался улыбнуться Роману. Потом уже свободный от пут тихо спросил:

– Где наши?

– Окружили дом и ждут команды, чтобы разгромить все это логово.

– Что с Венчиковым?

– Думаю, вы с ним только что поменялись местами. Ошарашенный Гуляев во все глаза смотрел на них. Роман приказал ему снова лечь на пол лицом вниз и спросил Фурсова:

– Андрей Миронович, вы можете двигаться?

– Конечно, могу, – ответил Фурсов, ладонью вытирая с лица кровь. – Он, сволочь, после ухода главара, взялся за меня: скажи да скажи, где еще спрятаны ценности. Тебе, мол, они уже все равно не понадобятся.

– Ничего, Мироныч, он за все ответит. Возьми у него в правом кармане оружие.

Фурсов, вытащив из брюк бандита наган, выпрямился, подошел к стулу, сел и облегченно вздохнул:

– Ух, теперь вроде веселее: мы вдвоем вооружены.

Алимов понимал, что ему обязательно надо выйти к Сашке, иначе тот начнет беспокоиться и в конце концов рискнет зайти в дом. Он предложил Фурсову:

– Мироныч, свяжите его да покрепче.

Фурсов взял веревку и старательно связал по рукам и ногам своего недавнего мучителя. Роман проверил, насколько надежны узлы, вышел в кухню и принес два полотенца. Из одного сделал кляп, а вторым для верности обмотал бандиту голову.

— Побудьте с ним, а я выйду во двор, там цыган торчит. Поболтаю с ним, а то как бы он не зашел сюда.

Сашка сидел на траве у крыльца и от нетерпения грыз травинку. Увидев Романа, вскочил:

— Ну как?

— Порядок. Гуляев согласился. Главное сейчас, чтобы старик заговорил. По-моему, он поддается. Так что ты, Саша, побудь здесь и никого не пускай. Чует мое сердце, сегодня мы с тобой будем держать в руках золотишко.

— Хорошо, хорошо, иди. Никого не пушу.

Роман, прежде чем подняться на крыльцо, внимательно осмотрел двор. Он был пуст. Бандиты, за исключением дозорного у ворот, не выходили из сарая. Войдя в дом, Роман вызвал Фурсова в кухню и предложил:

— Андрей Миронович, вы сейчас выберетесь через окно в огород, перелезете через забор и окажетесь у наших. На дворе только у ворот, выходящих на улицу, стоит один охранник, да Сашка у крыльца сидит. Скажите нашим, что атаковать лучше от соседнего огорода. Сашка в эту бучу не полезет, охранника у ворот я беру на себя, а хлопцы пусть всеми силами набросятся на сарай.

Фурсов кивнул. Они перешли в дальнюю комнату, где было окно, выходящее в огород. Осторожно открыли его, и Фурсов вылез. Роман наблюдал, как он постариковски тяжело перелез забор и скрылся в орешнике. После этого, облегченно вздохнув, закрыл окно и вышел в переднюю. Запер дверь на крючок, затем принес из большой комнаты кочергу и вставил ее в ручку. Теперь дверь была закрыта надежно. Оставались окна, но их было много, и Роман махнул рукой. Вошел в комнату, где лежал Гуляев, молча сел на диван, стоявший в углу. Подумалось о товарищах, кото-

рым предстояло взять Венчикова. Они взяли уже? Вообще, что там происходит?

А там события развивались своим чередом. С соблюдением мер предосторожности в дом прибыли Михайлов и Крылов. Узнав от Шяштокаса, что схвачен бандит, участвовавший вместе с Чароном в нападении на Михайлова, решили поговорить с ним. Стась сидел со связанными руками в маленькой комнате на втором этаже. Михайлов какое-то время рассматривал его, потом сказал:

— Я — Михайлов, начальник Минской милиции. Мне известно, что вы участвовали в нападении на меня. Позвольте вопрос: кто был организатором?

Стась к этому времени понял, что иного выхода, кроме как молить о пощаде, у него нет. Поспешно ответил:

— Страмбург. Это он хотел преподнести Венчикову вашу голову.

— Где Венчиков работал до свержения самодержавия?

— В минской охранке. Его перевели в начале прошлого года из Смоленска. Когда объявился Страмбург и сказал, что бежал от вас, он не поверил. А Страмбург был мужик ушлый и в доказательство, что не врет, предложил ту акцию.

— Вы сами где работали раньше?

— Служил, — неопределенно ответил Стась.

— Где служили?

— Я — офицер жандармерии.

— И переквалифицировались в бандита? — усмехнулся Михайлов.

— Так было приказано...

В этот момент в комнату заглянул Алексей Крылов:

— Приехали!

Михайлов спокойно посмотрел на Крылова старшего:

— Ну что, Антон Михайлович, пойдем встретим?

Они спустились на первый этаж, Михайлов спросил у Солдунова:

– Где Шяштокас?

– На улице, сейчас приведет их сюда.

– Сколько их?

– В автомобиле шестеро, но придут, наверное, пятеро. Шофер, скорее всего, останется за рулем.

– Где их решили брать?

– Во дворе.

– Хорошо! – В глазах Михайлова блеснул озорной огонек. – Предупредите товарищей: когда я выйду из дверей веранды бандитам навстречу – это и будет сигналом к действию.

А Шяштокас в этот момент рассказывал главарю банды, как они легко расправились с охранниками.

– Где мои люди? – спросил Венчиков.

– В доме. Нам тоже не надо соседям глаза мозолить.

– Пошли! – скомандовал Венчиков своим, а шоферу бросил: – Сверни за угол и постой. Мотор выключи.

Шяштокас открыл калитку – во дворе было пусто.

– Проходите в дом прямо по дорожке, – предложил он, а сам сделал вид, будто возится с запорами. Бандиты растянулись гуськом. Первым шел Венчиков. Спокойное, надменное лицо. Он был уверен в успехе. Когда до веранды осталось около пяти метров, на крыльцо неожиданно вышел мужчина – среднего роста, с чуть прищуренными, улыбающимися серыми глазами, с небольшими стоящими торчком усами и мягкой бородкой. Венчиков и его дружки остановились и какое-то время растерянно смотрели на незнакомца. Офицерская гимнастерка, галифе, сапоги, фуражка с кокардой... Венчикову вдруг показалось, что он где-то раньше уже видел этого человека.

– Кто такой?

– Я? – переспросил мужчина и, продолжая улыбаться, сказал: – Начальник Минской милиции Михайлов.

В этот момент со всех сторон словно из-под земли выросли вооруженные люди. Они взяли бандитов на прицел.

– Руки вверх! Ни с места!

Еще через мгновение около каждого из бандитов оказалось по два милиционера. Они быстро развели их по разным углам двора. Венчикова ввели в дом. Посадили на стул. Напротив, рядом с Михайловым, он увидел улыбающегося Шяштокаса. Злобно выругался и сказал:

– Чисто сработали, мужичье! – затем, имея в виду Михайлова, бросил: – Опередили вы меня, гражданин начальник, ровно на сутки.

– В нашем деле иногда и минуты решают, – ответил Михайлов и повернулся к Шяштокасу: – Альгис, позаботься, пожалуйста, о шофере.

После этого он распорядился позвонить в штаб и вызвать грузовые автомобили.

Шяштокас тем временем вышел из калитки, свернул за угол, приблизился к автомобилю. Сказал шоферу:

– Давай помогу завести. Надо подъехать вплотную к воротам. Будем груз принимать.

Шофер дал ему заводную ручку, и Шяштокас изо всех сил принялся крутить. Он боялся, что вот-вот появятся милицейские автомобили и тогда добавится ненужная возня с шофером. Но на сей раз мотор завелся скоро. Шяштокас сел на заднее сиденье. Автомобиль развернулся и медленно, прямо по тротуару, подъехал к воротам. Шяштокас соскочил на землю:

– Глуши мотор и пойдем со мной – поможем.

Водитель молча выключил зажигание, вылез из автомобиля и направился к воротам. Шяштокас открыл калитку и пропустил его вперед. И тут же из-за калитки послышалось испуганное «ой». Это от неожиданности вскрикнул шофер, когда его с обеих сторон схватили за руки.

Шяштокас поспешил к Михайлову:

– Все в порядке, Михаил Александрович, шофер обезврежен.

– Прекрасно. Вместе с Антоном Михайловичем приступайте к окончательной ликвидации банды.

– Я думаю, мы сначала возьмем тех, что на окраине города, заодно освободим Андрея Мироновича, а затем на автомобилях подскочим на хутор.

– Действуйте, – ответил Михайлов.

Внимательно слушавший этот разговор Венчиков спросил Михайлова:

– Разрешите один вопрос?

– Слушаю вас.

– Как вы смогли выйти на этого богача?

– Какого богача?

– Ну, хозяина этого дома.

– А он никакой не богач, он наш товарищ.

– Ах, вон оно как! И он не побоялся отдаться нам в руки?! Он же рисковал головой?!

– Рисковал, – кивнул Михайлов. – Но об этом поговорим позже. Я тоже хочу задать вам пока только один вопрос: вы согласны дать правдивые показания?

– Подумаю, – глухо ответил Венчиков и отсутствующим взглядом уставился в окно...

Как Шяштокас ни торопил шофера, дорога заняла добрых полчаса. Крылов-старший, увидев Фурсова, обнял его за плечи:

– Как ты, браток?

– Нормально. Спасибо Роману, выручил, ох как выручил. – Фурсов коротко рассказал, как обращались с ним бандиты, и попросил: – Антон Михайлович, первым делом давай направим пару хлопцев в дом на помощь Роману.

– Я тоже об этом подумал, – прищурился Крылов. – Коль ты оттуда вышел, значит, можно и туда пробраться. Только не пару хлопцев пошлем, а человек десять. И задачу им поставим – помочь нам изнутри.

Крылов отобрал десяток милиционеров и наказал им проникнуть в дом тем же путем, какой проделал Фурсов. Шяштокас попросился к Крылову.

– Антон Михайлович, а вдруг Роман не разберется, что это свои? Разрешите, я с ними?

– Хорошо, Альгис.

Получив подкрепление, Алимов вытащил из дверной ручки кочергу, откинул крючок и вышел во двор. Сашка сидел на прежнем месте.

– Что так долго? Я уже хотел сам идти. Думал, что-нибудь случилось.

– Кое-что случилось. Заходи – увидишь.

Сашка с готовностью направился в дом. Вошел в первую комнату и не успел раскрыть рот, как оказался на полу. Его быстро связали, сунули в рот кляп и уложили рядом с Гуляевым.

Шяштокас увидел в окно, что десятка два милиционеров уже перелезли через забор.

– Роман, можем приступать, людей хватает.

Но у Алимова был свой план. Он взял двух милиционеров и пошел с ними к воротам. Охранник с безразличным видом наблюдал, как они приближаются: Алимова он видел раньше рядом с Венчиковым и даже не подумал об опасности. Алимов подошел, взял в руки прислоненный к вербе обрез и спокойно сказал:

– Открой ворота.

– Зачем?

– Сказано – открой.

В этот момент бандит увидел, что к сараю с винтовками наперевес бегут какие-то люди.

– Кто это?

– Свои, не волнуйся. – Алимов настежь открыл ворота, снял с головы кепку и помахал ею. Из кустов на его сигнал выскочила еще группа милиционеров.

– Ты что?! – метнулся к Алимову бандит, но тут же замолчал: прямо в грудь ему уперлись стволы двух винтовок.

Алимов спокойно приказал:

– Свяжите его, товарищи, – а сам вместе с подбежавшими милиционерами бросился к сараю. Отстранил

стоявшего наготове у двери Шяштокаса, вошел. Бандиты ни о чем не подозревали. Полагаясь на часового, одни по-прежнему беспечно играли в карты, другие дремали на сене, двое или трое чистили оружие.

– Ни с места! Руки вверх!

В дверь толпой ввалились милиционеры. Все произошло так быстро, что бандиты даже не успели пустить в ход оружие. Лишь один схватил обрез и попытался выстрелить, но кто-то из милиционеров опередил его – бабахнула трехлинейка, и бандит, схватившись за грудь, упал.

Алимов приказал:

– Всем сдать оружие и оставаться на местах!

У выхода из сарая стала быстро расти куча обрезов, винтовок, револьверов, гранат.

Антон Михайлович Крылов, посоветовавшись с Шяштокасом и Алимовым, принял решение вывозить бандитов по группам на одном грузовике. Для этой цели он оставил Шяштокасу половину отряда, а сам с остальными милиционерами и Алимовым на легковом автомобиле и втором грузовике направился к лесной базе Данилы.

К вечеру там после короткой перестрелки были арестованы двадцать два бандита. Четверо в перестрелке были убиты. В отряде Крылова погиб один милиционер и один получил ранение.

Так закончилась первая крупная операция по борьбе с уголовной преступностью, проведенная Минской милицией, во главе которой стоял Михайлов. Впереди были другие операции – как против бандитов, жуликов, воров и спекулянтов, так и против главных врагов революционного народа – контрреволюционеров всех мастей.

ВАМ ЕХАТЬ В ШУЮ

Провал наступления на фронте вызвал небывалые волнения среди рабочих и солдат России. Временное правительство сорвало злобу на народе. Страну облетела страшная весть: меньшевики и эсеры в сговоре с буржуазией и контрреволюционными генералами расстреляли мирную демонстрацию трудящихся и солдат в Петрограде. Реакция обрушилась на большевистскую партию, начала громить большевистские газеты. 7 июля был издан приказ об аресте Ленина. Повсеместно проводились обыски, аресты. Июльские события означали конец двоевластия: контрреволюция делала ставку на террор и репрессии. Противопоставить этому можно было только одно – вооруженное восстание. Большевистская партия перешла на полулегальное положение. Владимир Ильич Ленин по решению ЦК был укрыт в подполье.

Нелегкое положение создалось и в прифронтовой Белоруссии. Для подавления революционных сил местная буржуазия и армейское командование вместе с националистами и соглашателями создали под предлогом усиления армии ударные батальоны смерти, союз георгиевских кавалеров, другие военные союзы и лиги. Они начали распространять погромные листки, требующие казни виднейших руководителей Минского комитета большевистской партии и Минского Совета.

...На столе перед Михайловым лежало тревожное письмо от Жихарева. Тот сообщал, что снова арестованы сотни солдат-большевиков. Командующий фронтом издал приказ о предании военно-полевому суду «за бунт против верховной власти и агитацию» не только военных, но и гражданских лиц.

«Эти меры, – писал Жихарев, – могут повлечь за собой нежелательные для нас последствия: ослабление наших позиций в армии и, как следствие этого, снижение революционной активности».

Михайлов и сам понимал сложность ситуации, и в последние дни все его раздумья были об одном: как организовать отпор контрреволюции. Резкий телефонный звонок оторвал его от тревожных мыслей. Он поднял трубку и услышал голос Мясникова:

— Чем занят? У меня тут Вячеслав Дмитриевич. Есть новости. И вообще надо поговорить.

— Хорошо. Иду.

Михайлов положил бумаги в сейф, запер его и вышел из кабинета. На первом этаже нос к носу столкнулся с Надей Катуриной.

— Откуда ты, Наденька?

— Прямо из Петрограда.

— Знаешь что, давай-ка твои вещи и вместе пойдем к Мясникову, там и побеседуем.

Михайлов подхватил увесистый саквояж, и они направились в комитет большевиков.

У Мясникова, кроме Онищука, были также Кнорин, Ландер и Любимов. Появление Нади Катуриной вызвало оживление: она никогда не приезжала без самых последних известий. Так было и на этот раз.

— Вы знаете, что мирная демонстрация рабочих и солдат в Петрограде потоплена в крови, — не дожидаясь расспросов, начала она. — Контрреволюция перешла в наступление. Первоочередная их задача — разгром большевиков. Им удалось приостановить выпуск «Солдатской правды» и «Правды». Многие наши товарищи арестованы. Мне поручено передать вам горячую благодарность за поддержку петроградских рабочих и солдат. Ваши энергичные протесты в связи с решением Временного правительства о наступлении на фронте и политические демонстрации в Минске сыграли свою роль. Кроме того, они показали всем, что позиции большевиков в Белоруссии, в том числе и в армии, сильны, как никогда. Теперь стоит задача добиться, чтобы на предстоящих выборах в Городскую думу прошло как можно больше большевиков. Вам для организации выпуска газеты Центральный Комитет прислал две тысячи рублей.

— Этого хватит на шесть номеров, — прикинул Мясников. — Ну что ж, остальное будет зависеть от нас самих.

— И еще, товарищи, — продолжала Катурина, — ЦК считает, что вы правы: назрела необходимость организационного объединения большевиков и централизации руководства революционным движением всей Северо-Западной области и фронта. Но имейте в виду, что централизация руководства движением даст эффект только в том случае, если во всех городах и большинстве воинских частей будут партийные организации. Надо подумать и о расширении географии забастовок и стачек протеста. И последнее. — Надя встретила взглядом с Михайловым, улыбнулась. — Михаил Александрович, вам лично привет от Владимира Ильича. Он просил очень зорко следить за чистотой рядов милиции. Архиважно, как он говорит, чтобы она и впредь, как сейчас, целиком состояла из рабочих и солдат, сочувствующих большевикам. Да, кроме того, вы должны быть готовы выехать на две-три недели в Шую. Дата выезда будет уточнена.

Михайлов был растроган: Владимир Ильич Ленин помнил его и даже передал привет! Он почувствовал на себе радостные взгляды товарищей и, смутившись таким вниманием, сказал:

— Вот наш ответ Владимиру Ильичу: мы используем силу милиции для пресечения любых нарушений свободы выборов, вскрытия махинаций меньшевиков, эсеров и всех тех, кто попытается воспользоваться предвыборной кампанией в своих целях.

Мясников поблагодарил Надю за информацию и предложил:

— Давайте теперь послушаем товарища Онищука, а затем обменяемся мнениями. Не возражаете?

Онищук встал, подошел к столу:

— Михаил Александрович прав. Меньшевики и эсеры будут делать все, чтобы не допустить избрания большевиков в Городскую думу. Готовят различные акции, в том числе обыкновенные хулиганские вы-

ходки. Мне удалось добыть копию одного документа, который свидетельствует о том, что в ближайшее время министерство внутренних дел и наш губернский комиссариат попытаются разгромить Минский Совет. Этим господам не по нутру его большевистский состав и революционная линия деятельности.

Онищук положил перед Мясниковым отпечатанный на машинке лист. Мясников пробежал его глазами и спросил:

– Вячеслав Дмитриевич, можно прочесть вслух?

– Конечно.

– Это докладная записка. Ее написал товарищ министр внутренних дел Леонтьев. Послушайте: «Минский Совет, состоящий в большинстве из социал-демократов большевиков, далек от усвоения линии поведения правительства, вследствие чего создается положение неуверенности, когда мероприятия органов местной власти при всем соответствии их указаниям Временного правительства не встречают единодушной поддержки всех органов организованной демократии... Даже выносятся резолюции совершенно противоположного характера...»

Онищук говорил дальше:

– Леонтьев предлагает, воспользовавшись перевыборами, устранить из состава Совета большевиков. Губернский комиссар что-то пронюхал в отношении выпуска нашей газеты и отдал распоряжение воспрепятствовать этому. Далее. В ближайшие дни надо ожидать новой волны клеветы и провокаций против милиции и лично товарища Михайлова. Мне удалось узнать, что они готовят массовый побег уголовников. Простым распоряжением теперь не обойдешься, вот им и приходится хитрить. Побег рассчитан на то время, когда охрану тюрьмы будут нести милиционеры, чтобы затем поднять шумиху и, обвинив во всем милицию, потребовать отставки ее начальника.

– Так вот почему они добивались, чтобы мы два раза в неделю брали на себя внешнюю охрану тюрь-

мы, – задумчиво промолвил Михайлов. – Воистину, готовы пойти на все...

– Кроме этого, они поручили трем бывшим полицейским чинам собирать на милицию любые жалобы, а если не будет таковых, то через верных людей их организовать. – Онищук вдруг улыбнулся. – Мне лично велено договориться с газетами о публикации этих жалоб. Есть у них еще один план: собрать в Минск как можно больше верных им людей, в том числе бывших офицеров охраны, жандармерии, полиции и даже уголовных элементов, чтобы использовать их в различного рода провокациях против большевиков, а также участников демонстраций, стачек и забастовок. Они возлагают особые надежды на батальоны смерти и им подобные формирования. И наконец, – Онищук обвел взглядом присутствующих, – губернский комиссар согласился с требованиями военного руководства и главарей меньшевиков и эсеров о подготовке списка большевиков-руководителей и партийных активистов, чтобы в нужный момент их арестовать.

– Да, завязывают узлы господ хорошие, – покачал головой Ландер.

– А то как же, – усмехнулся Мясников. – Но их активность говорит о другом: они чувствуют, что скоро, очень скоро весы истории склонятся в пользу трудящихся – в нашу пользу. Вот и стараются на свою чашу бросить все возможное, даже уголовников. Что будем предпринимать? У кого есть предложения?

По очереди выступили Кнорин, Любимов, Ландер. Был выработан план действий. Когда Мясников подвел итоги, Михайлов, не мешкая, направился к себе. Перед этим он договорился с Надей Катуриной, что та, как только уладит дела в комитете, тоже придет в штаб. Шел по выложенному красным кирпичом тротуару и улыбался в усы, представляя себе, как будет счастлив Алимов, когда увидит Надю.

В штабе первым делом пригласил Гарбуза:

– Иосиф, тебе поручение. – И он, рассказав Гарбузу о подготавливаемом побеге из тюрьмы, поручил принять соответствующие меры.

Едва Гарбуз ушел, как зазвонил телефон. Опять Мясников.

– По телефону получено сообщение: тебе надо выехать в Шую 6–7 августа. Так что готовься, но имей в виду, Миша, я 26-го уеду в Петроград на съезд партии, а первый номер газеты должен выйти 27 июля. Как видишь, и здесь вся нагрузка ложится на тебя. Справишься?

– Постараюсь.

– Не забудь, что всю работу редакции, так же как и фамилии редакторов, сотрудников, надо держать в строгой тайне, чтобы не дать нашим «доброжелателям» и прессе шельмовать и травить их.

– Я это понимаю.

Михайлов было положил трубку, но тут же снова поднял ее.

– Где Алимов? – спросил у дежурного.

– Допрашивают с Шяштокасом в тюрьме бандитов.

– Когда появится в штабе, пусть зайдет ко мне. После этого Михайлов позвонил жене: будут гости. И, спохватившись, добавил:

– Да... в начале августа я уезжаю.

– Куда?

– В Шую.

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Гарбуз побывал у Антона Николаевича Яцкевича – того самого тюремного надзирателя, который еще прежде оказал милиции важные услуги, а в последнее время вернулся к службе в тюрьме уже не ради заработка, а по велению долга. Яцкевич не удивился приходу гостя: с некоторых пор они встречались часто.

– Антон Николаевич, к вам просьба. По нашим сведениям в ближайшие дни готовится побег из тюрьмы группы уголовников. Кто готовит – вам понятно. По всей вероятности, в тюрьму будет заслан человек, чтобы он подговорил арестованных бежать. Мы должны знать этого человека.

– Трудное дело, – задумчиво проговорил Яцкевич. – Он, конечно, поступит под видом арестованного, а как ты его отличишь?

– Скорее всего его привезут без суда. Дело спешное, не до формальностей. Это во-первых. А во-вторых, непременно захотят определить к уголовникам.

– Это уже кое-что, – повеселел Яцкевич. – Надо только не прозевать, если он поступит не в мою смену. Ну что ж, проверю по спискам. Словом, будет сделано.

– Спасибо, Антон Николаевич.

Гарбуз пожал Яцкевичу руку и распрощался. Теперь его путь лежал в район Нижнего рынка, где размещалась типография газеты. Там Михайлов назначил ему встречу.

Михаил Александрович выглядел усталым: красные от бессонницы глаза, бледное, осунувшееся лицо. Он держал в руках свежий, только что отпечатанный номер «Звезды».

– Вот наш первенец! Ради этого тебя и звал. Ну как?

Гарбуз взял пахнущую типографской краской газету и посмотрел на дату:

– Двадцать седьмое июля. Значит, завтра люди увидят нашу первую газету, первую звездочку. Ты все же успел! Поздравляю!

– Угу, – ответил Михайлов и потянулся за следующим оттиском. – Только бы успеть отпечатать весь тираж. Представляешь, как ее завтра будут читать. – Он прошел к небольшому окошку и выглянул на улицу. – Ого, вечереет. – Посмотрел на часы и начал куда-то собираться.

– Ты бы пошел отдохнул, а то, поди, сутки без сна.

– Да-да, пойду, но сначала я должен встретиться в городском комитете с Катуриной. Она сегодня уезжает в Петроград.

На улицу вышли вместе. Немига, зажатая двух-трехэтажными каменными домами, шумела, гудела, гомонила. Это была наиболее оживленная улица города, деловой и торговый центр.

Михайлов грустно заметил:

– Деревня опустела без мужиков, всех под гребенку подгребли, а эти, смотри, и в ус не дуют. Что им война, окопы, армия. А ведь громче всех кричат: «Война до победного конца!» На них-то и опираются меньшевики.

– Добавь еще крестьянство.

– Ну, не все, – возразил Михайлов, – только зажиточное. А если кто из бедноты голосует за меньшевиков, то разве что по темноте своей да по незнанию. Здесь нам надо не кого-то винить, а себя, нашу слабую работу среди крестьян.

– Кто это мне говорит? – лукаво улыбнулся Гарбуз. – Председатель исполкома Совета крестьянских депутатов Белоруссии и вдобавок редактор «Крестьянской газеты».

– Газета, конечно, незаменимая трибуна для пропаганды наших идей, но среди крестьян Белоруссии еще мало настоящих агитаторов-большевиков. Как сделать, чтоб их было больше? Вот над этим я сейчас и думаю...

У здания штаба они расстались. Гарбуз вошел, а Михайлов, прибавив шагу, двинулся дальше и вскоре был уже в комитете. В коридоре столкнулся с Алимовым. С невинным видом спросил:

– А ты чего сюда прибежал?

– Так Надя же уезжает, – смутился Роман.

– А... Ну, если Надя уезжает, – картинно серьезно произнес Михайлов, – это, конечно, причина уважительная. – И вдруг, улыбнувшись, обнял Романа за плечи: – Знаю, Роман... Вижу, что у тебя с Надей дела

зашли далеко. И, честно сказать, рад за вас, как говорят, дай бог вам счастья. Только вот как насчет свадьбы? Когда?

– Вчера договорились: сразу же после победы пролетарской революции.

– А не заждетесь?

– Нет, считаем, что ждать недолго, – уверенно ответил Роман и, рассмеявшись, добавил: – Так что приглашаем Вас, Михаил Александрович. Приедете?

– На крыльях прилечу, – пообещал Михайлов.

СВЯТАЯ ТРОИЦА

Выход первых номеров «Звезды» был как гром среди ясного неба. Рабочие и солдаты жадно читали свою газету, обсуждали напечатанные в ней материалы. «Звезда» сыграла немалую роль в избирательной кампании. Была ее заслуга в том, что по списку большевиков в состав Городской думы прошло двадцать два депутата, из них – двенадцать члены партии.

Читали «Звезду» не только минчане, но и жители всего белорусского края. Минский комитет большевиков, поставивший перед собой задачу объединения партийных сил, направлял газету во все концы Белоруссии. Представители комитета были командированы в крупнейшие города и воинские части. «Звезда» стала для них своеобразной визитной карточкой. Как только поездка посланца комитета в Бобруйск увенчалась успехом и там была создана большевистская группа, газета незамедлительно рассказала об этом на своих страницах. Минский комитет большевиков взял на себя инициативу по созыву областной партийной конференции – «Звезда» опубликовала текст обращения комитета ко всем партийным организациям Белоруссии.

Зашипели, забрызгали ядовитой слюной меньшевики, эсеры, националисты, всякие «бывшие». В Думу,

в губернский комиссариат потекли злобные писания с требованием закрыть газету. Все труднее становилось сохранять в тайне местонахождение типографии. Однажды, когда Михайлов направлялся туда на дежурство, следуя давней привычке, проверил, нет ли «хвоста», и заметил, что за ним тащатся трое каких-то типов. Сразу же вспомнилось предупреждение Онищука о том, что меньшевики подобрали несколько бывших офицеров охраны и поручили им путем слежки за Михайловым и Мясниковым выяснить, где печатается «Звезда». Михайлова в типографии ждали, готовился выпуск очередного номера. Но делать было нечего – не поведешь же эту троицу за собой. Оторваться от слежки для Михайлова труда не составляло, но он понимал, что шпики могут пристроиться еще за кем-либо из товарищей, направляющихся в типографию, и тогда беды не миновать. Михайлов принял решение проучить шпииков. Но как? Он сделал вид, будто заинтересовался рабочими, ремонтирующими мост через Свислочь у Нижнего рынка, остановился и стал прикидывать, что предпринять. Подойти к ним и потребовать документы? Арестовать властью начальника милиции? Нереально, они просто-напросто разбегутся. Наконец придумал. Он повернулся и быстрым шагом направился к отделению милиции, которое находилось недалеко от Троицкой горы. Вошел под арку, затем во двор длинного трехэтажного дома – здесь в крайнем подъезде и было отделение, начальником которого стал Алимов, а его заместителем – Шяштокас. Оба оказались на месте, и Михайлов сразу же изложил свой план. Понадобилось человек шесть милиционеров. Пока Шяштокас подобрал их, Михайлов связался с Кнориным и попросил заменить его в типографии. Алимов предложил встретить шпииков в районе Комаровских вил.

– Понимаете, – убеждал он, – это возле самого болота, туда-то мы их и загоним.

– А не утонут? – спросил Михайлов.

– Утонуть не утонут, а грязи нахлебаются.

Немного погодя Михайлов вышел из помещения милиции через Троицкое предместье, затем по улице Георгиевской направился в сторону Комаровских вил. Несколько раз осторожно оглядывался: троица неотступно следовала за ним. А Алимов и Шяштокас еще с шестью милиционерами в это время уже, вероятно, подъезжали к Комаровским вилам на грузовом автомобиле.

Через полчаса Михайлов был на месте.

В глубине большого двора среди пышной зелени виднелся полуразрушенный двухэтажный дом. В свое время Михайлов с товарищами обнаружили в этом доме огромный подвал с двумя входами и хотели оборудовать в нем типографию, но после февральской революции необходимость в этом отпала – дом так и пребывал в запустении. По выщербленной кирпичной лестнице Михайлов спустился вниз. Потянул на себя тяжелую металлическую дверь и шагнул в темноту. Он бывал здесь раньше и поэтому довольно уверенно двинулся по темному длинному проходу под зданием. Вскоре увидел узкую полоску света: это был второй выход. Вышел, отыскал среди мусора кусок проволоки, закрыл дверь, накинул щеколду и быстро закрутил ее проволокой. Затем из-за угла здания внимательно осмотрел двор. Так и есть! Троица его преследователей маячила во дворе. Нетрудно было догадаться, что они советуются, как поступить дальше.

«Ну что ж вы стоите? – мысленно поторопил шпииков Михайлов. – Давайте спускайтесь в подвал! Вам же интересно посмотреть, что там».

Шпиики словно услышали его – направились к дому. У входа в подвал постояли немного и наконец один за другим скрылись в темноте. Михайлов хотел было двинуться за ними, но тут мимо него промчался Алимов. Он с грохотом захлопнул тяжелую метал-

лическую дверь и запер ее на прочный кованый засов. Шпики оказались в ловушке. Михайлов подошел к Алимову:

– Здорово ты бегать научился.

– Побежишь, – озорно ответил Роман. – Так уж руки чешутся!

– Ну-ну, смотри у меня! – шутливо пригрозил ему Михайлов. – Руки нам с тобой не для этого даны. – Он озабоченно взглянул на часы. – Подержите их здесь час-полтора, затем выясните фамилии и отпустите.

– Так-таки и отпустить?

– Достаточно, что они будут разоблачены. А о наказании пусть подумают те, чьих надежд они не оправдали. По головке, надо полагать, не погладят. Я буду в штабе.

Михайлов ушел, а Алимов махнул рукой Шяштокасу: давайте сюда. Едва Шяштокас с милиционерами приблизились, как дверь подвала задрожала под ударами и послышались приглушенные крики:

– Откройте!.. Кто дверь закрыл? Сейчас же откройте!

Алимов шутливо поежился:

– Представляю, что им там сейчас в кроменшной тьме мерещится.

Михайлов тем временем подъезжал на грузовике к штабу. Поднявшись к себе, позвонил в исполнительный комитет. Ответил Любимов.

– Исидор Евстигнеевич, от Кнорина вестей нет?

– Только что был посыльный. Все в порядке, газета выйдет в срок.

Михайлов удовлетворенно положил трубку, и тут же в кабинет вошел Гарбуз. Он был возбужден.

– Только что надзиратель Яцкевич сообщил: в камеру, где содержатся уголовники, по указанию начальника тюрьмы эсера Бычкова посадили троих каких-то типов.

– Опять святая троица!

Гарбуз недоуменно поднял глаза.

– Да мы только что троих шпииков в подвал на Комаровских вилах определили. Без суда и следствия. А на этих приговоры есть?

– Нет. И дело не только в этом. На всех троих ордера на арест, и знаешь, чья подпись под этими ордерами?

– Откуда же мне знать, – пожал плечами Михайлов.

– Твоя.

– Что?!

– Да-да. Они подделали твою подпись и подсадили своих людей к уголовникам, чтобы склонить их к побегу. Я почему-то думал, одной «подсадной уткой» обойдутся. А тут размах. Кстати, как утверждает Яцкевич, один из троих – бывший полицейский. Антон Николаевич его узнал.

– Что предлагаешь делать?

– Готовиться к ночным событиям.

– Считаешь, побег состоится сегодня ночью?

– Думаю, что да. Час назад звонил из губернского комиссариата Стародорожников. Он ведает вопросами тюрем и судов. Выразил от имени губернского комиссара неудовольствие: мы-де плохо охраняем тюрьму. Этот звонок, видимо, надо расценивать как подтверждение слов Онищука.

– Не поспешил ли твой Стародорожников. Сколько наших людей сегодня привлекается в помощь тюремной охране?

– Восемь человек.

– Что так мало?

– Еще одно подтверждение, – улыбнулся Гарбуз. – Утром позвонил начальник тюрьмы и попросил прислать людей наполовину меньше обычного. Так что я не сомневаюсь: сегодня ночью.

– Да, пожалуй, ты прав. Готовь людей. Но все держать в тайне.

– Понятно. Через час я встречу с Яцкевичем и оговорю детали. Хорошо, что он будет дежурить этой ночью: легче действовать.

— Где Антон Михайлович?

— Здесь, в штабе.

— Пусть заглянет ко мне. Он утром сказал, что знает двоих людей, которых кто-то из меньшевиков подговорил написать в газету жалобу на милицию. Я торопился в типографию, разговор пришлось отложить.

Через несколько минут появился Крылов-старший. Прошел к столу, вытер рукой пот.

— Жаркое нынче лето, как бы до засухи не дошло. Старуха моя каждый день из колодца воду на огород таскает.

— Как здоровье Елены Петровны?

— Какое в наши-то годы здоровье, — улыбнулся Антон Михайлович.

— Кланяйся ей от меня.

— Спасибо. В ближайшее время, как только попаду домой.

По всему было видно, что Крылов в настроении, и Михайлов не торопился переходить к служебным вопросам. Но Антон Михайлович сам сменил тему:

— Мне удалось выяснить, что к Захару Мацуле приходил Кравцов. Меньшевик. Ты его должен помнить: он еще до революции редактором газеты работал. Так вот, Кравцов попросил Мацулю написать в газету жалобу: так, мол, и так, в результате плохой работы милиции в городе на каждом шагу происходят убийства, грабежи и кражи. Милиция же не только никаких мер не принимает, но и выпускает из тюрьмы воров и хулиганов. — Крылов потянулся к графину, налил стакан воды и выпил. — Да, жарковато тут у тебя. — Он опять смахнул пот со лба и продолжал: — А два дня назад все тот же Кравцов приходил к рабочему железнодорожных мастерских Рагозину. Предлагал деньги и за это подбивал написать жалобу от имени рабочих.

— А почему Кравцов именно к Мацуле и Рагозину обратился.

— Мацуля — мелкий торговец, лавочник. Его даже выставляли по списку «мелкие лавочники» в Городскую думу. Ну, а Рагозин приглянулся только потому, что пьет. Конечно, получить жалобу на нас от рабочего — это для меньшевиков, что манна небесная.

— А что из себя представляет этот Кравцов? Чем он сейчас занимается?

— В Городской думе отвечает за печать. Кстати, он включен в состав делегации минских меньшевиков, которая 12 августа примет участие в работе совещания всякой контры в Москве.

— Подожди, Михалыч, я сейчас посмотрю список этой делегации. — Михайлов выдвинул боковой ящик стола и достал тоненькую папку. Раскрыл ее. Сверху лежал список. Провел по нему пальцем. — Ага, вот он: Кравцов Лев Спиридонович. — Взял из папки несколько исписанных листов и положил их перед собой. — Хорошо, что ты мне напомнил об этом совещании. Я подготовил статью в газету. Только попрошу Соню отпечатать, а то наборщики морщатся, когда мои каракули приходится набирать.

— Странно, — пожал плечами Крылов, — я всегда считал, что у тебя очень четкий почерк.

Михайлов взглянул на часы:

— Ничего. Вот-вот Соня придет с работы, а человек она у меня безотказный. Скажи, Антон Михайлович: Рагозин и Мацуля не согласятся, чтобы мы сослались на них, когда будем описывать в газете выходы меньшевиков?

— Конечно, согласятся.

— А это хлестко прозвучит, — потер ладонь о ладонь Михайлов. — Но на сегодня главное — не допустить побега из тюрьмы и разоблачить его организаторов.

В этот момент кто-то негромко постучался, и в кабинет вошла Соня.

— Легка на помине! — воскликнул Михайлов.

— Все ясно, — рассмеялась Соня. — Значит, печатать надо.

– Точно. – Михайлов жестом показал в дальний угол кабинета. – К твоим услугам новая пишущая машинка. Только сегодня доставили.

– Ну что ж, давай опробуем. – Соня репчательно направилась к машинке. Михайлов отпустил Крылова, взял в руки текст и, подойдя к Соне, начал диктовать:

– 12 августа собирается московское совещание, совещание живых мертвецов бывших Государственных дум, тех Дум, которые поддерживали розги, виселицы, бросали массы трудового народа в чуждую его интересам войну, поддерживали темноту населения и этим поддерживали старый николаевский режим. И вот теперь с этими палачами Керенский, Чернов, Церетели, все большинство (меньшевицких) Советов имеют намерение организовать совещание в Москве. – Речь Михайлова была плавна и нетороплива, а Соня была опытной машинисткой и вполне успевала печатать. – Только непосредственная опора на массы трудового, солдатского и крестьянского населения даст силу революции; только организация власти, выделенной из самих органов демократии, способна довести революцию до победного конца; только сама демократия может закончить быстро братоубийственную войну, которая несет бедному люду нищету, вырождение, сотни, тысячи смертей ежедневно; только сама демократия может обуздать грабительские аппетиты буржуазии; только сама демократия может отобрать землю у помещиков...

Когда Михайлов закончил. Соня внимательно прочла текст и, передавая его мужу, спросила:

– Где это будет напечатано?

– В «Звезде» за 4 августа. Так что не забудь купить.

– Постараюсь, – улыбнулась Соня. – А ты не забудь заплатить за работу.

– О, это я вмиг! – Михаил Александрович, быстро наклонившись, поцеловал ее.

– Ой, Миша, что ты! – вскочила Соня. Лицо ее зарделось, глаза светились радостью. – А вдруг кто-нибудь войдет и увидит, чем занимается начальник милиции?

– А что здесь такого? Я поцеловал жену и таким образом сэкономил средства, которые пришлось бы израсходовать на оплату машинистке.

– Ах так! – делано возмутилась Соня. – Значит, ты меня поцеловал только за то, что я отпечатала материал. Ну, погоди, поговорю я с тобой дома, ох поговорю! – И Соня, погрозив пальцем, рассмеялась, а затем спросила: – Я свободна, товарищ начальник?

Проводив жену, Михайлов возвратился к своему столу. Умела Соня взглядом, одним прикосновением, словом поддержать мужа, высказать ему свою любовь, поднять настроение.

Какое-то время Михайлов продолжал смотреть на дверь, словно ждал, что она вот-вот откроется и Соня снова войдет. И дверь действительно открылась, но вместо супруги Михайлов увидел Шяштокаса и Алимова. Лица у обоих были возбужденными и радостными.

– Ну, рассказывайте, – попросил Михайлов.

– Смех один! – Алимов, посмотрев на Шяштокаса, расхохотался. – Как только вы уехали, шпики, наверное, поняли, что они в ловушке, и давай кулаками стучать в железную дверь. Потом нашли что-то твердое, скорее всего – камень, и такой тарарам устроили, что, казалось, еще немного и немецкие аэропланы прилетят. Ну, мы выждали часок, затем Альгис план предложил. – Алимов обернулся к Шяштокасу. – Расскажи сам.

Шяштокас не заставил просить себя дважды:

– Я решил устроить этим господам что-то вроде ванны. Подошел к двери и тихонько постучал. Шпики притихли, а я им негромко: «Кто здесь стучит?» Они мне в ответ: «Кто-то дверь закрыл, откройте быстрее!»

А я им: «Так тут же замок, как я открою, да и во дворе какие-то двое мужчин с винтовками стоят, вон, у сарая курят». Тогда шпики спрашивают: «А они, эти вооруженные люди, видят вас?» – «Нет, не видят, они спиной стоят. – И потом предлагаю им: – Вы подождите немного, не шумите, я посмотрю с другой стороны». Отошел я от двери и махнул рукой Роману.

Алимов не удержался, стал рассказывать сам:

– Мы с хлопцами подошли к входу, открыли дверь, потребовали от них паспортные книжки, переписали фамилии, обыскали. У одного оказался наган. Тогда я им говорю: «Сейчас придет автомобиль, и мы вас отвезем в милицию, а пока посидите тут». Захлопнули дверь, задвинули засов, сделали вид, будто возимся с замком и, громко разговаривая, отошли в глубь двора.

– Ну, я выждал немного, – подхватил Шяптокас, – подошел, спрашиваю: «Вы здесь?» – «Здесь», – отвечают вполголоса. Я им и говорю: «Идите ко второму выходу – открою». Обошел дом, открыл дверь, а тут и они. Бледные, дрожат со страху, на свет щурятся. Я им показал на дыру в заборе: там, мол, ваше спасение. А там такая хлябь, только пролезли – сразу по пуп. Словом, я им не позавидовал.

Михайлов долго от души смеялся, вытирая набегавшие на глаза слезы. Потом вдруг оборвал смех:

– Сегодня ночью намечается побег из тюрьмы группы уголовников. Надо позаботиться, чтобы они далеко не убежали. Вы оба участвуете в операции. Жду вас здесь в полночь, а сейчас идите отдыхайте.

«С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ВАС...»

Гарбуз настаивал, чтобы проведение операции в тюрьме было поручено ему. Михайлов понимал: он хочет искупить вину, на деле доказать, что понял свои ошибки. Когда все собрались, он, как о давно решенном, сказал:

– Действуй, Иосиф. Удачи вам. Жду известий здесь – мне надо привести в порядок кое-какие дела перед отъездом...

Вскоре после полуночи подошли к тюрьме. Большое, обнесенное стеной здание с крутыми башнями по углам выглядело в ночи таинственно и сурово.

Сквозь частый холодный дождь кое-как просматривалась часть двора – там тускло светился небольшой электрический фонарь. Скользя по узкой тропинке, вьющейся в некошеной траве, Гарбуз вел своих людей вдоль тюремной стены. Слева начался высокий деревянный забор. Его верхний срез тонул в темноте. Идущий следом за Гарбузом Алимов прошептал:

– Даже освещение выключили.

«А как же иначе, – не отвечая Алимову, подумал Гарбуз. – По всему видно, здесь они и пойдут. Но где же Яцкевич?»

Еще днем Гарбуз договорился с надзирателем, что тот встретит их у забора с тыльной стороны тюрьмы. Гарбуз шепотом передал по цепочке: «Стоять!», сам же вместе с Алимовым двинулся дальше. Несколько десятков шагов – и они наткнулись на высокий кустарник. Из темноты навстречу им шагнул человек. Это был Яцкевич. Гарбуз тихо спросил:

– Как дела, Антон Николаевич?

– Пока все идет по плану. Едва стемнело, начальник тюрьмы с заместителем и двумя офицерами проделали лаз в заборе, – это метрах в тридцати отсюда, – оторвали несколько досок. Висят теперь на одном гвозде, для маскировки. План, скорее всего, таков: за-

ключенных по подземному коридору проведут на задний двор, а затем выпустят через этот лаз.

– Там есть где спрятаться? – поинтересовался Гарбуз.

– Да. Такой же, как здесь, кустарник. Гарбуз повернулся к Алимову:

– Роман, зови наших.

Через несколько минут подошла вся группа. Гарбуз отозвал в сторону Алимова и Шяштокаса и сказал:

– Значит, так: вы с хлопцами остаетесь у лаза. Когда эти мазурики станут вылезать – задерживайте их и ведите вниз к улице. Автомобили и повозки ждут там. Я пройду во двор, встречу с нашими товарищами, и мы вместе в последний момент задержим тех, кто будет выпускать беглецов.

И Гарбуз двинулся в обратный путь вдоль тюремной стены. Недалеко от проходной пучками травы тщательно очистил сапоги, вытер носовым платком лицо. Постучал в калитку. Никто не отозвался. Тогда Гарбуз дотянулся до окошка сторожки и снова постучал. В полутьме мелькнуло чье-то лицо, а немного погодя калитка открылась. Охранник, наверное, спросонья, раздраженно проворчал:

– Ходят тут ночами, словно днем времени не хватает...

– Ладно ворчать! – перебил его Гарбуз. – Я заместитель начальника Минской милиции. Хочу проверить, как мои люди службу несут. Вот документы.

Охранник был не новичок, и ему уже не раз во время дежурства приходилось пропускать на территорию тюрьмы представителей милиции. Поэтому он, почти не взглянув на бумаги, впустил Гарбуза во двор, запер на засов калитку и тут же скрылся в своей клетушке. Гарбуз двинулся ко входу в здание тюрьмы. Высоченные стены, пустой двор, скупо освещаемый единственной электрической лампочкой, доносящийся откуда-то сверху скрип проволоки и мерный шум дождя – все

это подавляло и навевало тревогу. Гарбуз, втянув голову в плечи, приблизился к двери и постучал. Послышалась негромкая возня, и вскоре в маленьком квадратном окошке, прорезанном посередине двери, показалось усатое лицо:

– Что угодно?

Гарбуз представился. Охранник взял у него удостоверение и исчез. Через несколько минут он пропустил Гарбуза в дверь и возвратил документ.

– Где старший милицейского наряда? – спросил Гарбуз, пряча удостоверение в карман.

– Я уже послал за ним, – ответил охранник и показал на скамью. – Посидите, он сейчас будет.

Не успел Гарбуз сесть, как появился Галкин: накануне Михайлов специально назначил его старшим нарядом. Галкин предложил Гарбузу пройти в другой конец здания, где был выход во внутренний двор тюрьмы, охраняемый работниками милиции. Они молча шли по полуосвещенным тюремным коридорам. Шаги гулко отдавались в тишине, и казалось, что идут не двое, а гораздо больше людей.

В небольшом караульном помещении стояли колченогий стол, несколько стульев и табуреток. Под потолком – тусклая лампочка. Гарбуз спросил у Галкина:

– Как обстановка?

– Во всем видна подготовка к побегу. Наших людей сегодня не поставили на посты у двери из подземного коридора и с тыльной стороны тюрьмы. Яцкевич сказал, что там в заборе несколько оторванных досок.

– Да, я знаю. Ты скажи лучше: как нам незаметно пробраться к тому месту?

– А мы уже придумали, – улыбнулся Галкин. – Сейчас придет Яцкевич, и мы вам расскажем.

И действительно, тот появился через минуту. Вытирая ладонью мокрое от дождя лицо, сообщил:

– Все в порядке. Люди расставлены.

– Хорошо, – кивнул Гарбуз.

— А все остальное просто, — улыбнулся Яцкевич и заговорщицки посмотрел на Галкина. — Подземный коридор выходит прямо во двор напротив лаза в заборе. Там, в конце коридора, есть темный отсек. Мы сейчас проберемся туда, а в нужный момент и спросим: что ж это вы, господа хорошие?

...Ночь. Дождь. В темноте тревожно и резко поскрипывает натянутая над забором колючая проволока. Бесшумно открывается тяжелая дверь, из нее один за другим начинают выходить люди. Их много. Вышедшие первыми тут же словно прилипают к мокрой каменной стене. Будь во дворе посветлее, на лицах можно бы заметить напряжение и тревогу. Наконец выходит последний. Осторожно прикрывает за собою дверь и направляется к высокому забору. За ним через утопающий во мраке двор гуськом тянутся остальные. Первым к забору приближается сам начальник тюрьмы. На ощупь находит висящие на одном гвозде доски и раздвигает их. Затем оборачивается к стоящему за ним мужчине:

— Ну, Кузьма Константинович, с богом.

Венчиков — а это именно он — молча трогает начальника тюрьмы за локоть и первым пролезает в дыру. За ним — еще двадцать человек. Все идет по плану.

Но все шло по плану не только у беглецов. С другой стороны забора каждого из них встречали по двое неизвестных, вежливо, но решительно подхватывали под руки и говорили:

— С освобождением вас. Пройдемте с нами, а то здесь скользко, да и в кустах запутаетесь.

Наверное, один Венчиков с удивлением подумал: «Странно, почему мне никто не сказал, что здесь нас будут дожидаться?» Но вслух не обронил ни слова. Да и встречавшие действовали стремительно. Они увлекли Венчикова куда-то вниз, и вскоре он, с поцарапанным ветками лицом, оказался в каком-то дворе. Его свалили на мокрую землю, сунули в рот кляп, связали

руки. Венчиков слышал возню недалеко от себя и наконец понял, что с другими участниками побега происходит то же самое, что случилось и с ним. «Предатели!» — холодея от догадки, сквозь зубы выругался он. Но предпринять уже ничего не мог. Стоявший неподалеку Алимов услышал какие-то непонятные звуки: Венчиков, по-волчьи подвывая, плакал.

Когда последний беглец был связан, через ту же дверь из подземного коридора вышла группа вооруженных людей. Впереди — Гарбуз. Он подошел к начальнику тюрьмы:

— За пособничество в побеге из тюрьмы группы опасных преступников вы арестованы!

ОТВЕТ ЗАГОВОРЩИКАМ

После кровавых событий 3 июля волна революции, казалось, пошла на спад. Все враждебные народу силы ополчились в защиту капитала, слились в колючий злобный поток. Дрогнули нервы у многих из тех, кто колебался, кто пытался устоять на позициях примиренчества. Но буржуазии рано было торжествовать победу: разбуженный к свободной жизни трудовой народ не собирался отступать.

Прямо с поезда Михайлов, не заходя к себе, появился в штабе милиции. Гарбуз не мог скрыть радости.

— Слава богу, вовремя ты вернулся!

— Спокойно, Иосиф! — Михайлов сел за свой стол. — Давай все по порядку.

Гарбуз выждал немного, приводя в порядок свои чувства, и начал докладывать:

— Обстановка хуже некуда. В Белоруссии сконцентрировались сильные центры контрреволюции: в Могилеве Ставка во главе с Корниловым, главный комитет георгиевских кавалеров и союз офицеров, в Минске — штаб Западного фронта. Корнилов и его единомышленники наводнили Минск своими шпи-

ками – бывшими жандармами, провокаторами и полицейскими. Они хорошо вооружены и дожидаются сигнала, чтобы начать действовать и расчистить путь для мятежа.

– Где Мясников?

– Должен быть у себя. Он недавно звонил, интересовался, не приехал ли ты...

Михайлов потянулся к телефону, крутнул ручку и попросил телефонистку соединить его с Мясниковым.

Александр Федорович обрадованно приветствовал друга и тут же заговорил о деле:

– Понимаешь, Миша, готовящийся мятеж – не просто акция кучки головорезов во главе с генералом Корниловым, этим Кавеньяком на русский манер, вознамерившимся «спасти» Россию. Все тут гораздо опаснее и серьезней. Речь идет о тщательно подготовленном российским и международным империализмом заговоре, рассчитанном на установление в России террористической диктатуры, подавление назревшей пролетарской революции методами беззастенчивого насилия. 13 августа наш комитет опубликовал в «Звезде» обращение о поддержке рабочих Москвы и Питера. После выхода газеты многие фабрики и заводы забастовали. В воинских частях прошли массовые митинги. Но имеется распоряжение Временного правительства о закрытии «Звезды». Раз уж ты приехал, надо сегодня же собрать комитет и обсудить вопрос о выпуске газеты под другим названием. Да и еще есть неотложные вопросы.

– В какое время соберемся?

– Думаю, в пять. Но до этого я к тебе забегу.

Михайлов положил трубку и взглянул на Гарбуза:

– Иосиф, где моя жена?

– Где же ей быть, – улыбнулся Гарбуз. – Дома. Тебя ждет не дождется.

– Хорошо. Тогда я схожу домой и через час вернусь. На семь вечера пригласи начальников всех семи отде-

лений и участков, а также наших штабных сотрудников. Проведем совещание.

Когда Гарбуз спустя некоторое время проходил мимо кабинета Михайлова, он услышал за дверью стук пишущей машинки и негромкий, размеренный голос:

– ...проявляется тенденция превратить милицию... в административно-политический аппарат... Ей навязываются... функции политического сыска и органа политической борьбы. Местными представителями правительственной власти... делаются попытки подчинить милицию комиссариату. По этим причинам мы и посчитали долгом своей революционной совести выступить с нижеследующим заявлением...

Гарбуз вошел в кабинет. Михайлов кивнул ему, приглашая сесть, а сам продолжал диктовать:

– Первое. Мы считали и считаем милицию органом городского самоуправления, подчиненным городской управе, но ни в коем случае не представителям центрального правительства. Второе. Задачу свою видим исключительно в охране гражданской безопасности и в поддержании революционного порядка, а ни в коем случае не в политическом сыске и борьбе с политическими течениями. Третье. Против попыток превратить милицию в орган политической борьбы и сыска наподобие старой полиции протестуем самым решительным образом и выполнение такого рода требований, как не входящих в задачи милиции, считаем для себя не обязательным.

В дверь постучали: появился Мясников. Михайлов взглядом попросил его подождать и закончил:

– Только при этих условиях мы допускаем без измены своему долгу и совести возможность нашей дальнейшей службы местному населению. Наше заявление просим внести на обсуждение первого же заседания Городской думы, от которой и ожидаем четкого ответа по этому вопросу.

Выждав, пока Соня допечатает последнее слово и достанет отпечатанный лист из машинки, взял его и, пробежав глазами текст, улыбнулся:

– Как всегда, на высшем бюрократическом уровне. Хоть царю на подпись. Спасибо, дорогая.

Он наконец подошел к Мясникову, обнял его и пояснил:

– Это проект заявления командного состава Минской милиции по поводу незаконных требований представителей Временного правительства. Прочти, пожалуйста.

Мясников прочитал заявление, предложил:

– Давай обсудим его на заседании комитета. – Поднялся со стула, подошел к Соне и, пожимая ей руку, сказал: – Сонечка, а не надоел тебе муж с его замашками эксплуататора? Только на порог – и сразу тебя за машинку.

– Что вы, Александр Федорович, – рассмеялась Соня, – я еще должна благодарить его за доверие.

– О, тогда молчу, молчу! – поднял руки Мясников и повернулся к Михайлову. – Ну, что, Миша, пошли. Без четверти пять. Заодно и поговорим по дороге.

Михайлов отдал еще несколько распоряжений Гарбузу, и они вместе с Мясниковым вышли...

Последующие дни Михайлова прошли в сплошных хлопотах. Он выступал в воинских частях и перед рабочими, разрабатывал и проводил мероприятия по дальнейшему укреплению милиции, созданию новых отрядов Красной Гвардии. Через милицию под руководством Михайлова были обучены военному делу несколько тысяч рабочих.

Несмотря на энергичные меры, «Звезду» спасти не удалось. 25 августа, когда Корнилов объявил о своем наступлении на Петроград, газета была закрыта. На улицах Минска появились группки подозрительных типов. Они тайком вывешивали провокационные листки, призывающие население поддерживать Корнилова, распускали грязные слухи о большеви-

ках. Однако члены Минского комитета большевиков понимали: еще не все потеряно, энергичные меры могут сорвать заговор. По предложению комитета 26 августа состоялось совместное заседание фронтового комитета и исполкома Минского Совета. Михайлов был назначен начальником штаба революционных войск Минского района. Через два дня был образован военно-революционный комитет Западного фронта. Эти два органа взяли на себя руководство всеми мероприятиями по борьбе с корниловщиной. В Витебск, Жлобин, Оршу, Могилев, Бобруйск Минский комитет РСДРП (б) направил своих представителей. Они возглавили революционные силы на местах. Михайлов, Мясников, Ландер разработали подробный план действий.

Особую опасность представляла реакция в Минске. Чтобы пресечь ее активность, большевики города подготовили операцию по очистке Минска от врагов революции. Для этого милицию усилили рабочими красногвардейскими отрядами. Город прочесывался квартал за кварталом. Алимову и его группе в составе пятидесяти человек предстояло, пожалуй, самое сложное: им было поручено захватить главарей местной контрреволюции. К двум часам ночи 27 августа Алимову удалось обезвредить восемь человек из числа контрреволюционной верхушки. После этого Роман с двумя десятками сотрудников направился на улицу Госпитальную, где жил небезызвестный Кравцов – тот самый, что несколько недель назад подбивал людей писать жалобы на милицию. Сейчас по сведениям, полученным от Онищука, под крышей его дома скрывался посланец Корнилова – полковник Ложкин, превративший этот дом в штаб контрреволюции.

Ночь выдалась темная: на небе ни звездочки. Тревожная тишина окружала пустынные улицы, затаилась в арках и подворотнях, схоронилась в неосвещенных подъездах. Молча, стараясь не звякнуть оружием, приблизились к дому Кравцова. Алимов понимал:

если им просто нагрянуть в дом, то в суматохе, которая неминуемо возникнет, Ложкин и его подручные легко могут скрыться. Он остановился и беспокойно завертел головой: где же Дмитриев? Его, Николая, Алимов еще с вечера направил наблюдать за домом. Договорились встретиться за углом забора, у водопроводной колонки. Алимов нервно провел ладонью по гладкой головке насоса. Металл был холодный, как лягушка, и он отдернул руку. «Где же Николай? Почему мешкает, время тянет?» Повернулся лицом к своим, размышляя, кого бы послать на поиски. Но тут в темноте обозначилась неясная человеческая фигура. Он!

– Где ты пропадаешь? – недовольно прошептал Алимов.

– Был с той стороны забора. Собрался уже к вам, да смотрю, к калитке человек подходит и давай чего-то около нее возиться. Вскоре кто-то открыл калитку, и человек вошел во двор. Я выждал немного, потом подкрался поближе. Оказывается, на ночь они протянули от дома к калитке веревку. Сигнализация.

– А пароль у пришедшего не спрашивали?

– Разговаривали шепотом, вот как мы сейчас, и я ничего не расслышал.

– Как ты думаешь, сколько человек в доме?

– Не меньше десятка. При мне вошло шестеро и только один вышел.

– Как же нам во двор пробраться?

– Надо здесь через забор перелезть. Эта точка самая отдаленная от дома.

– Да-а, проблема, – почесал затылок Алимов, поглядывая на высоченный забор.

– Двое одного подсадят, и так все по очереди.

– Ну, разве что. Попробуем.

Алимов перелез первым. Договорился с последовавшим за ним Дмитриевым, что остальные, перебравшись на эту сторону, будут ждать его у забора, а сам отправился на разведку. Дом вставал из темно-

ты пугающей громадиной. Алимов не спеша обошел его. Только с противоположной стороны сквозь плотные шторы крайнего окна пробивалась узенькая полоска света. Подойдя ближе, Алимов встал на цыпочки и попытался заглянуть в комнату. Но щелка в шторах была настолько узка, что рассмотреть ничего не удалось. Напряг слух – ни звука, ни голоса. Тогда он прошел дальше и вскоре оказался у высокого деревянного крыльца. Осторожно потянул на себя дверь – заперта. Постоял, раздумывая, как поступить, и вернулся к забору. Группе сотрудников во главе с Дмитриевым поручил окружить дом.

– С обратной стороны в одном окне горит свет, – заметил Алимов. – Скорее всего, эти субчики там. Подготовьте им встречу. – И, пожав в темноте локоть Дмитриева, сказал: – Действуй, Николай, через десять минут мы постучим.

Группа Дмитриева бесшумно растворилась в темноте. Алимов поставил двух сотрудников у калитки и приказал задерживать каждого, кто придет. С остальными двинулся к крыльцу. В темноте тщетно пытался разглядеть стрелки карманных часов. Для верности выждал немного и громко постучал в дверь. И тут холодный пот прошиб его. Отдернул руку от двери, словно та была раскалена. Он вдруг понял, что допустил непростительную ошибку. Его стук переполюшит всех в доме, они подготовятся к худшему. «Черт бы меня побрал! – выругался Роман. – Как я мог забыть о веревке у ворот». Но делать было нечего, поздно спохватился. За дверью послышался шум. Глухой мужской голос тревожно спросил:

– Кто там?

– Милиция, откройте немедленно.

За дверью наступила тишина, затем напряженный слух уловил что-то вроде шепота и осторожные шаги. Алимов грохнул кулаком в массивную дубовую дверь:

– Откройте сейчас же, или мы будем вынуждены взломать дверь!

– Но, любезный, – слышался все тот же голос, – я же не знаю, тот ли вы, за кого себя выдаете. Как я могу открыть ночью дверь незнакомым людям?

Алимов понял, что за дверью просто-напросто хотят выиграть время. Он снова громыхнул кулаком:

– Последний раз говорю: откройте дверь!

В этот момент за углом дома слышались крики, и тут же ночную тишину вспорол грохот выстрела. «Из винтовки, – отметил про себя Алимов. – Значит, наши стреляют». Он громко приказал милиционерам:

– Взламывайте!

Но тут слышался негромкий металлический скрип и дверь открылась. На крыльцо вышел мужчина в халате.

– Гражданин Кравцов?

– Да. Что вам угодно?

– У нас имеется ордер на обыск в вашем доме. Пройдемте, пожалуйста.

Они вошли в дом. В первой комнате тускло светила керосиновая лампа. Недалеко от входа лежала перевернутая табуретка, а рядом стояло пустое ведро. Пол был залит. Очевидно, кто-то второпях опрокинул табуретку, на которой стояло ведро с водой. Алимов, глядя в глаза хозяину, спросил:

– Кто кроме вас есть в доме?

– Никого, – поспешно ответил Кравцов. – Супруга и дети в отъезде, я один.

– Вот ордер на обыск. – Алимов протянул Кравцову бумагу и, пока тот читал, спросил официально: – Имеются ли в доме оружие, контрреволюционная литература, посторонние лица?

– Нет у меня ничего и никого, – глухо пробормотал Кравцов. Даже при неярком свете керосиновой лампы Алимов увидел, как побелело его лицо.

– Ну что ж, – Роман повернулся к своим, – приступим. Ляхов, останешься здесь, у двери, остальные – за мной.

В доме было девять комнат на первом этаже и четыре на втором. Расставив людей так, чтобы блокировать все выходы, Алимов послал узнать у Дмитриева, кто стрелял во дворе. Оказывается, из окна, в котором был виден свет, выскочило ни много ни мало – семь человек. Всех их задержали, изъяли пистолеты и различные документы.

– Ложкина взяли? – спросил Алимов.

– Нет, Роман Петрович. Ложкина среди них нет.

– Значит, он в доме. Будем искать.

Обыск длился долго. Алимов сам осматривал комнату за комнатой. В камине нашли большой тайник. Там было оружие и контрреволюционные листовки.

– Ну, что теперь скажете, гражданин Кравцов? – спросил Алимов у хозяина. Тот молчал. Милиционеры методично осматривали дом, но Ложкин словно в воду канул. Алимов не выдержал:

– Гражданин Кравцов, где Ложкин?

– Какой Ложкин? – сделал Кравцов удивленное лицо. – Не знаю никакого Ложкина.

Алимов молча по крутой лестнице направился на второй этаж. В первой комнате стояли только диван, два кресла и низенький круглый столик.

Алимов и четверо сотрудников в сопровождении хозяина дома прошли дальше. Следующей на очереди была спальня. Нарядно убранная цветными шелками кровать, трюмо, заставленное разными флакончиками и коробочками. Слева от трюмо в углу – огромный платяной шкаф. Алимов, ни слова не говоря, взглянул на милиционеров. Те поняли его и быстро осмотрели комнату, не забыв при этом заглянуть в шкаф и под кровать. Один из них – высокий, худой солдат – сказал:

– Никого! Пошли дальше!

Алимов кивнул, но сам неожиданно шагнул к шкафу. Он обратил внимание, что задняя стенка шкафа прикрывает угол. Властно сказал:

— Помогите, братцы, оттащить эту бандуру. Милиционеры втроем отодвинули угол шкафа, а за ним — мужчина в кителе с браунингом в руке. Высокий милиционер звякнул затвором:

— А ну, вашбродь, бросай пистоль!

Мужчина молча швырнул на пол браунинг. Шкаф отодвинули еще дальше и незнакомца вывели на середину комнаты. Обыскали. Алимов взглянул на документы и удовлетворенно сказал:

— Вы-то нам и нужны, гражданин Ложкин. — И тут же приказал двум милиционерам: — Вниз его, да смотрите, чтоб не дал деру.

Затем, вернувшись к хозяину, не без торжества улыбнулся:

— Что молчите, Кравцов?

Кравцов дрожал и не мог выговорить ни слова. Алимов сказал высокому милиционеру:

— Яков, этого тоже вниз.

Яков дулом винтовки показал Кравцову: идите вперед. Алимов, подсвечивая себе керосиновой лампой, двинулся следом. Там, где лестница делала поворот, он обратил внимание на небольшую боковую дверь. Тронул — открыта. Держа в левой руке лампу, а в правой револьвер, вошел в небольшую захлавленную кладовую. Справа и слева висели темные шторы. Отодвинул рукой с револьвером штору слева и заглянул за нее. Но рассмотреть ничего не успел. Из-за правой шторы поднялась рука с ножом, и Алимов ощутил удар в спину. С глухим стоном осел на пол...

КТО ОН, «ПАПА РИМСКИЙ»?

Большевики Белоруссии, выполняя требование Центрального Комитета партии, всеми силами старались не допустить продвижения мятежных войск к Петрограду. Минский комитет большевиков превратился в организующий центр борьбы против корниловщины в Белоруссии.

Военно-революционный Комитет Западного фронта и штаб революционных войск Минского района под руководством Михайлова направили революционные части в основные пункты, через которые должны были проходить корниловцы. Удалось установить контроль за железной и шоссейной дорогами. Основные телефонные и телеграфные станции городов и узлов связи тоже находились в руках революционных сил.

В Гомель с частями 18-го Северского драгунского полка Кавказской кавалерийской дивизии прибыл Буденный. До этого Семен Михайлович, будучи председателем полкового и членом дивизионного солдатских комитетов, встречался в Минске с Мясниковым и Михайловым. Перед большевиками 18-го Северского и Нижегородского драгунских полков была поставлена задача: не допустить расправы над войсками Гомельского пересыльного пункта, восставшими против Корнилова. По дороге в Гомель в эшелонах члены полковых комитетов и представители Минского комитета большевиков провели большую политическую работу среди солдат. В результате генерал Копачев, командовавший полками, не смог выполнить приказ штаба Западного фронта о подавлении бунта. Революционными силами были взяты под контроль Гомельский железнодорожный узел, телефонный и телеграфный узлы, а также Киевско-Петроградское шоссе, что дало возможность изолировать Ставку от англо-французских

войск, сосредоточенных при штабе Южно-Западного фронта. Большевики Гомеля создали отряд красногвардейцев и направили его в помощь революционным войскам. Все эти меры привели к тому, что через несколько дней по пути на Оршу были задержаны и разоружены пять железнодорожных эшелонов с солдатами «дикой» дивизии, которые следовали к Петрограду.

Бурлил в эти дни и Могилев. Жихареву удалось получить самые исчерпывающие сведения о планах Корнилова. Именно Жихарев сообщил о продвижении «дикой» дивизии через Оршу на Петроград, что позволило Мясникову и Михайлову вовремя поставить об этом в известность Буденного.

В Минске, несмотря на арест большой группы наиболее активных заговорщиков, обстановка оставалась крайне напряженной. По ночам в разных частях города вспыхивали перестрелки, на заборах и стеклах домов появлялись погромные листки. На некоторых предприятиях, в воинских частях враги революции пытались сагитировать рабочих и солдат выступить в поддержку Корнилова.

Михайлову приходилось работать круглые сутки: днем в комитете большевиков, ночью – в штабе милиции. Даже в те короткие два-три часа, когда он забежал домой, чтобы немного передохнуть, голова ломилась от тревожных мыслей. Смерть Алимова потрясла Михаила Александровича, и он, несмотря на огромную нагрузку, лично возглавил работу по розыску убийцы.

Выяснилось, что из кладовой, где на Алимова было совершено нападение, узкая потайная лестница вела в подвал, а оттуда к сараю, стоявшему у самого забора, шел подземный ход. Им убийца и воспользовался. Но кто он? Как его найти? Эти мысли не давали покоя Михайлову. Первые несколько суток никто из арестованных в доме Кравцова не давал никаких показаний. Все

они, надеясь на скорый переворот, держались нагло и самоуверенно. Михайлов выкроил около часа свободного времени и поехал в тюрьму. В комнату для допросов привели Кравцова. Михайлов видел его впервые: это был высокого роста рыжебородый мужчина лет пятидесяти пяти. Темные, глубоко сидящие глаза смотрели зло и настороженно. Михайлов кивнул на прибитый к полу табурет:

– Присаживайтесь.

Кравцов, не торопясь, подошел к табурету, сел, разгладил руками бороду и молча уставился на Михайлова.

– Я – начальник Минской милиции. Хочу с вами побеседовать об убийстве нашего сотрудника.

– А я почему знаю, кто его убил, – пожал плечами Кравцов. – Я к тому времени был уже арестован и находился на первом этаже.

Михайлов некоторое время в упор смотрел на Кравцова. Спокойный, но в то же время строгий взгляд, застывшая в уголках губ недоверчивая улыбка навели на мысль, что он видит собеседника насквозь. Кравцов нервно передернул плечами, по лицу пробежала судорога:

– Что вы так на меня смотрите? Я же вам русским языком сказал, что ничего не знаю...

– Нет, господин Кравцов, знаете, – спокойно перебил его Михайлов. – А смотрю я на вас потому, что понять пытаюсь: на что вы надеетесь? Большинство руководителей контрреволюции в Минске нами арестованы. У вас в доме обнаружено оружие, документы, свидетельствующие о вашем личном участии в заговоре. Вы не ребенок и понимаете, что это для вас означает в условиях военного времени. Поэтому даю вам совет: не тяните. Воспользуйтесь случаем, что я, начальник милиции, сам к вам пришел. Завтра, возможно, вы захотите дать правдивые показания, но как бы не было поздно. Не думаю, что вы упустите этот, пожа-

луй, единственный шанс. Тем более что заговор Корнилова безнадежно провалился.

— Вы так считаете?

— Это объективная оценка ситуации. Мы сумели опередить вас, господин Кравцов, да иначе не могло быть. — Михайлов посмотрел на часы. — У меня очень мало времени.

Кравцов махнул рукой:

— Хорошо, гражданин Михайлов. Я назову убийцу. Но, поверьте, я тут ни при чем. Просто в последнее время у меня в доме стало появляться много людей, были среди них и такие, кто интересовался моими личными вещами и ценными предметами. Я понял, что могу в один прекрасный момент оказаться жертвой ограбления, и попросил друзей подыскать мне охранника, ну как бы личного телохранителя. Неделю назад привели мужчину с самыми лучшими рекомендациями. И он стал жить в моем доме. А когда ваши нагрянули, видно, спрятался в кладовке.

— Как его фамилия?

— Честное слово, не знаю. Но у него необычная, я бы сказал, уникальная кличка — «Папа римский». Я как-то поинтересовался, откуда эта кличка. Оказывается, года четыре назад он, угрожая силой, пытался обложить многих священнослужителей налогами. А иных просто-напросто обворовал. За это его судили, но после февральской революции он кое-кому понадобился и оказался на свободе.

— Кто вас с ним познакомил?

Кравцов замялся:

— Я бы не хотел...

— Ну полноте, Лев Спиридонович, — поднялся Михайлов. — Вы же сами понимаете, как подвел вас этот «Папа римский».

Кравцов вздохнул, подумал немного и кивнул:

— Да, конечно. Мне прислал «Папу римского» бывший полицмейстер города.

И Кравцов вдруг с жаром начал убеждать Михайлова, что он не хотел такого поворота событий, что

«Папе римскому» вовсе запретил показываться людям на глаза, а тот, видно, со страху поднял руку на работника милиции. Михайлов перебил его:

— Если вы действительно хотите убедить меня в своей искренности, то расскажите без утайки все, что вам известно о заговоре. Поймите, путч провалился и питать надежды, что Корнилов придет на помощь — блеф, наивность. Вы же должны все взвешивать реально...

И Кравцов решил:

— Хорошо, гражданин Михайлов. Я согласен рассказать все, что мне известно.

— Отлично! Вот вам бумага, чернила. Садитесь и пишите, а я вынужден оставить вас. Вместо меня придет наш работник. Не считайте за труд ответить и на его вопросы. Договорились?

Кравцов кивнул, а Михайлов вышел распоряжаться, чтобы позвонили в штаб милиции и попросили Крылова-старшего немедленно приехать в тюрьму.

От штаба до тюрьмы было недалеко, и Антон Михайлович не заставил себя ждать. Михайлов поручил ему продолжить допрос Кравцова, а сам поспешил в штаб. Рассказал Гарбузу о разговоре с Кравцовым и поручил ему:

— Ты должен как можно скорее выяснить фамилию «Папы римского» и арестовать бандита. Возьми в помощь Алексея Крылова и Шяштокаса.

Шяштокас еще не смирился со смертью друга, ушел в себя, был хмур и неразговорчив. Но когда Гарбуз сообщил ему о задании Михайлова, оживился и с готовностью спросил:

— Что мне делать?

— Сходи за Яцкевичем. Помнишь его?

— Этого надзирателя? Конечно, помню. Где он живет?

Гарбуз назвал адрес.

– Скажи ему, что Гарбуз, мол, велел кланяться и очень просил прийти.

– Может, в ножки ему упасть? – У Шяштокаса недобро блеснули глаза.

Гарбуз понимал, что Шяштокас не питает особой симпатии к надзирателям, но, не будучи вправе полностью раскрыть, кто такой Яцкевич, предупредил:

– Прошу, будь с ним повежливей. Пойми, не каждый, кто попал на службу в тюрьму, – зверь. Есть среди них и люди.

Шяштокас ушел, а Гарбуз, увидев в коридоре Галкина, приказал:

– Григорий, разыщи и пришли ко мне Крылова-младшего.

Алексея Гарбуз направил, как имеющего в этом деле опыт, порыться в полицейских и судебных архивах:

– Данные о «Папе римском» там есть наверняка, ты только будь повнимательнее. Если удастся, побеседуй с бывшими сотрудниками уголовной полиции. Они его должны хорошо знать.

После этого позвонил Михайлову и доложил о принятых мерах. Михайлов сказал:

– Хорошо. А теперь давай ко мне. Тут пришел Антон Михайлович, он в тюрьме допрашивал Кравцова. Прикинем, что дальше делать.

У Михайлова Гарбуз первым делом прочел показания Кравцова.

– Так что, выходит, мы еще не всех заговорщиков выловили?

– Выходит, так. – Михайлов достал из выдвижного ящика стола несколько листов бумаги и протянул их Гарбузу: – Здесь фамилии контрреволюционеров, которых узнал Онищук. Имена некоторых из них называет Кравцов. Дело о «Папе римском» передашь Антону Михайловичу, а сам приступай к розыску этих лиц.

– Михаил Александрович, а как вообще дела? – спросил Гарбуз. – Я тут замотался и не знаю, что происходит на свете.

– Ну, кое-что могу сказать, – улыбнулся Михайлов. – Вчера отряд, который мы направили в Оршу, занял город и прервал связь «дикой» дивизии с Могилевом. Борьба с корниловщиной по всей не оккупированной немцами Белоруссии идет успешно. Словом, в ближайшее время контрреволюции каюк. Мне только что звонил Мясников. Комитет направил Любимова, Ландера, Кнорина и других руководителей-большевиков на крупнейшие заводы и фабрики: надо продолжить создание отрядов рабочей гвардии.

– А ты куда?

– На железнодорожный узел. Мне поручено организовать там красногвардейские отряды для патрулирования вокзала, станции, взять под контроль проходящие через город железнодорожные линии.

Михайлов замолчал, посмотрел в окно. На его исхудавших щеках яростно ходили желваки. Словно самому себе, тихо сказал:

– Эх, с каким бы наслаждением взял за шиворот негодяя, загубившего нашего Романа! Такой парень был! – Побледневший, он повернулся к Крылову и Гарбузу: – Вам ясны задачи?

Крылов и Гарбуз одновременно кивнули.

– Тогда за дело...

Уже к ночи Антон Михайлович Крылов знал настоящую фамилию «Папы римского». Им оказался ранее четырежды судимый Мануйлов. В четырнадцатом году Мануйлов, нагло называясь «Папой римским», ограбил трех попов, еще нескольких обложил данью. За грабежи и вымогательства его осудили на четырнадцать лет. Но вскоре после февральской революции ему помогли бежать. Сразу же взялся за старое. Не гнушался кражами даже у бедных людей, без раздумий пускал в ход нож.

Крылову-младшему удалось установить, где скрывается убийца. После полуночи приступили к операции. Вместе с Антоном Михайловичем в ней участвовало четырнадцать человек. На автомобиле доехали до Кальварии, а дальше пошли пешком. Тихо подкрались к дому, брошенному еще в марте купцом Опаровым. По добытым Алексеем Крыловым сведениям кто-то из бывших друзей купца присматривал за домом и за немалую сумму предоставил его Мануйлову, поселившемуся там вместе с тремя друзьями. Огромные дубовые ворота, кованые железом, словно сторожевая башня, возвышались над сплошным дощатым забором. Антон Михайлович потрогал калитку – заперта – и, наклонившись к уху сына, прошептал:

– Алешка, возьми с собой Дмитриева и осмотрите забор: может, где доска оторвана.

Алексей и Дмитриев медленно двинулись вдоль забора. Ощупали каждую доску, но все они были прибиты крепко-накрепко. Дмитриев предложил другой план: перемахнуть через забор и открыть калитку.

Вскоре милиционеры, осторожно ступая по мокрой траве, окружили дом. С оружием наизготовку встали у черного выхода и неосвещенных окон. Шяштокас снял у одного из солдат-милиционеров с винтовки штык и осторожно начал возиться с дверью. Она чуть-чуть отходила от косяка: значит, скорее всего, была заперта на крючок. Так и есть: тихо звякнул крючок и дверь открылась. Антон Михайлович сунул в руки трем сотрудникам по свечке:

– Когда войдем в дом – зажгите!

Алексей, опережая отца, шагнул в прихожую. Зажглись свечи. Все дальнейшее произошло быстро и без стрельбы: в гостиной и в спальне на диванах мертвецы спали четыре пары.

– Видно, неплохо гульнули, – улыбнулся в усы Антон Михайлович.

«Папу римского» опознали сразу же. Огромный шрам через все лицо – верная примета. Под подушкой у него, кроме нагана, обнаружили две гранаты. Дмитриев хмуро спросил:

– Что, лучше спится, когда гранаты под головой?

Мануйлов в ответ заскрежетал зубами:

– Если б не спал, всех бы на куски!

– Нет уж, – сказал, связывая ему руки, Алексей Крылов, – мы тебя, гада, в революционный суд целехоньким доставим.

ЭПИЛОГ

Из Петрограда в конце августа пришло радостное известие: с мятежом Корнилова покончено. Борьба с корниловщиной оказала огромное влияние на ход революции. Как никогда возрос в глазах населения и солдатских масс авторитет большевиков. Повсеместно началась большевизация Советов. В стране, в том числе и в Белоруссии, назревала революционная ситуация. Большинство трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта шло за большевиками.

Михайлов получил неожиданный приказ выехать в Петроград. Вечером одного из дождливых октябрьских дней он и Соня прощались с боевыми товарищами. Крепкие рукопожатия, теплые слова и такие же теплые, немного грустные улыбки. И вот Михайлов уже стоит на подножке медленно движущегося вагона. Друзья на перроне прощально машут руками.

Михаил Александрович хочет улыбнуться, что-то еще сказать, но слезы застилают глаза, и он лишь молча поднимает – словно берет под козырек – руку.

«Прощайте, мои дорогие! – хочется, вероятно, крикнуть ему. – Сделали мы с вами немало, но еще много, ох как много дел впереди».

Не все, кто пришел проститься с товарищем Михайловым, которого партия переводила на новый участок работы, знали, что они провожают будущего славного полководца гражданской войны, выдающегося деятеля Советского государства – Михаила Васильевича Фрунзе.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРГИНЕЦ

В 1969 году окончил юридический факультет Белорусского государственного университета.

В 1977 году присвоена ученая степень кандидата юридических наук.

С 1981 по 1984 год – начальник управления уголовного розыска МВД БССР.

С 1984 по 1987 год служил в Афганистане.

С 1987 по 1993 год – начальник управления внутренних дел на транспорте МВД Беларуси.

С января 1997 по октябрь 2008 года – член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, председатель Постоянной комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности (1, 2 и 3 созывы). Принимал активное участие в работе Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

С 1998 года член Совета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, председатель Постоянной комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по вопросам внешней политики, член Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи СНГ по внешнеполитическим вопросам.

С ноября 2005 года по настоящий момент Председатель Союза писателей Беларуси,

член Союза журналистов, Союза кинематографистов Беларуси.

Автор более 50 научных трудов, нескольких сценариев художественных кинофильмов и спектаклей, а также более 40 художественных произведений. Среди них повести «Следствие продолжается» (1977), «Финал Краба» (1979), романы «Приказ №1» (1985), «Сыновья» (1989), «Тайна Овального кабинета» (2001), «Побег» (2002) и многие другие.

Лауреат международных литературных премий имени А. Фадеева и В. Пикуля, а также многих союзных и республиканских премий, награжден 8 орденами и 30 медалями. За разноплановые достижения в области культуры и науки в 1998 году внесен в Книгу рекордов Гиннеса.

Литературно-художественное издание

Чергинiec Николай Иванович

ПРИКАЗ № 1
Повесть

Ответственная за выпуск *В.Н. Волкова*

Подписано в печать 05.07.2016.
Формат 84x108/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,64. Тираж 1500 экз. Заказ 1641.

ООО «Харвест».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

В повести автор рассказывает о тревожных событиях, которые происходили в Минске накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, когда в город по решению партии прибыл Михаил Васильевич Фрунзе.

В течение короткого времени М.В. Фрунзе смог создать из большевиков и наиболее сознательных рабочих боеспособную милицию и организовать борьбу с уголовной преступностью.

Выпуск книги посвящен 100-летию белорусской милиции.

ISBN 978-985-18-3925-0

9 789851 839250

